

68. Ханмагомедов Ханмагомед Лязимович Гебекова Аджибекке Набиевна Махачева Саният Зайнутдиновна (г. Махачкала)	
ТОПОНИМИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ГЕОГРАФИИ И КОНТАКТИРОВАНИИ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН	199
69. Хисамов Олег Ришатович (г. Зеленодольск)	
ТЮРКО-ТАТАРСКАЯ ТОПОНИМИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ТОПОНИМИИ ЯРКОВСКОГО РАЙОНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)	201
70. Хисамова Фагима Миргалиевна (г. Казань), Васильева Елизавета Федоровна (г. Чебоксары)	
ВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ	202
71. Хлебникова Валентина Георгиевна (г. Чебоксары)	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М.Р. ФЕДОТОВА В ПРЕПОДАВАНИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА НА НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ	205
72. Цехмистренко Ольга Викторовна (г. Черкассы, Украина)	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ УКРАИНСКИХ ФАМИЛИЙ	207
73. Чиндыков Борис Борисович (г. Чебоксары)	
НАЗВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЧУВАШСКОЙ ДИАСПОРЫ И ИХ ПРОЕКТОВ В АСПЕКТЕ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	210
74. Шагеев Рафкат Шириязданович (г. Альметьевск)	
ЦВЕТОМИКРОТОПОНИМЫ КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	214
75. Шайхисламова Зубаржат Фаниловна (г. Уфа)	
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИЕЙ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ	217
76. Шайхулов Алмас Галимзянович (г. Уфа)	
КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМНОГО ИЗУЧЕНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В ЯЗЫКАХ АЛТАЙСКОГО СООБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОСЛОЖНЫХ КОРНЕВЫХ ОСНОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ)	220
77. Шибанов Алексей Александрович (г. Ижевск)	
НАРЕЧНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ И ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В УДМУРТСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ	222
78. Юсупова Альфия Шавкетовна (г. Казань)	
ИСТОРИЯ ТАТАРСКО-РУССКИХ И РУССКО-ТАТАРСКИХ СЛОВАРЕЙ XIX ВЕКА	225

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

И

СОВРЕМЕННЫЕ

ПРОБЛЕМЫ АЛТАИСТИКИ

(27—28 февраля 2009 года)

•

THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCE

CHUVASH LANGUAGE

AND

**MODERN PROBLEMS
OF ALTAIC LINGUISTICS**

(February 27—28, 2009)

УДК 811.512.111
ББК 81.2 Чув
Ч 82

*Печатается по постановлению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Ответственный редактор:

Хузангай А.П., кандидат филологических наук

Составители:

Кузнецов А.В., кандидат филологических наук
Сосаева А.А., старший научный сотрудник

Рецензенты:

Дегтярев Г.А., кандидат филологических наук
Сергеев Л.П., доктор филологических наук
Хисамова Ф.М., доктор филологических наук

Ч82 Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: Сборник материалов Международной научной конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященной 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (Чебоксары, 27-28 февраля 2009 г.). В 2-х ч. – Ч. II. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – 242 с.

В сборник включены статьи участников Международной научной конференции, затрагивающие проблемы научно-теоретического наследия М.Р. Федотова, современной алтаистики, языковых контактов на территории Евразии, чувашского языка и языков центральноазиатского региона, истории тюркских языков, современные вопросы тюркологии, финно-угроведения, иранистики, актуальных проблем этнолингвокультурологии, теорию и практику ономастических, этимологических исследований, теоретических и методологических принципов составления этимологических словарей, новые подходы в изучении литературы, фольклора, педагогики и методики преподавания и т.д.

Статьи печатаются в авторской редакции.

Адресована специалистам-филологам, культурологам, этнологам, аспирантам, учителям, студентам.

УДК 811.512.111
ББК 81.2 Чув

ISBN 978–5–87677–109–4

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2009
© Коллектив авторов, 2009

56. <i>Фатхуллова Кадрия Сунгатовна</i> (г. Казань) СИСТЕМА РАЗРАБОТКИ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕСТОВ ПО ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ	160
57. <i>Федосеева Елена Николаевна</i> (г. Сыктывкар) СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА	162
58. <i>Федотова Елена Владимировна</i> (г. Чебоксары) ОБРЯД <i>СЁРЁ ЯНИ</i> И ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ <i>СЁРЁ ЯНӐ ЧУХНЕХИ ЮРӐСЕМ</i> (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2009 г. В д. АБРЫСКИНО НУРЛАТСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	165
59. <i>Федотова Людмила Аркадьевна</i> (г. Чебоксары) МИКРОТОПОНИМЫ УРМАРСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОДНОЙ ДЕРЕВНИ)	169
60. <i>Федюнева Галина Валерьяновн</i> (г. Сыктывкар) ОБ ОДНОЙ ЭТИМОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРМСКО-ЧУВАШСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ	174
61. <i>Филиппов Андрей Львович</i> (г. Чебоксары) ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ <i>-АН / -ЕН</i> В ОГУЗСКИХ ЯЗЫКАХ	177
62. <i>Фомин Эдуард Валентинович</i> (г. Чебоксары) ЧУВАШСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	181
63. <i>Хадиева Гульфия Камиловна</i> (г. Казань) ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ОЙКОНИМАХ ПЕРИОДА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА	185
64. <i>Хазиева Гузалия Сафулловна</i> (г. Казань) ТАТАРСКИЕ И ЧУВАШСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ	188
65. <i>Хайдаров Шомат, Одегов Владислав</i> (г. Кунгур) ОТРАЖЕНИЕ НАЗВАНИЯ ПРАЗДНИКА <i>НАВРУЗ</i> В СИСТЕМЕ АНТРОПОНИМИИ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ И ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ	190
66. <i>Халиуллина Нурия Усмановна</i> (г. Уфа) СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ОДНОСЛОЖНЫХ КОРНЕВЫХ ОСНОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	193
67. <i>Ханмагомедов Ханмагомед Лязимович</i> <i>Гебекова Аджибекке Набиевна</i> (г. Махачкала) БУЛГАРИЗМЫ В ДАГЕСТАНЕ КАК ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ ЗАСЕЛЕНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИХ НОСИТЕЛЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	197

43. <i>Сергеев Виталий Иванович, Исаев Юрий Николаевич</i> (г.Чебоксары) КОНЦЕПТОСФЕРА «ФЛОРА» И КОНЦЕПТ «БЕРЕЗА» В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМ	116
44. <i>Сибгаева Фируза Рамзельевна</i> (г.Казань) КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ» В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	119
45. <i>Степанов Владимир Васильевич</i> (г.Чебоксары) ХОРЕЗМ И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ	121
46. <i>Студенцов Олег Ростиславович</i> (г.Чебоксары) ПРАВОСЛАВНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В КРАТКОМ ЧУВАШСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ Н.В. НИКОЛЬСКОГО 1919 г. (ВЫЯВЛЕНИЕ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА)	130
47. <i>Студенцов Олег Ростиславович, Федорова Галина</i> (г.Чебоксары) ЧАВАШАН КУЛЛЕНХИ КАЛАСУ ЛЕКСИКОНЁ	133
48. <i>Султанбаева Хадиса Валиевна</i> (г. Уфа) О РАЗНЫХ ПОДХОДАХ К КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ	137
49. <i>Тагирова Фарида Инсановна</i> (г. Казань) ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА	142
50. <i>Тараканов Иван Васильевич</i> (г.Ижевск) ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ВЯЗЫКАХ НАРОДОВВОЛГО-КАМЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДВУХТОМНОГО «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА» М.Р.ФЕДОТОВА)	144
51. <i>Терентьев Владимир Михайлович</i> (г. Чебоксары) ЗНАЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА М.Р.ФЕДОТОВА В ИЗУЧЕНИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА	147
52. <i>Терехова Ольга Павловна</i> (г.Чебоксары) ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ТРУДАХ М.Р. ФЕДОТОВА	150
53. <i>Титова Ольга Владимировна</i> (г.Ижевск) О НАИМЕНОВАНИЯХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В УДМУРТСКОМ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ	152
54. <i>Туратбек кызы Венера</i> (г. Бишкек, Кыргызстан) К. СЕЙДАХМАТОВ ТҮЗГӨН “ЭТИМОЛОГИЯЛЫК СӨЗДҮКТӨГҮ” АЙРЫМ СӨЗДӨРГӨ ИЛИКТӨӨ ЖҮРГҮЗҮҮ [НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ НА ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА, СОСТАВЛЕННЫЙ С. СЕЙДАХМАТОВЫМ]	154
55. <i>Ульянова Татьяна Борисовна</i> (г. Чебоксары) ВЫРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ НЕДЕЛЬНОГО ПРОМЕЖУТКА ЛЕКСИЧЕСКИМ СПОСОБОМ	157

ФЕДОТОВ – KÜL, BILGÄ KAĞAN

Научное творчество М.Р. Федотова представляет собой словно расходящиеся круги, которые охватывают собой все более широкие пространства в соответствии с расширением окола мысли самого исследователя. Мысль эта о родном Языке, его истории и болгаро-тюркском корне, о месте родного языка в кругу других близкородственных, соседних и дальних языков... Труды Федотова подтвердили весомо и зримо, что заниматься темой «Булгаро-чувашский язык в Евразийском геополитическом пространстве в последние два тысячелетия» (Н.И. Егоров) надо с привлечением огромного по объему лингвистического материала, во всеоружии метода, подтверждая и доказывая для нашей чувашской ситуации простую и одновременно сложную истину: «История чуваш – это, прежде всего, свидетельство языка, а происхождение слов есть ключ к происхождению народа и показ долгого исторического пути, им пройденного...»

У нас очень мало других древних свидетельств о нашем прошлом – камней, археологических памятников, письменных источников, сочинений древних авторов и т.д. И потому чувашский язык приоритетен во всех наших размышлениях по поводу нас самих. Важное место он занимает в отечественных и зарубежных публикациях, касающихся истории тюркских и, шире, алтайских языков. Так, одна из самых кардинальных работ Густава Йохана Рамстедта (1873-1950), основоположника наряду с Н.Н. Поппе классической алтайской теории, обосновывающей родство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также японского и корейского, называется «Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen» (1922) – «К вопросу о месте чувашского языка», где он обосновывает роль чувашского языка как связующего звена между тюркскими и монгольскими языками. Всего 34 странички, но по своему значению для тюркологии и алтаистики она стала своего рода «теорией относительности». В 20-е же годы, исходя из чувашских данных, свои первые алтаистические работы публиковал Н.Н. Поппе.

На их работы, а также исследования других классиков тюркологии, уралистики и алтаистики – В.В. Радлова, В. Томсена, М. Рясенена, У. Вихманна, Х. Паасонена, З.Гомбоца, С.Е. Малова, Б.А. Серебренникова, Н.А. Баскакова – опирался профессор М.Р. Федотов, и они стали доступны чувашскому читателю, вошли в научный оборот чувашской филологии, в его переложении, в том, как он развивал их идеи, подкреплял новым материалом родного чувашского языка.

Про М.Р. Федотова часто говорили, что он был необычайно целеустремлен и последователен. Что ж, это действительно так. Окидывая ретроспективно сумму его трудов, видишь определенную логику. Начав собственно с чувашского языка (систематизация средств выражения модальности), он обращается к изучению этнокультурных связей чувашского языка с языками наших ближайших соседей – марийцев, других угро-финнов Поволжья и Перми. Надо было прояснить эти отношения и определить хронологию перекрестных заимствований и взаимовлияний, которые имели со времени обоснования государства Волжской Булгарии (VIII–IX вв.) с тем, чтобы иметь представление о языковой ситуации того периода. Далее, ученый обращается к чисто тюркской проблематике в поисках наших далеких тюркских корней. Первоначально это было вызвано насущной необходимостью введения тюркологических дисциплин в университетский учебный процесс. Он с жаром принимается за новое дело. Читает курсы древнетюркского языка, введения в тюркологию, сравнительной грамматики тюркских языков, истории чувашского языка, а также создает по ним учебные пособия – полный комплект тюркологического цикла на чувашском языке. Также как знание латыни и древнегреческого для филолога западной (европейской) школы или старославянского для русистов было нормой, то и настоящий чувашевед (потенциальный тюрколог) не может войти в большой тюркский мир (büyük türk dünyası), не познакомившись хотя бы с азами фонетики и

грамматического строя древнетюркского языка, с основами рунического письма. Это было нелегко для студентов, мало что видевших далее околицы родного *яла*, но все равно с уважением и почтением они называли Михаила Романовича каганом...

Можно сказать, что именно он открыл для студентов, да и вообще в чувашской филологии, неоранное поле сравнительно-сопоставительных чувашско-тюркских и чувашско-финно-угорских штудий. Хотя, конечно, были и Н.И. Золотницкий, Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров. Но в урало-алтаистическом направлении выстроил их именно М.Р. Федотов. Его фундаментальные труды в своей совокупности представляют собой обширное введение в болгаро-чувашско-тюркскую филологию, своего рода *Porta Linguae Tschuvaschicae*, врата чувашского языка. Внимательный читатель всегда найдет в них пищу для ума, ту точку, от которой хочется продолжить самостоятельный поиск.

Для М.Р. Федотова каждое слово чувашского языка – будь то апеллатив или оним – словно маленький драгоценный камень, в котором сокрыта некая тайна истории языка и родного народа. И он как Мастер, как лингвист-профессионал, ограничивает этот камень, чтобы он сверкнул своими гранями при свете солнца. Отсюда его пристрастие к историко-этимологическим этюдам, которые щедро разбросаны по его трудам, не говоря уж о двухтомном «Этимологическом словаре чувашского языка», выдержавшего два издания (1996, 2002).

Во Введении к своей другой обобщающей работе «Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика» (1996) есть одна чрезвычайно любопытная мысль, на которой нам хотелось бы остановиться: «Булгарская эпиграфика XII-XIV вв. для науки о языке является как бы «первотекстом» со своим составом фонем и граммам. При всех хронологических и прочих различиях болгарский язык памятников и современный чувашский язык в целом сохраняют свое тождество» (с.16). Она была важна для ученого и он много отдал сил и энергии полемике с оппонентами.

Вероятно, таким же «первотекстом» для М.Р. Федотова были тюркские рунические памятники VII-IX вв., изданные в свое время В.В. Радловым и С.Е. Маловым, а настольной книгой «Древнетюркский словарь» (1969), аккумулировавший лексику этих и других древнетюркских памятников.

Относительно эпитафий волжских болгар скажем, что даже если это Текст (фиксация фонем, отдельные лексемы, редкие грамматические формы и синтагмы все же, действительно, позволяют составить представление о среднебулгарском языке), то он был освящен мусульманским обычаем и каждая эпитафия как реальный канонический текст была обращена от имени усопшего к Аллаху. Что означает лишь некий фрагмент языковой и, шире, духовной картины мира чуваш (мусульманский элемент в ней несомненно присутствовал, о чем мы можем судить по теонимии, иной чувашской сакральной лексике), формировавшейся на протяжении не менее двух тысячелетий.

Текст безусловно важен. В постмодернистской художественной и научной традиции считается, что «Текст в истории не «вторичен», текст не фиксирует, а обеспечивает положение вещей. Он не просто порождает отношение к «реальности» или какие-то фрагменты «реальности», а саму мировую гармонию – равновесие греха и воздаяния и точку зрения Бога. Не точка зрения Бога («Логос») обеспечивает существование текста. Бог и текст соотносятся как два любых текста» (В. Курицын. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. С.161).

В идеале цельный чувашский прото-Текст может быть реконструирован из собственно языковых, культурно-антропологических, фольклорных, археологических и иных источников и по своей временной глубине он будет относиться где-то к середине 1-го тысячелетия до н.э. Именно такую цель, как нам представляется, ставит перед собой и ясно видит ее верный ученик М.Р. Федотова Н.И. Егоров (см. в настоящем сборнике нашу статью «Hura Suhal, vaskamasār Es – vaska»).

28. <i>Плотников Николай Алексеевич</i> (г. Нижний Новгород) ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПОРТАЛА КАК МЕТОД ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	74
29. <i>Приходько Виктор Владимирович</i> (г. Ульяновск) БУЛГАРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ВУЙ, КЮБЯ	76
30. <i>Раевская Ирина Валентиновна</i> (Шетмёпус ялë) ШЕТМЁПУС ТĂРĂХËНЧИ ТУЙ ЙĂЛИ-ЙËРКИ УЙРĂМЛĂХËСЕМ	79
31. <i>Ракин Анатолий Николаевич</i> (г. Сыктывкар) ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ ОБЩЕПЕРМСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	82
32. <i>Рахимова Асия Ризвановна</i> (г. Казань) СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЯ «ОЧЕНЬ»)	85
33. <i>Родионов Виталий Григорьевич</i> (г. Чебоксары) К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ БИГЕР И АРЧА	88
34. <i>Родионова Эльвира Ильинична</i> (Шупашкар хули) М.Р. ФЕДОТОВ – ИЛЕМЛЕ СĂМАХ ХАКЛАВСИ	92
35. <i>Сабитова Ильхамия Исламутдиновна</i> (г. Казань) ФОРМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЛОВООБОАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СОМАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	94
36. <i>Сагдеева Фаузия Кабировна</i> (г. Казань) О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ НОРМЫ	97
37. <i>Садькова Разиля Зуфаровна</i> (г. Казань) ВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ НАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	100
38. <i>Саньяров Фанзиль Булякович</i> (г. Уфа) ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА БАШКИРСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ	102
39. <i>Саргузина Диляра Зульфатовна</i> (г. Казань) РОБЕРТ МИЦНУЛЛИН ШИГЫРЬЛËРЕНЕЦ РИТМИКАСЫ	105
40. <i>Сафина Эльвира Ирфатовна</i> (г. Казань) НАЗВАНИЯ ПТИЦ В ТАТАРСКИХ ТОПОНИМАХ И АНТРОПОНИМАХ	108
41. <i>Семенов Василий Германович</i> (г. Ижевск) О НАИМЕНОВАНИЯХ РАКА РЕЧНОГО В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ	111
42. <i>Семенова Галина Николаевна</i> (г. Чебоксары) ИМЕННЫЕ КОМПОЗИТЫ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПУТЕМ СЛОЖЕНИЯ И ЕДИНОВРЕМЕННОЙ АФФИКСАЦИИ	114

15. <i>Насибуллин Риф Шакрисламович</i> (г.Ижевск). БУЛГАРИЗМЫ В “ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА”	40
16. <i>Насипов Илшат Сахиятуллович</i> (г.Стерлитамак) О НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	42
17. <i>Насипов Илшат Сахиятуллович</i> (г.Стерлитамак) О НЕКОТОРЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ТАТАРСКИХ НАЗВАНИЯХ ФЛОРЫ (ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ)	45
18. <i>Неталиев Сагындык Суинваевич</i> (г.Астана, Республика Казахстан) MOTIVATION OF PROVERBS AND SAYINGS IN THE KAZAKH AND ENGLISH LANGUAGES: THE LINGUACULTURAL ASPECT [МОТИВАЦИЯ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В КАЗАХСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ]	47
19. <i>Никитин (Станьял) Виталий Петрович</i> (г.Чебоксары) СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ И ЧУВАШСКОГО ФОЛЬКЛОРА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)	50
20. <i>Никифоров Геронтий Лукьянович</i> (Шупашкар хули). К.В.ИВАНОВАН «НАРСПИ» ПОЭМИНЧИ ДИАЛЕКТ ТАТА ТЁН СЌМАХЁСЕМ, ВЁСЕН ЛЕКСИКА ПЁЛТЕРЁШЁСЕМ	52
21. <i>Никифорова Вера Николаевна</i> (г.Чебоксары) ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКА	55
22. <i>Павлов Владимир Васильевич</i> (г.Чебоксары) СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АФФИКСЫ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	58
23. <i>Пантелеева Тамара Григорьевна</i> (г.Ижевск) НАША ЧУВАШСКАЯ СЕСТРА	61
24. <i>Парзымиес Анна</i> (г.Варшава, Польша) ЧЕРЕДОВАНИЕ <i>j ~ ś, s</i> ВБУЛГАРСКИХ ЯЗЫКАХ (НА БАЗЕ ЭТИМОЛОГИИ ЯЗЫКОВЫХ РЕЛИКТОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ)	63
25. <i>Петров Леонид Порфирьевич</i> (Шупашкар хули) ПЌРТАС: ЭТНОНИМ ТАТА ТОПОНИМ	64
26. <i>Печников Олег Иванович</i> (г.Чебоксары) ОБУЧЕНИЕ СОСТАВЛЕНИЮ ЧУВАШСКОГО ТЕКСТА РУССКОЯЗЫЧНЫМ СТУДЕНТАМ	68
27. <i>Плоскова Мария Алексеевна</i> (г.Сыктывкар) АНАТОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК МУДРОСТЬ КОМИ НАРОДА	72

Как *kül bilgä Kağan* Михаил Романович рачительно распоряжался чувашским языковым «хозяйством» и ничего не оставлял без внимания. Помимо своих академических исследований и университетского преподавания он был чуток на веяния времени и живо откликался на актуальные культурологические проблемы, часто публиковался на страницах республиканских газет и журналов, высказываясь о наболевшем.

В своей жизни и научном творчестве, как мы видим сейчас, М.Р. Федотов придерживался принципа, который был хорошо сформулирован в тюркской дидактической поэме «*Qutadgu Bilig*» (XI в.)

*Без знаний бесплодны и разум и речь,
А знанья – что влага живительных вод.
(...)
Разумный сомненьями скован всегда,
Глупца напролом своеволье ведет!*

(Перевод С.Н. Иванова)

О себе и исполненных деяниях на поприще истории чувашского языка, тюркологии и алтаистики, пусть в ее классическом измерении, Михаил Романович вполне по праву мог бы сказать словами Могилян хана (683-735) – Бильге-Кагана: «Тенгри благоволил ко мне...». И немного перефразируя эту строку памятника скажем так: «*Täŋri jarlıkaduk ūčün män kazğantık ūčün čuvaš budun kazğanmiš äginč*» (Так как Тенгри благоволил ко мне и я столько приобрел, то и народ чувашский стал тоже приобретать).

Работа М.Р. Федотова должна быть продолжена на достойном уровне.

Атнер П. Хузангай,
заведующий отделом языкознания
Чувашского государственного
института гуманитарных наук

Примерно в середине 80-х годов прошлого века, то есть во время «перестройки» в чувашский социокультурный и политический дискурс вошел оборот *Чăваш тĕнчи* (÷ чувашский мир). Семантика его может быть истолкована примерно так:

1) географическое пространство, в котором проживают чуваша (население Чувашской Республики + диаспора), практически во всех субъектах Российской Федерации есть группы чувашского населения, но «ядро» чувашской нации все же находится в Урало-Поволжье; 2) некое духовное единство, скрепляемое общностью языка, историческими и культурными традициями.

Николай Иванович Егоров (professional nickname Hura Suhā), чувашский филолог по преимуществу, еще со студенческих лет побывал в разных точках этого чувашского мира, ведя полевой сбор диалектного и фольклорного материала в ходе экспедиций и постепенно открывал для себя основные координаты *Чăваш тĕнчи* как особой духовной сферы, в которой сходились традиционное мировоззрение чувашей в сакральном и мирском измерениях, такие вторичные семиотические моделирующие системы как народная словесность, обряд, мифология, а также антропонимия, топонимия, теонимия, и главным нервом этой сферы был, конечно же, Язык, уходящий корнями в глубокую диахронию. Думается, уже тогда к нему пришло широкое понимание чувашского гуманитарного знания (resp. филологии) как синтеза собственно лингвистических, этнографических, археологических и исторических фактов, данных других самых разнообразных источников, и только на этой основе могут возникать гипотезы, теории чувашского этноглоктогенеза. В этом он следовал Н.И. Ашмарину и классической традиции понимания тюркологии как комплексной науки, когда «тюркологи, как почти все востоковеды в прошлом, в силу сложности и слабой изученности исходного исследовательского материала были (а иногда остаются и поныне) учеными-универсалами, сочетающими в себе языковеда, литературоведа, этнографа, историка» (А.А. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е. Л., 1982. – С.5).

Он собрал и аккумулировал огромный по своему объему этнолингвокультурологический материал, но он лежит втуне, потому как не оформляется в виде книг, авторских монографий, статей и прочая. При всем при этом Н.И. Егоров не является скупым рыцарем, он щедро делится со студентами, аспирантами, соискателями ученых степеней и т.д. И поэтому, я говорю, васкамасĀр, Эс васка! Всевышний нам отпустил некое количество часов, дней и годов нашей жизни, и надо их использовать максимально - нет, или почти нет надежды, что кто-то продолжит наше дело. Все приходится делать самому. Вай патĀр, сана, Хура Сухал! Вспомним слова Кюль-Тегина:

«Üzä kök Täŋri asra jağız jir kılıkuntukda, äkin ara kici oğlı kılınmış. Kici oğlın ta üzä äçüm aram Bumin kağan İstāmi kağan olurmiş. Olurıpan türk budunı ilin törin tuta birmis iti birmis

(...) Üzä türk Täŋri türk iduk jiri subı anča timis: türk budun jok bolmazun, tijin, budun bolčun, tijin...» (Когда было сотворено вверху небо и внизу бурая земля, между ними были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев они поддерживали союз и установления тюркского народа (...))

(Но) вверху Небо тюрков и священная земля и Вода тюрков так сказали: «да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет». *Чăваш тĕнчи* для Н.И. Егорова открывался как национально-идентифицирующий Текст, в котором разные типы знаков – словесных, аудиовизуальных (*çĕр пин сĕмах*, *çĕр пин тĕрĕ*, *çĕр пин юрĕ*) – взаимодополнительны и только цельный охват и прочтение этого Текста дает нам возможность реконструировать истинно чувашскую картину мира (*тĕнче курĕмĕ*).

Но в то же время, в период обучения на чувашском отделении историко-филологического факультета ЧГУ, где его прямым наставником и Учителем был Михаил Романович Федотов, пройдя полный цикл тюркологических дисциплин («древнетюркский язык», «сравнительная грамматика тюркских языков», «введение в тюркологию», «история чувашского языка») Н.И. Егоров постепенно осознавал, что *чăваш тĕнчи* это лишь часть большого тюркского мира, алтайской ойкумены и Универсума в целом.

...Учитель и ученик это особые взаимоотношения в науке. Н.И. Егоров не только жадно впитывал лекции М.Р. Федотова, но и сотрудничал с ним, практически все пособия по вышеназванным дисциплинам прошли через его руки, он готовил их для ротопринта и чуть ли не на каждой странице мы найдем, вписанные его рукой, четким почерком тюркские руны, буквы арабского письма, транскрипции тюркских лексем и т.д. То есть, уже тогда ученичество стало перерастать в стадию сотворчества.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. ФЕДОТОВ – KÜL, BILGĀ KAĞAN	3
2. HURA SUHAL, VASKAMASĀR ES – VASKA!	6
3. Карпова Наталья Степановна (г.Стерлитамак) ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	8
4. Максимов Сергей Анатольевич (г.Ижевск) ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПОНЯТИЕ «УЗКИЙ» В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ	12
5. Матвеев Георгий Борисович (г.Чебоксары) РОДСТВЕННИКИ И ЗЕМЛЯКИ М.Р.ФЕДОТОВА – СИБИРЯКИ	15
6. Матвеева Наталия Владиславовна (г.Чебоксары) ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.В. НИКОЛЬСКОГО ДЛЯ СЛОВАРЯ АГНОНИМОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА	17
7. Метин Петр Николаевич (Шупашкар хули) Ф.ПАВЛОВАН «СУТРА» ХАЙЛАВĔНЧИ ИНВЕКТИВА ФУНКЦИЙĔСЕМ	20
8. Милотин Владимир Аркадьевич (г.Чебоксары) ОТРАЖЕНИЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СЛОВАРЕ Н.И. АШМАРИНА	23
9. Молотова Гульбахрем Максимовна (г.Алматы, Казахстан) СЛОВО-СИМВОЛ «ОК» В ЭПОСЕ «ОГУЗ-НАМЕ» ТУРФАНСКОГО СПИСКА	26
10. Мукатдесова Чулпан Рестаюмовна (г.Казань) ТАТАР ҺӘМ АЛМАН ФРАЗЕОЛОГИЗМАРЫНДА “ХЕЗМӘТ” КОНЦЕПТЫНЫҢ ЧАГЫЛЫШЫ [ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ТРУД» В ТАТАРСКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ]	29
11. Мукина Ираида Васильевна (г.Чебоксары) ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ ЧУВАШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	31
12. Мусанов Алексей Геннадьевич (г.Сыктывкар) ТЮРКСКИЙ КОМПОНЕНТ В ТОПОНИМИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ	34
13. Мустафа Айгуль Асылбековна (г.Туркестан, Казахстан) ПИСЬМЕННЫЙ ПАМЯТНИК XIV ВЕКА - «ХУЛАСА»	36
14. Набиуллина Гузель Амировна (г.Казань) СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА	38

151. *Хисамов Олег Ришатович*, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой татарского языка и литературы, декан гуманитарного факультета Зеленодольского филиала Казанского государственного университета (г. Зеленодольск).
152. *Хисамова Фагима Миргалиевна*, доктор филологических наук, профессор кафедры современного татарского языка Казанского государственного университета (г. Казань).
153. *Хлебникова Валентина Георгиевна*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
154. *Хузангай Атнер Петрович*, кандидат филологических наук, заведующий отделом языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары).
155. *Цехмистренко Ольга Викторовна*, старший преподаватель кафедры иностранных языков Черкасского государственного технологического университета (г. Черкассы, Украина).
156. *Чеченов Алий Ахматович*, доктор филологических наук, профессор Института языкознания РАН (г. Москва).
157. *Чиндыков Борис Борисович*, писатель (г. Чебоксары).
158. *Шагеев Рафкат Шириязданович*, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Альметьевского государственного нефтяного института (г. Альметьевск).
159. *Шайхисламова Зубаржат Фаниловна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирского и общего языкознания Башкирского государственного университета (г. Уфа).
160. *Шайхулов Алмас Галимзянович*, доктор филологических наук, профессор кафедры татарской филологии Башкирского государственного университета (г. Уфа).
161. *Шибанов Алексей Александрович*, младший научный сотрудник отдела исследования культурного наследия Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск).
162. *Юсупова Альфия Шавкетовна*, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой прикладной лингвистики и переводоведения Казанского государственного университета (г. Казань).
163. *Юрк Геллия Мидхатовна*, старший преподаватель филиала Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина в г. Набережные Челны (г. Набережные Челны).
164. *Якимова Надежда Ивановна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
165. *Яковлев Петр Яковлевич*, кандидат филологических наук, доцент кафедры народного художественного творчества и социально-культурной деятельности Чувашского государственного института культуры и искусств (г. Чебоксары).

Чувашским филологом широкого профиля, гуманитарием-универсалом Н.И. Егоров, разумеется, стал не сразу. Была многолетняя работа над составлением «Историко-этимологического словаря чувашского языка» (она продолжается и сейчас), преподавание в университете, были написаны принципиально важные статьи по исторической фонетике, методам и целям этимологии, историческому развитию чувашской лексики, ономастике. Он апробировал свои взгляды на многих научных конференциях. В теоретическом плане Н.И. Егоров отошел от позиций и постулатов классической алтайской теории (Г.Й. Рамstedт, Н.Н. Поппе, Н.А. Баскаков и др.), которая получила особенно сильный импульс после проведения в соответствии с решением Бюро отделения литературы и языка АН СССР первой алтаистической конференции в 1969 г. (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР) и серии публикаций по сравнительной лексикологии, морфологии и этимологии алтайских языков (1972, 1978, 1979, 1984). К алтаистической проблематике тогда обратились многие видные тюркологи, монголисты, специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам, был введен и рассмотрен в алтаистических позициях новый лингвистический материал.

Сам Учитель Михаил Романович также проводил свои исследования в рамках классической алтаистики. Н.И. Егоров же в ходе своего анализа древнейших контактов языков булгаро-чувашского типа с индоевропейскими (resp. восточноиранскими), булгаро-чувашско-монгольских языковых параллелей, тщательной генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка на протяжении 2-2,5 тысячелетий переходит на позиции неоалтаистов (Дж. Клоусон, Г. Дерфёр, А. Рона-Таш и др.) и разрабатывает стройную и имеющую большой эвристический потенциал теорию огуро-оногуро-булгаро-чувашской этноязыковой преемственности. Многие факты истории чувашского языка, его статус как «обособленного» тюркского языка, отличного от стандартных тюркских языков, в его представлении теории получают адекватное истолкование и объяснение. Тем самым, по сравнению со своим Учителем ему удалось углубить диахронию чувашского прото-Текста, по крайней мере, на одно тысячелетие.

Чăваш тĕнчи своими корнями восходит к этому прото-Тексту и Николай Иванович, как никто другой, как знаток народного нерафинированного языка, чувашской мифологии, реалий материальной и духовной культуры, чувашской онимии, подготовлен к тому, чтобы прочесть этот Текст, дать свое понимание феноменологии чувашского бытия, феномена чувашского мира.

Атнер П. Хузангай,
заведующий отделом языкознания
Чувашского государственного
института гуманитарных наук

Карпова Наталья Степановна
(г. Стерлитамак)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В языковой картине мира, или в языковом сознании человека, наряду со словами большое место занимают устойчивые по составу и воспроизводимые в речи в готовом виде фразеологические сочетания или фразеологизмы.

Фразеология чувашского языка запечатлела необозримое многообразие мира человеческих отношений. В «Русско-чувашском фразеологическом словаре» М.Ф. Чернова представлено около 2000 фразеологизмов русского языка, к которым подобраны соответствующие по значению фразеологизмы чувашского языка. При отсутствии эквивалентных соответствий применен смысловой перевод.

Феноменом, позволяющим выявить общечеловеческое и национально-своеобразное во фразеологической системе разных языков, является фразеологическая картина мира. Изучение фразеологического фонда языка как результата закрепленного в языке, образного, социально значимого мироосмысления народа, носителя языка, дает возможность увидеть механизм и пути формирования фразеологической системы в тесной ее связи с культурой и историей народа. А сопоставительный анализ фразеологических картин мира в разных языках в яркой форме выявляет то общее в процессе освоения мира, что объединяет все народы Земли, и национально-своеобразное, обусловленное культурно-историческим опытом конкретной этнокультурной общности [Хайруллина, 1999, с. 3].

В отечественной и зарубежной лингвистике широко представлены работы по исследованию национального своеобразия фразеологического фонда на материале разных языков, в том числе и в сопоставительном плане. И лишь в незначительной степени исследованы вопросы фразеологической универсальности, хотя уникальность фразеологической картины мира в каждом национальном языке заключается в особом соотношении общего, типологического и национально специфического. Следовательно, специфика фразеологии того или иного языка может быть выявлена лишь в процессе сопоставительного анализа двух и более языков [Хайруллина, 1999, с.13].

Проблеме универсального и национального во фразеологии посвящены работы Э.М. Солодухо, Ю.П. Солодуба, Д.О. Добровольского и др.

Универсалии человеческого существования обуславливают общие черты фразеологии в разных языках, поскольку закрепляют явления объективного мира и характеризуют деятельность человека как биологического и социального индивида. Действие языковых и онтологических универсалий вызывает развитие межъязыкового фразеологического параллелизма. К фразеологическим параллелизмам в русском и чувашском языке можно отнести следующие эквивалентные как по содержанию, так и по языковому выражению единицы: *выйти сухим из воды – шыврап тилĕ тухма; душа не лежит – чун туртмасть, откуда ветер дует – ăстан сил вĕрет* и др.

Наряду с общими чертами фразеологической картины мира в разных языках в ней выделяются культурно-национальные особенности, отражающие идиоэтническое мировидение. Мир един для всех народов, но опыт его познания различен, жизнь каждого народа протекает в определенных природных условиях, в определенном социальном микроклимате, у каждого народа вековые традиции и нормы поведения [Хайруллина, 1999, с.15].

Изучение культурно-национальной семантики языка, начатое в рамках лингвострановедения, дает богатый материал для описания национальной картины мира, так как акцентирует внимание на особенностях национального мировосприятия и его закрепления в языке.

Нами сделана попытка в ходе структурно-семантического сопоставительного анализа фразеологической картины мира русского и чувашского языков (на примере тематического блока «Человек») выявить общечеловеческие и национально-специфические черты, обусловленные культурно-историческим развитием этих народов.

Тематический блок «Человек» объединяет тематические группы фразеологизмов, обозначающих индивидуальные характеристики человека и его социально обусловленные качества, его деятельность, духовный мир.

126. Сибгаева Фируза Рамзеловна, ассистент кафедры прикладной лингвистики и переводоведения Казанского государственного университета (г.Казань).
127. Сосаева Алина Аркадьевна, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук (г.Чебоксары).
128. Степанов Владимир Васильевич, главный редактор филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г.Чебоксары (г.Чебоксары).
129. Студенцов Олег Ростиславович, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературного редактирования и стилистики Чувашского государственного университета им.И.Н.Ульянова (г.Чебоксары).
130. Султанбаева Хадиса Валиевна, кандидат филологических наук, доцент факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета (г.Уфа).
131. Тагирова Фарида Инсановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г.Казань).
132. Тараканов Иван Васильевич, доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета (г.Ижевск).
133. Терентьев Владимир Михайлович, кандидат философских наук, директор благотворительного научно-исследовательского фонда имени академика М.Р. Федотова Чувашской Республики (г.Чебоксары).
134. Терехова Ольга Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры материаловедения и экологии Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова (г.Чебоксары).
135. Титова Ольга Владимировна, старший лаборант отдела исследования культурного наследия Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г.Ижевск).
136. Туратбек кызы Венера, преподаватель кафедры высшей школы современных языков, докторант Кыргызско-Турецкого университета им. «Манаса» (г.Бишкек, Кыргызстан).
137. Ульянова Татьяна Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета им.И.Н.Ульянова (г.Чебоксары).
138. Фатхуллова Кадрия Сунгатовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и переводоведения Казанского государственного университета (г.Казань).
139. Федорова Галина, студентка II курса факультета журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г.Чебоксары).
140. Федосеева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г.Сыктывкар).
141. Федотова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук.
142. Федотова Людмила Аркадьевна, учительница чувашского языка и литературы ООШ № 60 г.Чебоксары Чувашской Республики (г.Чебоксары).
143. Федюнева Галина Валерьевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г.Сыктывкар).
144. Филиппов Андрей Львович, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г.Чебоксары).
145. Фомин Эдуард Валентинович, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова Чувашского государственного университета им.И.Н.Ульянова (г.Чебоксары).
146. Хадиева Гульфия Камилловна, кандидат филологических наук, доцент Казанского государственного университета (г.Казань).
147. Хазиева Гузалия Сайфулловна, кандидат филологических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г.Казань).
148. Хайдаров Шомат, кандидат филологических наук (г.Кунгур).
149. Халиуллина Нурия Усмановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарского языка и литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г.Уфа).
150. Ханмагомедов Ханмагомед Лязимович, доктор географических наук, профессор кафедры физической географии Дагестанского государственного педагогического университета (г.Махачкала).

100. *Никитин (Станьял) Виталий Петрович*, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской литературы Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары).
101. *Никифоров Геронтий Лукьянович*, учитель чувашского языка и литературы лицей-интерната им. Г.С. Лебедева г. Чебоксары Чувашской Республики (г. Чебоксары).
102. *Никифорова Вера Николаевна*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского республиканского института образования (г. Чебоксары).
103. *Одегов Владислав* (г. Кунгур).
104. *Павлов Владимир Васильевич*, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары).
105. *Пантелеева Тамара Григорьевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры языка СМИ и литературно-художественной критики Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).
106. *Парзымиес Анна*, доктор филологических наук, профессор Варшавского университета (г. Варшава, Польша).
107. *Петров Леонид Порфирьевич*, кандидат филологических наук, ученый секретарь Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары).
108. *Печников Олег Иванович*, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
109. *Плоскова Мария Алексеевна*, автор электронных учебников по коми языку и культуре (г. Сыктывкар).
110. *Плотников Николай Алексеевич*, администратор чувашского сайта *Chuvash.org* (г. Нижний Новгород).
111. *Приходько Виктор Владимирович*, кандидат физико-математических наук, заместитель проректора по информационным технологиям Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск).
112. *Раевская Ирина Валентиновна*, Чăваш Республикинчи Муркаш районĕн Шетмĕпуç шкулĕнчи аслă категориелĕ чăваш чĕлхипе литературине вĕрентекен (Шетмĕпуç ялĕ).
113. *Ракин Анатолий Николаевич*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар).
114. *Рахимова Асия Ризвановна*, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой тюркологии Казанского государственного университета (г. Казань).
115. *Родионов Виталий Григорьевич*, доктор филологических наук, заведующий кафедрой чувашского и сравнительного литературоведения, декан факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
116. *Родионова Эльвира Ильинична*, доцент кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
117. *Сабитова Ильхамия Исламутдиновна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).
118. *Сагдеева Фаузия Кабировна* кфн, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).
119. *Садькова Разиля Зуфаровна*, соискатель кафедры прикладной лингвистики и переводоведения Казанского государственного университета, преподаватель Казанского радиомеханического колледжа (г. Казань).
120. *Саньяров Фанзиль Булякович*, кандидат филологических наук, заместитель декана по учебной работе Башкирского государственного университета (г. Уфа).
121. *Саргузина Диляра Зульфатовна*, аспирант Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Казань).
122. *Сафина Эльвира Ирфатовна*, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).
123. *Семенов Василий Германович*, научный сотрудник лаборатории лингвистического картографирования Финно-угорского научно-образовательного центра гуманитарных технологий при Удмуртском государственном университете (г. Ижевск).
124. *Семенова Галина Николаевна*, доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
125. *Сергеев Виталий Иванович*, доктор филологических наук, заведующий кафедрой чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

1. **Фразеологизмы, характеризующие индивидуальные качества (возраст, внешность, физическое состояние, способы восприятия мира и т.д.) человека.** Со значениями «юный, молодой» образуются следующие фразеологизмы: русск. – *пешком под стол ходит, молоко на губах не обсохло*, чувашск. – *сĕт шăлĕ тăкăнман* (букв. – молочные зубы не выпали), *тутинче амăш сĕчĕ тишмен* (букв. – на губах молоко матери не обсохло), *ури синс ĕнс пусман* (букв. – на ногу корова не наступила), *йĕле сăмса* (букв. – мокрый нос), *тута сарри кайман* (букв. – на губах желтизна не обсохла); со значением «среднего возраста»: русск. – *в полном расцвете сил, в отцы-матери годится*, чувашск. – *вăйпитти сын* (букв. – здоровый, крепкий человек), *вăйпитти вăхăт* (букв. – время расцвета сил); со значением «старый, преклонных лет»: русск. – *старый хрыч, на закате дней*, чувашск. – *тупăка кĕрсе выртмалли сĕç юлнă* (букв. – в гроб залезть лишь осталось), *вилĕм тăпри синче тăр* (букв. – на земле смерти стоять), *ват сушнă* (букв. – старый хрыч).

Интересно сопоставление русских и чувашских фразеологизмов, обозначающих внешность человека, описание которой закрепляется во фразеологизмах с интегральными семами «красивый – некрасивый», «худой – толстый» и др.

Красота человека передается следующими фразеологизмами: русск. – *как картинка, ни в сказке сказать ни пером описать*, чувашск. – *нар пек* (букв. – как маков цвет), *сырла пек* (букв. – словно ягода), *пăхса тăранмалла мар* (букв. – нельзя насмотреться), *пĕр кашăк шывпа сăтса ямалла* (букв. – с одной ложкой воды можно проглотить), *сăн-питĕнче юн вылять* (букв. – на лице кровь играет).

Если в русском языке большей частью закрепилось описание отрицательных качеств внешности человека (некрасивый, толстый, худой), то в чувашском языке фразеологизмы характеризуют преимущественно положительные внешние стороны.

Такой признак как «худой – толстый» в обоих языках передается с помощью общечеловеческих показателей: у худого выделяются кости, а у толстого округлая форма тела, лица («худой» – русск. – *кожа да кости, ходячий скелет*, чувашск. – *шăммипе тирĕ сĕç* (букв. – одни кости только), *сын кĕлетки сĕç* (букв. – человеческий скелет только), *куçĕсем сĕç юлнă* (букв. – глаза только остались); «толстый» – русск. – *щеки из-за спины видать*, чувашск. – *шурпе ўтлĕ хĕрарăм* (букв. – женщина с телом, как шпорбе – рыхлотеля женщина; шпорбе – похлебка, приготовленная из мяса и голья свежезаколотого животного).

При описании физического состояния человека важное место в сопоставляемых языках занимают фразеологизмы с интегральными семами «жить – умереть», «больной – здоровый». В оценке понятий «жизнь – смерть» более значимым является «смерть» – фразеологизмы со значением «умереть» преобладают и в русском, и в чувашском языках, например: русск. – *отдать Богу душу, уйти в иной мир, дух вон, протянуть ноги*, чувашск. – *леш тĕнчене кай* (букв. – в тот мир уйти), *тĕтĕмсĕр яла кай* (букв. – в деревню без дыма уйти), *чун тухрĕ* (букв. – душа вышла), *автан авăтман яла кай* (букв. – уйти в деревню, где не поют петухи), *пусна хур* (букв. – голову положить), *сĕр айне кĕрсе вырт* (букв. – лечь в землю).

Давая образную характеристику здоровья человека оба народа акцентировали внимание на душевном здравии, пребывании в здравом рассудке. Гармония души и тела, в представлении народов, олицетворяет здоровье человека. К примеру, русск. – *свалиться с ног, едва ноги волочить, еле-еле душа в теле, крыша поехала, не в себе, сойти с ума, в чем только душа держится*, чувашск. – *ăсран тайăл* (букв. – с ума сойти), *ăсран тух* (букв. – из ума выйти), *сăпатине кутăн сыракан пул* (букв. – натягивать лапти неправильно, не на ту ногу – о человеке, выжившем из ума).

Здоровый человек – это сильный, цветущего вида человек, поэтому здоровье оценивается через внешний вид человека и действия, способности человека: русск. – *косая сажень в плечах, кровь с молоком, пахать можно*, чувашск. – *сывă сăн-питлĕ* (букв. – со здоровым лицом), *юн вылять* (букв. – кровь играет).

Семантика фразеологизмов, обозначающих способности зрительного и слухового восприятия, включает интегральные семы «видеть – не видеть», «слышать – не слышать» и дифференцирующие семы, характеризующие способ восприятия, модальность, интенсивность [Хайруллина, 1999, с.32].

Семантика таких фразеологизмов базируется на лексическом фоне слов «глаз» – «кус» (орган зрения), «ух» – «хълха» (орган слуха). В состав русских фразеологизмов может входить устаревшее слово (око).

Например: русск. – *не спускать глаз, бросаться в глаза, смотреть во все глаза, есть глазами, в глаза не видеть, хоть глаз выколи, быть на виду, ушки на макушке, держать ухо востро, на слуху у кого, заткнуть уши, пропускать мимо ушей*, чувашск. – *кусё усьлать* (букв. – глаза открываются), *кус илмесёр* (букв. – не отрывая глаз, во все глаза), *кус кёрет* (букв. – глаза заходят, на глазах), *кус пек* (букв. – как зеницу ока), *кус умёнче пул* (букв. – быть на глазах), *кус хупса иличчен* (букв. – пока закрыл глаза, в мгновение ока), *куса тёртсен те кураймасть* (букв. – если даже глаз выколоть, ничего не видно), *кус шуррипе пях* (букв. – смотреть белком глаза, смотреть косо), *кус-хълха пул* (букв. – быть глазом-ухом – присматривать за кем- или чем-либо), *хълха йўсет* (букв. – уши киснут – слушать что-то неприятное), *хълхи шятък* (букв. – уши дырявые, о человеке, который плохо слышит), *хълхана чанк тарат* (букв. – поднять уши), *хълхана чик* (букв. – засунуть в уши – слушать, запоминать).

Описание внешних признаков человека находит яркое выражение во фразеологии русского и чувашского языков. Но более пристальное внимание уделяется внутренним качествам и свойствам человека, его духовной жизни.

2. Внутренние качества и черты характера человека.

Описание внутренних качеств и черт характера человека во фразеологии основывается как на общечеловеческих основаниях их оценки, так и на национально-специфических, отражающих нормативные установки конкретного социума [Хайруллина, 1999, с.33].

Характеристика отдельных качеств и черт человека может передаваться в сопоставляемых языках с помощью сходных ассоциаций. К примеру, осуждаемое у разных народов качество «болтливый» ассоциируется с длинным языком, неумеренностью в речи: русск. – *язык как помело, язык без костей, длинный язык, злые языки, бесструнная балалайка*, чувашск. – *чълхи чараксёр* (букв. – язык без остановок), *чълхи шямёсёр* (букв. – язык без костей), *чълхе сыхланать* (букв. – язык заплетается), *чълхуне якатса ил* (букв. – язык поточить), *чълхи усълчё* (букв. – язык открылся), *чълхи сьпясуллă* (букв. – язык складный), *чълхи шеп* (букв. – язык хорош), *чълхи сивёч* (букв. – язык острый), *чълхипе касать* (букв. – языком режет), *пуш парашан сап* (букв. – бить в пустой барабан – точить лясы); качество «трусливый» ассоциируется с образом зайца как олицетворением трусости: русск. – *заячья душа*, чувашск. – *мулкач чёри* (букв. – заячье сердце), также в чувашском языке употребляется фразеологизм *чях чёри* (букв. – куриное сердце); качество «чванливый» – с поведением человека, ставящего себя выше других: русск. – *задирать нос*, чувашск. – *самсуна касёрт* (букв. – нос поднимать), *пусна касёрт* (букв. – голову поднимать), *пуса сълте тыт* (букв. – держать голову сверху); качество «легкомысленный» – с характеристикой ума: русск. – *ветер в голове, шальная голова*, чувашск. – *пусёиче сил выльять* (букв. – ветер в голове играет).

Большинство русских и чувашских фразеологизмов отражают национальную психологию в оценке качеств человека, оценивают качества человека в свете уклада жизни народа, его традиций и обычаев. Некоторые фразеологизмы с интегральными семантиками «опытный, бывалый» отражают культурологические сведения об укладке жизни каждого из народов: русск. – *тертый калач, стреляный воробей*, чувашск. – *ват сёрси* (букв. – старый воробей), *хура-шур курнă сын* (букв. – человек, видевший черное и белое).

Национальное мировидение отражают фразеологизмы, обозначающие качества человека, актуализированные лишь одним из народов. К примеру, в чувашском языке интересные ассоциации закрепились во фразеологизмах со значением «вспыльчивый, обидчивый»: *турти кёске* (букв. – у него оглобли коротки), *тасак тута* (букв. – вытянутые губы).

3. Духовный мир человека.

Фразеологизмы, обозначающие составляющие духовного мира человека, объединяются по семантике в следующие фразеосемантические поля: «ум», «эмоции», «воля», «память».

Ум оценивается многими народами по шкале – «умный – средних способностей – глупый». Например, русск. – *семи пядей во лбу, голова работает, светлая голова, голова садовая, себе на ум, крыша поехала, дурака валять*, чувашск. – *пусё ёслет* (букв. – голова работает), *там пус* (букв. – глиняная голова), *сивёч ёслă* (букв. – с острым умом), *пусё пур* (букв. – голова есть), *арна пус* (букв. – мякинная голова), *тарри шятък* (букв. – верхушка дырявая), *там сэмка* (букв. – глиняный лоб), *пусё шятък* (букв. –

76. *Кузнецов Александр Валерьянович*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук (г.Чебоксары).
77. *Кузнецова Надежда Михайловна*, аспирант кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г.Чебоксары).
78. *Кузьмина Халиса Хатиповна*, доцент кафедры истории татарского языка и общего языкознания Казанского государственного университета (г.Казань).
79. *Кульсарина Гульнур Галиуровна*, кандидат филологических наук, главный консультант Администрации Президента Республики Башкортостан, докторант Башкирского государственного университета (г.Уфа).
80. *Кульсарина Ирена Галиуровна*, кандидат филологических наук, заместитель декана по научной работе Башкирского государственного университета (г.Уфа).
81. *Лебедев Эдуард Евгеньевич*, кандидат филологических наук, сотрудник ООО «ЧФММ» (г.Чебоксары).
82. *Лебедева Елена Алексеевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания чувашского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г.Чебоксары).
83. *Леонтьева Елена Николаевна*, учитель чувашского языка и литературы ООШ № 44 г.Чебоксары Чувашской Республики (г.Чебоксары).
84. *Лудыкова Валентина Матвеевна*, доктор филологических наук, заведующая кафедрой коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета (г.Сыктывкар).
85. *Максимов Сергей Анатольевич*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории лингвистического картографирования Финно-угорского научно-образовательного центра гуманитарных технологий при Удмуртском государственном университете (г.Ижевск).
86. *Матвеев Георгий Борисович*, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук (г.Чебоксары).
87. *Матвеева Наталия Владиславовна*, аспирант кафедры чувашского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г.Чебоксары).
88. *Махачева Сапият Зайнутдиновна*, доцент кафедры естествознания Дагестанского государственного педагогического университета (г.Махачкала).
89. *Метин Петр Николаевич*, доктор филологических наук, заведующий кафедрой чувашской литературы Чувашского государственного педагогического университета им.И.Я.Яковлева (г.Чебоксары).
90. *Милотин Владимир Аркадьевич*, доцент, заместитель заведующего кафедрой культурологии Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г.Чебоксары).
91. *Молотова Гульбахрем Максимовна*, кандидат филологических наук, заведующая отделом литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения Института востоковедения им.Р.Б.Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г.Алматы, Казахстан).
92. *Мукатдесова Чулпан Рестаповна*, преподаватель кафедры немецкого языка Казанского государственного университета (г.Казань).
93. *Мукина Ираида Васильевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р.Федотова Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г.Чебоксары).
94. *Мусанов Алексей Геннадьевич*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г.Сыктывкар).
95. *Мустафа Айгуль Асылбековна*, научный сотрудник Международного Казахско-Турецкого университета им. Х.А. Ясави (г.Туркестан, Казахстан).
96. *Набиуллина Гузель Амировна*, кандидат филологических наук, доцент Казанского государственного университета (г.Казань).
97. *Насибуллин Риф Шакрисламович*, доктор филологических наук, заведующий лабораторией лингвистического картографирования Финно-угорского научно-образовательного центра гуманитарных технологий при Удмуртском государственном университете (г.Ижевск).
98. *Насипов Илшат Сахиятуллович*, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой татарской и чувашской филологии Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З. Бишевой (г.Стерлитамак).
99. *Неталиев Сагындык Суинваевич*, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра тюркологии и алтаистики при Евразийском национальном университете им.Л.Н.Гумилева (г.Астана, Республика Казахстан).

52. *Жамсаранова Раиса Гандыбаловна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Читинского государственного университета (г. Чита).
53. *Жумай Нурмира Жумаевна*, магистр, преподаватель кафедры общего языкознания и теории перевода Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан).
54. *Закиев Мирфатых Закиевич*, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, почетный член Турецкого лингвистического общества им. Атагюрка (г. Казань).
55. *Заманова Зухра Айратовна*, главный специалист-эксперт отдела развития СМИ Управления по делам печати, издательства и полиграфии при Правительстве Республики Башкортостан (г. Уфа).
56. *Зиятдинова Гульназ Иршатовна*, ассистент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Зеленодольского филиала Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева (г. Зеленодольск).
57. *Иванов Владимир Александрович*, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой углубленного изучения иностранных языков Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
58. *Иванова Надежда Григорьевна*, доцент кафедры чувашского языка и литературы Чувашского республиканского института образования (г. Чебоксары).
59. *Ившин Леонид Михайлович*, младший научный сотрудник отдела исследования культурного наследия Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск).
60. *Ильина Галина Геннадьевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
61. *Исаев Юрий Николаевич*, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
62. *Калимуллина Гульсина Ульфатовна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры татарской филологии Башкирского государственного университета (г. Уфа).
63. *Камитова Алевтина Васильевна*, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературы Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск).
64. *Каракулов Борис Иванович*, кандидат филологических наук, профессор кафедры удмуртской филологии Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко (г. Глазов).
65. *Каракулова Маргарита Кондратьевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко (г. Глазов).
66. *Каримов Ботурдэжон Кадирович*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры народного художественного творчества и социально-культурной деятельности Чувашского государственного института культуры и искусств (г. Чебоксары).
67. *Карпова Людмила Леонидовна*, доктор философских наук, старший научный сотрудник отдела исследования культурного наследия Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск).
68. *Карпова Наталья Степановна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З. Бишовой (г. Стерлитамак).
69. *Качалина Надежда Семеновна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Ижевского государственного технического университета (г. Ижевск).
70. *Кельмаков Валентин Кельмакович*, доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).
71. *Кириллова Ирина Юрьевна*, докторант кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
72. *Кирчанов Максим Валерьевич*, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения Воронежского государственного университета (г. Воронеж).
73. *Корольский Петр Викторович*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры электронных СМИ Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).
74. *Краснова Марина Петровна*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической географии и геоморфологии им. Е.И. Арчикова Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
75. *Кубатин Андрей Викторович*, младший научный сотрудник, аспирант Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан).

голова дырявая), *чӑх пуҫ* (букв. – куриная голова), *кӑшт ситеймест* (букв. – немного не хватает), *пуҫна ухмаха пер* (букв. – кидать головой в дурака). И в русском, и в чувашском языке наличие ума ассоциируется, прежде всего, с головой и мозгом как органом интеллектуальной деятельности. Однако есть отличия в содержании ассоциаций. Эпитеты, употребляемые по отношению к голове в составе фразеологизмов, также отражают психологию народов: у чувашей голова мякинная, дырявая, глиняная, куриная, у русских – дубовая, садовая.

Характеристика эмоций в сопоставляемых языках дается чаще всего опосредованно, в состав фразеологизмов, обозначающих чувства, редко входят названия самих этих чувств. Как правило, в семантике фразеологизмов фиксируются не сами эмоции, а их проявление и объект, вызывающий то или иное чувство. Поскольку человек в том или ином состоянии характеризуется определенным поведением, то описание эмоций во фразеологизме передается через описание самого человека [Хайруллина, 1999, с.37-38].

По содержанию ассоциации, описывающие проявление чувств человека, в русском и чувашском языках, в целом сходны. Они восходят к описанию:

а) внешнего вида человека, испытывающего какое-либо состояние (русс. – *повесить нос, повесить голову, рот до ушей*, чувашск. – *пуҫа ус* (букв. – опустить голову), *сӑварӑ хӑлхи патне ситӑ* (букв. – рот до ушей достал), *куҫӑ чарӑлса каять* (букв. – глаза вытаращились);

б) поведения человека в том или ином состоянии (русс. – *прыгать до потолка, рвать и метать*, чувашск. – *хӑлхуна тӑрат* (букв. – поднять уши);

в) поведения животного, сравниваемого с поведением человека в том или ином состоянии (русс. – *как с цепи сорвался*, чувашск. – *кӑтӑрен юлнӑ сурӑх пек* (букв. – как овца, отставшая от стада), *хӑри пиҫнӑ кушак пек* (букв. – как угорелая кошка), *кӑрхи шӑна пек* (букв. – как осенняя муха), *кутӑн чӑмнӑ пулӑ пек* (букв. – как рыба, прыгнувшая обратно);

г) состояния сердца (души) русск. – *камень на сердце, сердце ност*, чувашск. – *чун сунать* (букв. – душа горит), *чӑре шӑпланчӑ* (букв. – сердце успокоилось), *чӑрене хурт сит* (букв. – сердце червь сосет – кто-то испытывает беспокойство, волнение).

Фразеологизмы, обозначающие понятие «воля» наиболее ярко представлены в русском языке, что обусловлено одной из первичных исходных черт русского характера – свободолобием [Хайруллина, 1999, с.39].

В чувашском языке всего несколько фразеологизмов с отмеченной семантикой: *ирӑклӑ кайӑк* (букв. – свободная птица – человек, который может держать себя свободно), *ирӑклӑ казак* (букв. – вольный казак – никому не подчиняющийся, свободный человек).

Фразеологизмы, характеризующие память, противопоставляются по интегральным семам «помнить – забыть». Например: русск. – *держат в памяти, дай Бог память* и др., чувашск. – *асра тыт* (букв. – держать в памяти), *асран каймасть* (букв. – не выходит из памяти), *асран сухат* (букв. – потерять из памяти).

Таким образом, духовный мир человека получает закрепление во фразеологии обоих языков. Несмотря на общечеловеческий характер самих эмоций, в русских и чувашских фразеологизмах преимущественно закрепился опыт оценки чувств, полученный в разных ситуациях, закрепивший национальную психологию.

Анализ фразеологических полей русских и чувашских устойчивых оборотов позволяет сделать вывод о том, что фразеологизмы, объединяющиеся в тематический блок «Человек» в сопоставляемых языках дают обобщенный портрет представителя каждого из народов. В нем легко выделяются общие черты, обусловленные универсалиями человеческого существования, общечеловеческими основаниями и стереотипами оценки качеств человека. Данные факторы являются причиной возникновения фразеологического параллелизма в исследуемых языках. С другой стороны, во фразеологии находят отражение национальная психология, склад ума народа, традиции и обычаи, этические и моральные установки народа в оценке качеств и поведения, поступков человека.

Литература

Хайруллина Р.Х. Сопоставительная фразеология русского и башкирского языков. Теория и практика: Учебное пособие. – Уфа: БашГПИ: 1999. – 87 с.

Чернов М.Ф. Русско-чувашский фразеологический словарь / Под ред. Л.П. Сергеева. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та: 2003. – 536 с.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПОНЯТИЕ «УЗКИЙ» В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Понятие «узкий» входит в семантическое поле слов, выражающих величину предметов. Подобного рода слова обычно используются при повседневном общении, составляя основной словарный фонд языка. Исходя из вышесказанного, следовало бы ожидать, что описываемое понятие в удмуртском языке повсеместно передаётся одним словом. На самом же деле в удмуртских диалектах для этого используется более пяти лексем, имеющих в свою очередь фонетические и словообразовательные варианты.

1.1. *с'убэз*

1.1.1. *Территориальное распространение.* Данное наименование и его варианты распространены в большинстве срединных говоров и в собственно южном диалекте, а также в татышлинском говоре южного наречия.

1.1.2. *Варианты слова.* Наибольшее распространение имеет вариант *с'убэз*, который принят за стандартную форму в литературном удмуртском языке (орф. *субез*). Вариант *с'убэд* распространён в среднеижском диалекте (91, 92, 94–98, 100, 101) и нылгинском говоре (89, 90), отчасти – в средне-западном диалекте (14, 14а, 81а, 84). Форма с глухим согласным в конце слова *с'убэт* образует два отдельных ареала. Первый охватывает опорные пункты Кизнерского района и прилегающие к нему деревни Кировской области (16, 18, 107–110, 112б, 113), второй включает населённые пункты юго-востока республики (123, 123б, 127)–130, 130а, 148).

1.1.2.1. Фонетический вариант *с'убэз* употребляется в татышлинском говоре (154, 160, 161, 169). Формы с начальной аффрикатой зафиксированы в отдельных населённых пунктах собственно южного диалекта: *чубэт* – Кады-Салья (130а) и Сарсак-Омга (148), *чубэз* – Ляли (135б) и Муважи (137).

1.1.3. *Происхождение.* Исследуемое слово связывают с коми *сёпавны*, *сёпканы* 'утрастись, осесть', *Хоруд* 'плотный', которые возводят к общеп. *с'ур-* 'плотный', 'узкий', 'сжатый, осевший, слежалый'. К пермским словам приводятся под вопросом параллели из финского, саамского, венгерского языков, которые включаются также под вопросом в словарное гнездо *Сирра* 'узкий, тесный' с предположительно финно-угорской этимологией [КЭСК, 252–253; UEW, 44].

1.2. *с'улэз*

1.2.1. *Территориальное распространение.* Исследуемое слово распространено почти повсеместно в северном наречии. Также встречается в срединных говорах: в средне-западном (53, 56, 57, 68–70, 71б, 72б, 85 и средне-восточном (59, 60, 73а, 73б, 77г) диалектах.

1.2.2. *Происхождение.* Исследуемое слово, по-видимому, возникло из *с'убэз* под влиянием слова *сюл* (*с'ул*) 'кишка'. Как известно, из-за своей формы кишка является предметом метафорического сравнения тонких / узких и длинных предметов: в качестве примера можно привести русское выражение *тонкий как кишка*.

1.3. *пичи*

1.3.1. *Территориальное распространение и варианты слова.* В качестве слова, обозначающего «узкий», встречается в северной группе срединных говоров. Вариант *пичи* зафиксирован в следующих населённых пунктах: 10, 11, 69, 72, 73, 76а, 78а, 81, 81а, 82, 83, 85–87, 87б, 88. Словоупотребление *нас'талаэз пичи*, дословно означающее '(его) ширина маленькая', имеет более узкое бытование – в пунктах 74а, 77а (Кайсегурт), 79а (Стар. Быги), 88а. Сочетание *пичи нас'тайо*, имеющее буквальное значение 'с малой шириной', записано в опорных пунктах 71–73, 82, 83. В пункте Гура (81) зафиксирован также композит *пичи нас'та*, буквальное значение которого 'малая ширина, ширина мала'.

1.3.2. *Значение.* Слово *пичи* является общеудмуртским и повсеместно имеет значения 'маленький', 'маленький, не взрослый', в том числе и в населённых пунктах, где оно служит для выражения понятия «узкий».

1.4. *эоскыт*

1.4.1. *Территориальное распространение.* В качестве средства для выражения понятия «узкий» распространено в южном наречии: в собственно южном диалекте, а также в большинстве говоров периферийно-южного диалекта.

1.4.2. *Варианты слова:* *эоскыт*, *эоскыт* ~ *д'эоскыт*, *д'эоскыт*, *д'эошкыт*, *д'оскыт* ~ *д'эоскыт*, *д'оскыт*.

26. *Виноградов Юрий Михайлович*, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой чувашского языка и литературы Чувашского республиканского института образования (г.Чебоксары).
27. *Власова Лариса Валерьевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З.Биишевой (г.Стерлитамак).
28. *Воронцова Ольга Петровна*, кандидат филологических наук, докторант Марийского государственного университета (г.Йошкар-Ола).
29. *Габсаттарова Гюзель Радифовна*, старший преподаватель кафедры татарской филологии Альметьевского государственного института муниципальной службы (г.Альметьевск).
30. *Галиуллина Гульшат Раисовна*, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой современного татарского языка Казанского государственного университета (г.Казань).
31. *Ганиев Фуат Ашрафович*, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусств им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г.Казань).
32. *Гараева Лейсан Фаритовна*, старший преподаватель Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (г.Казань).
33. *Гарифуллина Альбина Маратовна*, кандидат филологических наук, доцент Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (г.Казань).
34. *Гафурова Айсылу Асгатовна*, ассистент кафедры современного татарского языка Казанского государственного университета (г.Казань).
35. *Гебекова Аджибеке Набиевна*, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики и методики начального обучения Дагестанского института повышения квалификации педагогических кадров Министерства образования и науки Республики Дагестан (г.Махачкала).
36. *Гребнева Александра Михайловна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры эрзянского языка Мордовского государственного университета (г.Саранск).
37. *Губанов Алексей Рафаилович*, доктор филологических наук, заведующий кафедрой сопоставительного языкознания Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова (г.Чебоксары).
38. *Губанов Дмитрий Алексеевич*, аспирант кафедры сопоставительного языкознания Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова (г.Чебоксары).
39. *Гуляева Наталья Ивановна*, младший научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г.Сыктывкар).
40. *Гюзель Синан (Güzel Sinan)*, докторант Эгейского университета (г.Измир, Турция).
41. *Даутова Гульназ Ильдаровна*, аспирант Казанского государственного университета (г.Казань).
42. *Дегтярёв Геннадий Анатольевич*, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук (г.Чебоксары).
43. *Денмухаметова Эльвира Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и переводоведения Казанского государственного университета (г.Казань).
44. *Димитриева Алевтина Геннадьевна*, кандидат филологических наук, Чувашский государственный университет им.И.Н.Ульянова (г.Чебоксары).
45. *Димитриева Юдит*, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и уралографии Югорского государственного университета (г.Ханты-Мансийск).
46. *Егоров Николай Иванович*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук, заведующий кафедрой народного художественного творчества и социально-культурной деятельности Чувашского государственного института культуры и искусств (г.Чебоксары).
47. *Егорова Анна Семеновна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р.Федотова Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова (г.Чебоксары).
48. *Егорова Бронислава Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З.Биишевой (г.Стерлитамак).
49. *Егорова Вера Алексеевна*, учитель чувашского языка и литературы высшей категории Чурачакской СОШ Цивильского района Чувашской Республики (г.Цивильск).
50. *Ермакова Галина Алексеевна*, доктор филологических наук, заведующая кафедрой методики преподавания чувашского языка и литературы Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова (г.Чебоксары).
51. *Ефремов Дмитрий Анатольевич*, аспирант Удмуртского государственного университета (г.Ижевск).

Список авторов

1. *Абжет Бахыт Сырымұлы*, кандидат филологических наук, ученый секретарь Международного Казахско-Турецкого университета им. Х.А. Ясави (г. Туркестан, Казахстан).
2. *Абукаева Любовь Алексеевна*, доктор филологических наук, профессор кафедры русского и общего языкознания Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола).
3. *Акальн Шукру Халук (Akalm Şükri Halûk)*, доктор филологических наук, профессор, Президент Турецкого лингвистического общества (г. Анкара, Турция).
4. *Алеева Аниса Ханифовна*, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).
5. *Алеева Гульназ Усмановна*, аспирант Казанского государственного университета (г. Казань).
6. *Алжейкина Галина Владимировна*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры хорового дирижирования Чувашского государственного института культуры и искусств (г. Чебоксары).
7. *Аминев Закирьян Галимьянович*, научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Башкортостан.
8. *Аминов Бобир Бомуратович*, кандидат исторических наук, докторант Института Востоковедения Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан).
9. *Ананьева Зоя Ефимовна*, Шупашкарти «2-мёш гимнази» муниципаллә вёренү учрежденийён чăваш чёлхипе литературине вёрентекен аслă категориллэ учителё (Шупашкар хули).
10. *Анварова Мунира Халирахмановна*, ассистент кафедра современного татарского языка Казанского государственного университета (г. Казань).
11. *Андреев Валерий Васильевич*, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой филологии и истории Батыревского филиала Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
12. *Андреев Владимир Юрьевич*, руководитель Центра дистанционного обучения чувашскому языку, автор электронных пособий (г. Чебоксары).
13. *Андреева Евдокия Александровна*, кандидат филологических наук, декан факультета чувашской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары).
14. *Артемьева Татьяна Геннадьевна*, аспирантка кафедры физической географии и геоморфологии им. Е.И. Арчикова Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
15. *Афанасьева Екатерина Романовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).
16. *Афанасьева Лира Аркадьевна*, старший преподаватель кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З. Бишевой (г. Стерлитамак).
17. *Ахвандерова Алина Давыдовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары).
18. *Бабаяров Гайбулла Баллыевич*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, докторант Института Востоковедения Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан).
19. *Бавдинов Руфат Рустамович*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан).
20. *Батченко Елена Игнатьевна*, научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары).
21. *Биккинин Ирек Дамирович*, соискатель Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, редактор «Татарской газеты» (г. Саранск).
22. *Бусыгина Людмила Васильевна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории лингвистического картографирования Финно-угорского научно-образовательного центра гуманитарных технологий при Удмуртском государственном университете (г. Ижевск).
23. *Бятикова Ольга Николаевна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).
24. *Васильева Елизавета Федоровна*, кандидат филологических наук, заслуженный работник образования Чувашской Республики (г. Чебоксары).
25. *Викторин Виктор Михайлович*, кандидат исторических наук, доцент отделения восточных языков Астраханского государственного университета (г. Астрахань).

1.4.3. *Происхождение*. В КЭСК (С. 90) для коми *дзескыд* ‘тесный’ и удмурского *зоскыт* ‘тесный, узкий’ возводят общеп. ; *Eskit* ‘тесный’ и указывают на сопоставление Вихманном данных пермских слов с финским *tuyska* но в UEW приведённые слова не рассматриваются, следовательно, сравнение с финским словом не поддерживается.

1.5. *ансыр*

1.5.1. *Территориальное распространение и варианты слова*. Форма *ансыр* употребляется в косинском говоре северного наречия (6, ба, 8, 9, 9а) и в кульминском говоре средне-западного диалекта (12, 13). Фонетический вариант с язычковым *н* – *ансыр* функционирует в шошминском говоре (15, 17, 138–141), зафиксирован он также в д. Салья (13) (Кировск. обл.); вариант с данным звуком и заднерядным гласным *ь* распространён в кукморском говоре (142, 144, 144б, 145, 146). Вариант *амсыр* употребляется в бесермянском наречии (36, 45, 46, 49), где он постепенно вытесняется севернoudмуртским *с’улэг*. Этот же вариант бытует в кукморском говоре (143–145, 145а, 145в), причём в некоторых населённых пунктах параллельно с более древней формой *а’сыр*.

1.5.2. *Происхождение*. Удмуртские *ансыр*, *амсыр* ‘узкий’ считают проточувашским или чувашским заимствованием, ср. современное чув. *ансър* ‘тесно, узко; тесный, узкий’; структурно состоит из: *ан* ‘ширина; полотнище’, *-сър* каритивный аффикс ‘не, без’. Общeturk. *ан* < *ан ‘ширина’. В других турк. языках: тат. башк. *ин ‘ширина (ткани, материи)’, чаг. *ан ‘ширина’ и т.д. Мар. *анышыр*, *анысыр* ‘узкий’ < чув. Предполагают, что в некоторые удмуртские диалекты могло попасть из марийского [ЭСУЯ, 95–96; Тараканов 1993: 33–34].

В соответствии с современными представлениями, рассматриваемое слово следовало бы считать болгарским заимствованием, но ввиду узкого его распространения логичнее предположить, что рассматриваемое слово проникло из языка чувашей, некогда проживавших в Заказанье вблизи завятской группы удмуртов. Заднеязычное *н* в удмуртском на месте *н* возникло, по-видимому, под влиянием слова *ан* ‘ширина основы холста; набилки’, которое в удмуртском и марийском считают чувашским заимствованием: < чув. *ан* (< *ан) ‘ширина холста’ [Федотов 1965: 71; 1996: 42; Räsänen 1969: 43b]. По предположению В. И. Алатырева, слово *ан* могло проникнуть в удмуртский из тюркских племенных языков ещё до сложения единого чувашского языка [ЭСУЯ, 91, 92]. По современным представлениям, его следует считать болгарским заимствованием.

2. *Заключение*. Анализ распространения слов, обозначающих понятие «узкий» в удмуртском, а также коми языках, позволяет сделать некоторые выводы по поводу истории развития слов, выражающих данное понятие в пермских языках. Необходимо подчеркнуть, что оно имеет достаточно широкий объём, поэтому единого слова для его выражения в прапермском могло и не существовать. Таковыми могли быть несколько слов, основными из которых предположительно были **vek-* ‘узкий; ? выгнутый, продолговатый’ и *:Eskit* ‘тесный, узкий’. Первое слово применялось для обозначения в первую очередь конкретных (телесных) предметов, а второе – для описания пространств. Кроме того, функционировала ещё такая лексема как *с’ър* – ‘плотный’, ‘узкий’. Парагматическое взаимодействие данных слов привело к тому, что в коми языках именно слова с основой **vek-* (> к. *векни*, *векныд*, кп. *векнит*) стали выражать понятие «узкий». В удмуртском же слово с данной основой *векчи*, по-видимому, под влиянием *весчи* приобрело значение ‘тонкий’.

В собственно удмуртский период для именованя узких предметов на первое место выдвигается слово, образованное из основы *с’ър* – ‘плотный’, ‘узкий’ – *сюбег*. Впоследствии в среде северных удмуртов в результате воздействия слова *сюл* ‘кишка’ оно обретает форму *сюлэг* и распространяется до северной группы срединных говоров. В то же время у южных удмуртов на первый план выходит лексема *зоскыт*, которая в пределах Удмуртии не смогла дальше конкурировать со словом *сюбег*, а в диалекты, расположенные за Вяткой, а также в язык бесермян проник чувашизм *ансыр*.

Литература

Доп. к КЭСК = Дополнение к Краткому этимологическому словарю коми языка // *Лыткин В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Переизд. с доп. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – С. 387–430.

КЭСК = *Лыткин, В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М.: Наука, 1970. 386 с.; переизд. с доп.: Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 431 с.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. – 170 с.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. I: Чувашско-марийские связи. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1965. – 160 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : В 2 т. – Чебоксары, 1996.

ЭСУЯ = Алатырев, В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б / НИИ при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1988. – 240 с.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen / M. Räsänen. LSFU XVII, 1. Helsinki, 1969. XVI + 533 S.; 2: Wortregister, 1971. - 136 S.

UEW = Redei, K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III / K. Redei.. Budapest: Akademiai Kiado, 1986–1991.

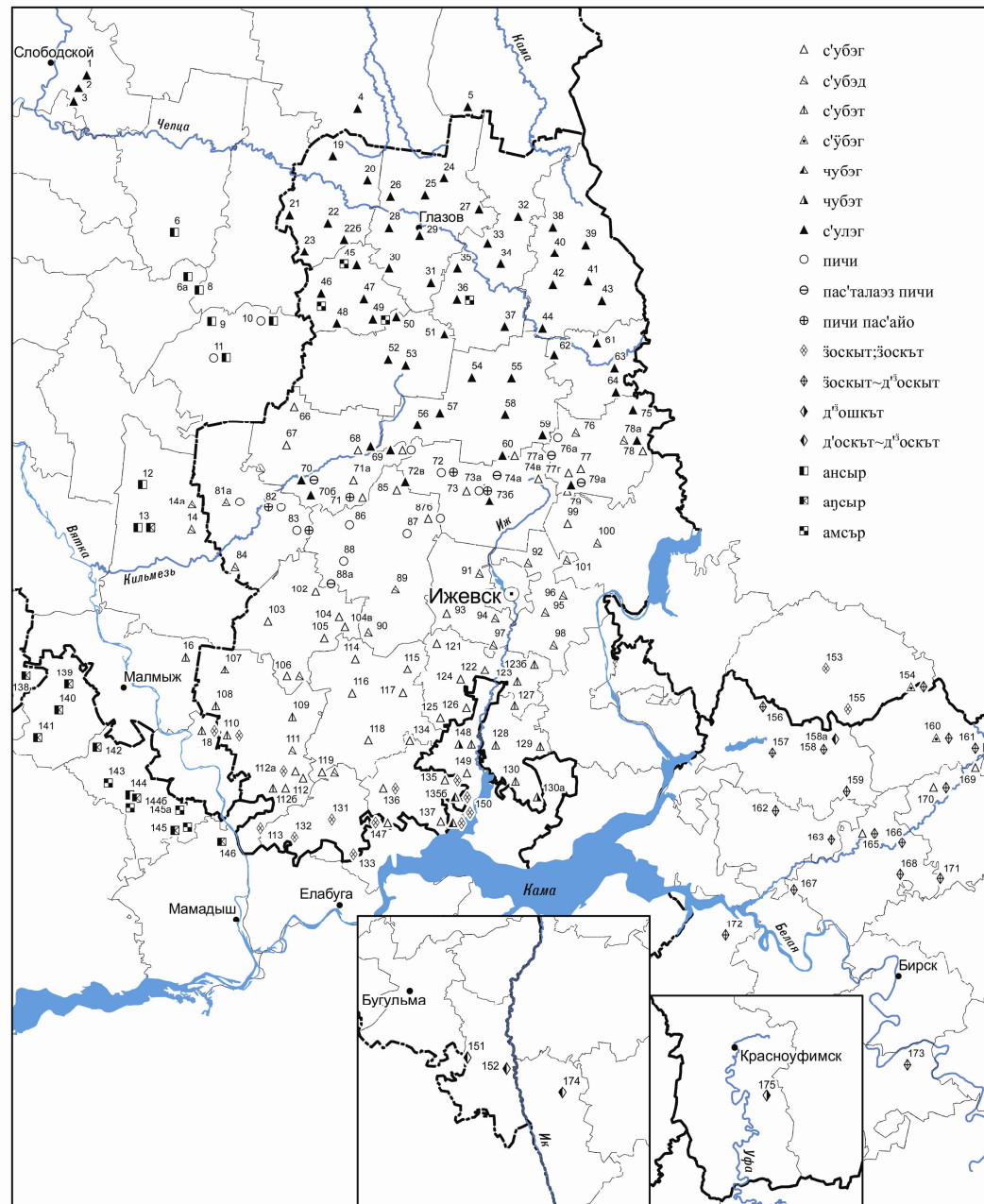
структура воспринимается на слух или зрительно в виде произнесенного или напечатанного текста. При переводе форма исходного языка заменяется формой языка перевода. Следовательно, при переводе должен передаваться смысл, и именно он должен остаться неизменным, изменяется лишь форма. Если форма перевода в большей степени соответствует форме оригинала, перевод относится к разряду *буквальных*; если его форма в большей степени соответствует форме целевого языка, то перевод относится к разряду *идиоматических*. И даже несмотря на то, что абсолютно буквальные или последовательно идиоматические переводы почти не встречаются, любой перевод всегда осуществляется с применением того или другого общего подхода. С этой точки зрения яковлевский перевод с полным правом можно назвать *буквальным*, а предлагаемый нами новый перевод - *идиоматическим*. Покажем различие на примере из Евангелия от Луки (17:31):

Синодальный текст: *В тот день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращай назад.*

Здесь не следует искать никаких искажений богословского характера, налицо несовпадение бытовых российских реалий с еврейскими, где дома располагаются ступеньками и двориком служит плоская крыша строения, стоящего ниже. Чувашского же читателя, который забирается на крышу раз в несколько лет для ремонта или покраски, данный стих приводит в недоумение и возникает мешающий восприятию побочный вопрос: А зачем он забрался на крышу?

В заключение следует сказать, что, начиная с 1820 года, каждый перевод сопровождался положительными и резко отрицательными отзывами, несомненно, наш новый перевод также не станет исключением.

УЗКИЙ

М 1:2000000
(в 1 см 20 км)

Презентация нового перевода Четвероевангелия состоялась в Национальной библиотеке в дружелюбной атмосфере. Кроме сотрудников института и гостей в ней участвовали и выступали ректор Чебоксарского духовного училища протоирей Михаил Иванов, министр культуры и по делам национальностей Ольга Денисова, представители научной и творческой интеллигенции. "Божье Слово на родном языке,- подчеркивал ректор училища М.Иванов, – воспринимаешь более остро, переживания – более глубокие"⁶. Особо ярким и дружелюбным было выступление О.Денисовой, многие слова которой члены чувашской переводческой группы приняли как аванс за будущую работу.

Подробнее о презентации и о выступлениях рассказано в статье Н.Смирновой «Ырă Хыпарпа ыраланаççĕ» (Статье бы добрее с Благой Вестью)⁷.

Говорить, что перевод принят однозначно в радужных тонах, было бы неправдой. Некоторые священники и представители интеллигенции заранее были против всякого другого перевода, кроме узаконенного в церкви текста. Пока критика новых переводов в основном носит устный и запретительный характер. Запрет состоит в том, что мы получаем резко отрицательный отзыв перед каждой публикацией, где переводчик голословно обвиняется во всех смертных грехах: в протестантизме, еретизме, многоженстве и т.д. Следует особо подчеркнуть, что под громким шумом "защиты православия" скрываются не богословские и даже не лингвистические аспекты переводов, а лишь интересы лиц, переиздающих тексты дореволюционных изданий (яковлевские и ПМО). Дело в том, что ИПБ - это некоммерческое автономное учреждение, существующее за счет пожертвований и свои издания распространяет бесплатно. Справедливости ради следует отметить самое последнее событие. "Библию для детей" мы подготовили опираясь не на традиционный яковлевский, а свой перевод. Несмотря на резко отрицательный отзыв, после тщательного чтения священниками нашего текста, управляющий Чебоксарско-Чувашской епархией митрополит Варнава счел необходимым издать эту книгу и благословил с напутственными словами: "Дорогие братья и сестры! Вы держите в руках издание "Библии для детей", которая впервые выходит на родном для чувашского народа языке. Признавая некоторые несовершенства в переводе на чувашский язык для понимания детей, все же хочется отметить, что Священное писание становится доступней для всех читателей как взрослых, так и подрастающего поколения.

Невзирая ни на какие трудности библейская работа будет вестись и дальше для постепенного очищения перевода от присущих ему погрешностей.

Примите, дорогие братья и сестры, этот плод усилий переводчиков и пусть издание "Библии для детей" найдет достойное место в городских и сельских школах, библиотеках, приходах, а также в домах наших верующих, и принесет в сердца юных читателей свет веры, мира и любви"⁸.

Конечно, для переводческой группы огромный интерес представляют прямые отклики читателей. Даже курьезные письма заставляют задуматься о многом. Вот что пишет Егординов Н.А. из деревни Сойгино Алатырского района: "О книге «Ырă Хыпар». Эту книгу я прочитал. Она мне очень понравилась. Я бы хотел, чтобы эту книгу напечатали и на русском языке". Другими словами, наш читатель никакого представления об Евангелии не имел, ему показалось, что чувашский текст и есть оригинал, достойный для перевода на русский язык.

В этом году ИПБ планирует издать новый перевод "Нового Завета" на чувашский язык. При этом мы исходили из того, что перевод состоит в замещении одной языковой структуры или формы посредством другой с целью передачи исходного сообщения на другом языке. Таким образом, перевод есть по существу изменение языковой формы. Когда мы говорим о языковой форме, то имеем в виду существующие в нем слова, фразы, простые и сложные предложения, абзацы и т.д., которые можно записать или произнести. Эти формы называют *поверхностной структурой* языка. Именно эта

⁶ В.Алексин. Священное писание для домашнего чтения // СЧ. – 2002. – 26 апреля.

⁷ Н.Смирнова. «Ырă Хыпарпа» ыраланаççĕ // Хыпар. – 2002. – май, 28.

⁸ Ача-пăча Библийĕ. – М.: Библи куçарăвĕн институтĕ, 2006. – С.6.

РОДСТВЕННИКИ И ЗЕМЛЯКИ М.Р. ФЕДОТОВА - СИБИРЯКИ

Проживают в с.Дубровное Яркового района Тюменской области с 1959 г. Оно расположено на р.Тура в 40 км к западу от райцентра с.Ярково на автодороге Тюмень-Тобольск. На территории Дубровнинского сельского поселения, где проживает 2200 чел., 1/4 часть составляют чуваша, которые являются переселенцами 1950-1980-х гг., главным образом из Шемуршинского и Яльчикского районов.

Федотов Дмитрий Иванович (родился в 1938 г. в деревне Малое Буяново Шемуршинского района) является племянником профессора М.Р.Федотова. Первыми переселенцами являлись малобуяновцы И.Кузьмин, Д.Федотов, И.Гусев, М.Савельев, М.Космовский, Ф.Партасов, А.Акимов, Б.Мресов и др. Группу переселенцев («37 мужиков с семьями») из д.Малое Буяново Шемуршинского района возглавлял И.Кузьмин. Им выделили 2 эшелона, полностью погрузился пос. Слава (выселок д.Малое Буяново, Чепкас-Никольского сельсовета) и несколько семей из соседних деревень, прибыли в Сибирь 9 мая 1959 г. Первое впечатление связано с увиденными здесь домишками-засыпушками, «в глаза бросалась развалюха». Вскоре закипела работа: лес рубили, доски пилили, начали строиться. Кто-то купил готовый дом, так обустроивались. Летом съездили в Чувашию - продавать свои дома, многие привезли свои семьи позднее – в 1961 г., когда обзавелись на новом месте домами.

Из Шемуршинского района приехало еще несколько групп, они оседали не только в Дубровном, но и в других селениях – Покровке, Никитине и ряде деревень Яркового района. Д.И.Федотов и В.И.Кузьмин подчеркивают: «Русские уезжали, чуваша приезжали». Дмитрий Иванович работал водителем в Туринской сельхозтехнике в с.Покровка, перебазированной затем в Ярково, Тюменском техникуме, пожарником в совхозе. Ныне они с супругой Л.Н.Федотовой являются предпринимателями, имеют два магазина. Стараются завозить поступающую из Чебоксар в Тюменскую область продукцию чебоксарских фабрик – трикотажной, кондитерской. «Раньше возили пиво, теперь нет. У нас спрашивают чувашское пиво, водку, сувениры, но в магазине этой продукции не имеется, а она пользуется спросом. Нужно рекламировать в области продукцию из Чувашии. Покупатели отмечают ухудшение качества изделий трикотажной фабрики, этот товар идет теперь хуже, чем раньше, и мы вынуждены отказываться от него» - отмечают супруги Федотовы.

Дубровинскую сельскую администрацию почти два десятка лет возглавляют чуваша. В.И.Кузьмина, знавшего вся область, заменил сын Дмитрия Ивановича В.Д. Федотов (1964 г.р.). Главой Дубровнинского сельского поселения он работает с 2006 г. Окончил Тюменский строительный техникум. Работал станочником, секретарем комсомольской организации в Калымском лесозаготовительном пункте, инструктором Яркового райкома комсомола, зав. орготделом, начальником цеха птицефабрики «Тюменская» (п.Каскара), был предпринимателем. Купил в личную собственность здание ЛЗП (бывшая столовая) площадью 360 кв.м, открыл магазин. «Здесь хочу открыть краеведческий музей. У меня интерес к истории и краеведению с детства, - рассказывал он при встрече. - Участвовал в археологических раскопках в Великом Новгороде. Я собирал экспонаты для создаваемого краеведческого музея».

Много занимается он благоустройством сельских поселений: «Начал с колодцев. Принял на работу рабочих, делаем срубные (сосна) и бетонные колодцы с навесом, оградой. Убираем территорию, восстанавливаем стадион, окрашиваем заборы, белым деревья, благоустраиваем кладбище, занимаемся газификацией, оказываем адресную помощь. При администрации открыл столярный цех».

Жители села в основном занимаются индивидуальным хозяйством. Брат Николай занимается крестьянским хозяйством. У него есть техника: трактора, комбайн, машина «УАЗ», инвентарь и оборудование. Площадь занимаемой земли 70 га. Планирует создать мастерскую. Имеет большое желание работать в сельском хозяйстве.

Дом В.И.Федотова построен в современном коттеджном стиле. Его стены деревянные из брусьев (сосна), снаружи обложены кирпичом (привезен из Ревдинского завода Свердловской обл.), имеет размеры 20х20 м. Планировка и благоустройство: зал, две спальни, кухня, ванная комната, подвесные потолки, автономная канализация и водоснабжение, газ, водяное отопление, баня. В селе садов немного, сад у Федотовых большой с морозоустойчивыми сортами яблонь: ранетка, антоновка, анис. 2006 год, когда мы там побывали, был урожайный.

В Дубровном имеется средняя школа (около 300 учащихся), дом культуры, библиотека, детский сад, санаторий-профилакторий. Ранее функционировали также

музыкальная школа, дом детского творчества. Село газифицировано в 2000-е гг. Есть водопровод, асфальтированные дороги.

«С приездом в Дубровное чувашей, жилищное строительство оживилось, - рассказывают Д.И.Федотов и В.И.Кузьмин. - Чувашаи возводили дома и резали наличники не только в Дубровном, но и в соседних селениях, в т.ч. у сибирских татар. Раньше каждый был плотник, возводили способом *нимелле* - помочью. О чувашах местные русские поговаривали: "Что за невиданный народ, дружно, коллективно и быстро строит".

В чувашских семьях общение на русском и чувашском. Чувашские переселенцы расселены компактно. В Дубровном находится центр чувашской культуры в Ярковском районе (филиал чувашской ассоциации "Таван") с площадкой для проведения Дня чувашской культуры - областного и районного аката (2000). До 1997 г. преподавался предмет "Культура чувашского народа".

До 1960-х гг. функционировала традиционная культура, которая воспроизводилась по старым традициям, чувашские молодежные и семейные обряды. Чувашские переселенцы в 1960-е гг. водили хороводы. У местных жителей этих молодежных игр уже не было, "они удивлялись, а иногда, бывало, местная молодежь хулиганила, тогда дед Никандр Андронов хватает жердь и идет защищать своих", т.е. участников хоровода.

В первое время после переезда в Сибирь обходы круга родственников были продолжены, ездили в гости и в другие деревни. Устраивали пирушки, пели чувашские песни. Поводов для сбора родни было немало: резать ли живность, или праздник какой-либо справлять. На октябрьские отмечали *улах сари* молодежное пиво.

Великий день *Мункун* - пасха - состоял из большого и малого мункуна, в прошлом были обязательны обходы *рет* (в нашем кругу было 18 домов, отмечает собеседница Е.Кузьмина). Приезжали на пасху родственники из Шемуршинского района. Ныне Мункун также празднуем, в основном в семейном кругу, собираются родственники - сыновья со своими семьями и другие близкие - 6-7 семей. В прошлом созывали на *Калъм* (первый день пасхи) родственников, которых объезжал верхом на лошади посыльный из дома, где обход начинался (из дома основателя рода, старшего родственника либо дома, где начинался *рет* обход данного года). Однако обычаи Калъм в полном ритуальном порядке бытовали все-таки на родине - в Чувашии, а не здесь. Тем не менее, русские уважали нас как почитателей традиций и обрядов.

В прошлом верования, связанные с природой, были связаны с практикой, хозяйственной деятельностью людей. Чувашские переселенцы перенимали также местные верования и обычаи. Одним из знатоков обрядов был Гаврилов, являвшийся ссыльным 1930-х гг. ("*ссылкӑна килӗ чӑваш*"). Он говорил, что знает *сӗлен чӗлхи* (наговор против змеиного укуса). С ним мы не думали о змее. Старые женщины из новопоселенцев боялись также речных судов, точнее их гудков, их "вой" приписывали большим неведомым зверям, полагали, что эти "существа" могут украсть детей, которые играли возле берега. Ругали мужчин, что привезли семьи "к шайтанам".

Земляки М.Р.Федотова отмечают, что они не порывали связи с родиной, ездили и самолетом, и поездом. «Как наступала ностальгия по родине, так и ездили, если не ежегодно, то через 1-2 года. Мой отец дружил с М.Р. Федотовым - профессором-чувашеведом. Он присылал отцу книги», - рассказывает В.И.Кузьмин.

В 1980-1990-е гг. в с.Дубровное были чувашская фольклорная группа, народный хор, несколько комплектов чувашского костюма с вышитыми нарядами и украшениями из бисера и металла. Приезжавшие из Малое Буяново родственники отмечали, что здесь, в сибирском селе, у вас есть даже то, чего нет в Чувашии, имея в виду фольклорную группу, пластинки, аудиозаписи. В доме культуры оформлен чувашский уголок с портретом И.Я.Яковлева и гербом Чувашской Республики. Художественным руководителем работает чувашка Н.В.Михайлова.

литературного. Тем не менее, не удавалось освободиться от недостатков, сопровождавших эту письменность с самого начала, таких как ориентацию только на верховой диалект, попытка обозначения специфических чувашских звуков средствами русской графики и др.

2. Деятельность И.Я.Яковлева. Для успешного развития чувашского этноса нужен был неординарный, прогрессивный деятель, болеющий всей душой за родной народ. И он пришел. Сейчас его называют "наш патриарх". Это - И.Я.Яковлев/1848-1930/. Невероятно, но одному человеку удалось создать новую письменность, подготовить буквари и учебники, открыть чувашские школы, открыть Симбирскую чувашскую школу для подготовки учителей, перевести весь НЗ и Пятикнижие. Им же были переведены и изданы служебные книги. ОБ И.Я.Яковлеве много написано, еще больше напишут.

Верующие, священники и зарождающаяся интеллигенция приняли с воодушевлением переводы, выполненные Яковлевым и его переводческой группой. Эти переводы сыграли огромную роль для распространения и укрепления христианства среди чувашского народа. Хотя Божье Слово проповедывалось уже несколько веков, только семя, посеянное на родной почве и на родном языке принесло богатый урожай.

Первый перевод Яковлева, Евангелие от Матфея, был опубликован в Казани в 1873 году, а Четвероевангелие - в 1895 г. При этом, И.Я.Яковлев практиковал издание пробных тиражей в 200-300 экземпляров, чтобы учесть замечания при основном издании значительным тиражом. Например, уже в 1911 году полный НЗ был отпечатан тиражом в 20 000 экземпляров. Тиражи переводов Яковлева показывают, что должен был быть огромный спрос на эти книги.

Разумеется, титанический труд И.Я.Яковлева нашел как ярых сторонников, так и злостных противников. Плачущие от радости уже плакали не от умиления, а от обретения надежды. Смеющиеся от ненависти смеялись громко, но уже с опаской. Дело "его жизни" одобряли архиепископ Симбирский Гурий, архиепископ Казанский Антоний, архиепископ Уфимский Андрей.

Прямо противоположные мнения высказывал епископ Симбирский и Сызранский Никандр, награждая Яковлева эпитетами "сепаратист", "пестун инородческой обособленности" и др. Особенно настораживало его проникновение чувашского языка в церковь.

3. Отклики на чувашское издание ИПБ. Первым изданием ИПБ на чувашском языке стало "Евангелие от Луки" (1999 г.). Свою задачу и цель перевода мы охарактеризовали такими словами: "Переводы Ивана Яковлева используются в литургии, в богослужении - это церковнославянский язык в восприятии чувашей. Мы же ставим своей целью дать людям Библию для домашнего чтения, чтобы она лежала на столе и у школьника, и у пенсионера, и была понятна всем, потому что нет ничего в мире важнее слова Божия". Много добрых слов о переводе было сказано представителями чувашской диаспоры в Москве во время презентации, которая состоялась в ИПБ. Республиканские СМИ также не остались в стороне. Вот что пишет об этом переводе Н.Ростова: "Было бы правомерным спросить, зачем нужен еще один перевод Библии, если эту работу выполнил такой признанный авторитет как Иван Яковлев. Однако специалисты говорят, что, несмотря на значительные достоинства перевода, подготовленного великим просветителем, он местами малопонятен, на современном литературном языке можно более точно передать текст Евангелия"⁴.

Филологический редактор чувашского проекта А. Дмитриев выступил в печати с некоторыми разъяснениями относительно нового перевода: "У чувашского проекта есть свои особенности. Одна из них заключается в том, что еще в 19 веке Новый Завет был переведен и издан. Это сделали наш выдающийся просветитель Иван Яковлевич Яковлев и его сподвижники - литераторы, учителя, учащиеся Симбирской чувашской школы. Их перевод не раз переиздавался. Священники давно пользуются им при богослужении. По этой причине они неохотно идут даже на малейшие новшества. Между тем мы несколько не подвергаем ревизии перевод И.Я.Яковлева, а наоборот, развиваем, приближая к духу нашего времени, сообразуясь с новыми жизненными и языковыми реалиями."⁵

⁴ Н.Ростова. Евангелие от Луки вновь переведено на чувашский // СЧ. - 2000. - 4 мая.

⁵ А.Дмитриев. Для чего вновь переводят Новый Завет? // СЧ. - 2001. - 17 апреля.

О ПРИНЦИПАХ ОБЩЕДОСТУПНОГО ПЕРЕВОДА «НОВОГО ЗАВЕТА» НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

(Отклики на переводы Священного писания на чувашский язык)

1. Перевод Четвероевангелия (1820). В самом начале 19 века начинаются переводы христианских текстов на чувашский язык. Так, например, были переведены и изданы: (Краткий катехизис...) После создания Российского Библейского Общества (1813г.) проводится целенаправленная работа по переводу Библии и ее частей на неславянские языки, в основном, России. В 1820 году было опубликовано Четвероевангелие, хотя по имеющимся документам, был сделан и полный перевод Нового Завета.

Как был воспринят перевод в то время? Как воспринимали его носители языка?

Вот что писал министр народного просвещения А.С. Шишков: "Ежели на сем языке восточном (персидском П.Я.) выделанном, могли произойти подобные ужасы, то чего нет на тех 30-ти, или более, диких наречиях, у коих нет ни письмян, ни выражений не только для предметов духовных, но иже для самых обыкновенных в жизни: как-то стул, шляпа и проч. По неимению письмян на сих языках, употреблены русския и от того переводы сии вышли столь соблазнительными, что, читая несколько листов в библейском комитете, члены онаго, кроме тех, которые готовы были плакать, смеялись над чтением мордовских и чувашских евангелий. Не простее ли было обучить дикарей сих славянской грамоте...?"¹ Следует отметить, что перевод Четвероевангелия был сделан на узколокальный говор, вопрос о создании общечувашского литературного языка еще не стоял. Носители чувашского языка, в том числе и священники, надо думать - из числа плачущих, давали объективную оценку этому переводу. "Эта книга, - писал о.Василевский,- в нескольких экземплярах хранится в каждой церкви чувашского прихода, главное - хранится, бережется, - да и только; но для чуваш и чувашами вовсе, можно сказать, не употребляется. Почему так? Потому, что перевод Евангелия не удобопонятен для чуваш. И это есть не личное наше мнение, но общее всех священников, служащих по чувашским приходам; это есть мнение всех знатоков чувашского языка, которые изучили его не из переводных книг, а из уст самих чуваш."² Однако вывод о.Василевского в корне отличается от рекомендаций господина Шишкова. "Таким образом, - пишет священник,- несовершенство существующего перевода Евангелий само собою громко вопиет о необходимости заменить его другим более исправным, более совершенным переводом и удобопонятным для чуваш. - При сем да не подумает кто-либо, что, говоря о недостатках существующего чувашского Евангелия, мы тем унижаем его значение, его достоинство; нет, не то у нас на уме, и унижать его не для чего, так как оно довольно послужило к распространению света Христовой истины между чувашами, так как несомненно, что оно приносило и приносит свою долю пользы уже сорок лет. Перевод Евангелия, в 1821 году сделанный (так в тексте! П.Я.), есть единственный и самый первый опыт чувашского языка, попавшего в книгу; но кому не известно, что начало всегда несовершенно, и несмотря на то, оно, как начало, стоит полного нашего уважения,- уже и потому, что служит первою ступенью к большому совершенству в своем роде"³.

Справедливости ради следует отметить, что эта письменность получила значительное развитие и к концу 19 века, благодаря таким деятелям как Н.И.Золотницкий, этот старописьменный чувашский язык был поднят почти до уровня

¹ О злых действиях тайных обществ, выдумавших библейское общество в Европе и неусыпно чрез оное все к своей цели направляющих. Соч. министра просвещения Александра Семеновича Шишкова. Цит. по книге: Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. Репр. издание 1899г. - М., 1997. - С.256.

² Отзыв о чувашском Евангелии, изданном в 1820 году свящ. Петра Василевского. - Журн. "Странник", 1873, т.1, часть 2. - С.57.

³ Там же. - С. 60.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.В. НИКОЛЬСКОГО ДЛЯ СЛОВАРЯ АГНОНИМОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Современная лексикография предоставляет для пользования широкий круг самых разнообразных словарей. Многоаспектность словарной информации часто мешает дать лексикографическому изданию однозначную характеристику. Порой возникает вопрос, к каким лексикографическим изданиям целесообразнее обращаться при решении тех или иных проблем. Практические потребности диктуют создание новых типов словарей, определять их характер.

В настоящее время чрезвычайно актуальным является создание словаря чувашских агнонимов (от греч. agnōstos - «непознаваемый»). К агнонимам относятся слова, которые носитель языка может совсем не знать; иметь лишь представление о его значении, т.е. такие слова родного языка, которые неизвестны, малопонятны или непонятны многим его носителям.

Основными источниками для составления такого словаря являются «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина в семнадцати томах (1928-1950); «Русско-чувашский словарь» (1909), «Краткий чувашско-русский словарь» (1919) Н.В. Никольского, его архивные материалы.

Проблема агнонимов в чувашском языкознании является совершенно новой, о ней мы упоминаем в нашей статье впервые. Обсуждение агнонимической лексики включает в себя целый ряд вопросов: выяснение соотношения языка, мышления и сознания; определение роли родного языка в формировании знания человека; установление статуса агнонимов в лексической системе языка; создание лингвистического механизма, позволяющего извлекать агнонимы из любого наперед заданного лексического перечня (в данном конкретном случае - из опубликованного и рукописного лексикографического наследия Н. В. Никольского), опознание чувашских агнонимов (например, в результате опроса, мониторинга студентов), их количественная и качественная (архаизм, историзм, окказионализм, узколокальный диалектизм, заимствование и т.д., и т.п.) разработка вопросов, связанных с лексикографированием агнонимов и т.д.

Изучение агнонимической лексики чувашского языка следует начать с разработки механизмов их опознания и извлечения из имеющихся лексикографических, диалектологических, этнографических и т.д. работ и создания Словаря чувашских агнонимов. В этом отношении лексикографические работы Н. В. Никольского, а еще в большей степени его огромное рукописное наследие в целом является самым плодотворным источником.

Создание Словаря агнонимов, их целенаправленное и всестороннее изучение в чувашском языкознании чрезвычайно актуально. Современное поколение носителей чувашского языка, к сожалению, не знает очень много слов, которые еще совсем недавно, лет 100 тому назад, были в общем употреблении. Особенно это касается так называемой этнокультурной лексики, архаизмов, историзмов, этнографизмов, узколокальной диалектной лексики, профессионализмов и т.д. В связи с этим возникают серьезные трудности при публикации фольклорных и этнографических материалов. Не секрет, что значение многих этнокультурных терминов малопонятны даже специалистам. В научной литературе одни и те же этнокультурные термины разными авторами трактуются совершенно произвольно, что ведет к огромной путанице (примеры: терминология одежды, украшений, вышивки, традиционной кухни, мифологии, религиозных верований и т.д., и т.п.).

Так, например, в «Кратком чувашско-русском словаре» Н. В. Никольского (1919) находим массу слов, которые для современных носителей чувашского языка уже являются **агнонимами**:

автӓ «тесла» (3);

акар «борзый»; акар йӓтти асса пырать, айкки вӓтӓр хӓвел пырать - «борзая собака идет, через бок идет солнце» (4);

алӓк улти «притолока» (5);

алӑк урли «дверной запор» (5);
алӑк кӑлти «дверной кочет» (6);
алӑк кӑшманӑ «дверной кочет» (6);
алӑк кӑрукӑ «дверной кочет» (6);
алӑк тӑшпи «засов для дверей или ворот» (6);
алӑм «решето» (количество муки или зерна для него)» (6);
алма «род ожерелья, висячее украшение из монет, надеваемое женщинами в праздники» (6);
алмах (семья) (из кровной родни); всём пӑр алмак – «они кровные братья и сестры» (6);
алпас, *алпастӑ* «албас» (злой дух)» (6);
алган чаканӑ «петушиные шпоры» (7);
алтӑ «сверлило» (вроде долота)»;
алтӑк «рытвина»;
алтӑ «сверлило (вроде долота)» (7);
алтӑк «рытвина» (7);
алчӑ-малчӑ «в беспорядке, как попало; алчӑ-малчӑ пӑрахса пӑтернӑ – разбросано как попало» (7);
алччамуй «косой, косо; унӑн куҫӑсем алччамуй – у него косые глаза» (8);
ами «товарищ», «голова (в обращении)», чудақ (9);
ант «клятва; ант ту – клясться» (14);
апаслан «заниматься пустым делом» (16);
ат «спутаться, запутываться» (23);
ӑрша «рыса» (30);
валӑ «доля, часть» (32);
вӑрлӑк «прясло» (42);
инел «ублажить» (60);
йейме «скатерть; ҫӑтӑлнӑ йейме – изорванная скатерть» (70) и т.д.

Рукопись «**Чувашско-русского словаря**» в семи томах (1903-1914 гг.) профессора Н. В. Никольского, которая в настоящее время хранится в архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, в силу обстоятельств осталась незавершенной и не изданной. Данный словарь дает нам представление о чувашском языке конца XIX – начала XX вв. В этой рукописи семитомного словаря запечатлено огромное количество устаревших, вышедших из употребления слов (архаизмов и историзмов), некоторые из них не встретить и в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина. Приведем несколько примеров:

вунӑ – пасма; *икӑ вунӑ ҫип* – два пасма нитки [Т. 257, с. 64];
йуп – благосклонность; *йуп кур* – быть благосклонным [Т. 258, с. 66];
килтӑ (килтӑ ҫипти) – нитка, оставшаяся после тканья [Т. 259, с. 45];
кирпел – кузов из липовой и вязовой коры [Т. 259, с. 47];
пӑлек – тот остаток пищи у «дружики», который на следующий день после свадьбы в середине двора раздаётся [Т. 259, с. 45];
пӑшкен – ремень для скрепления коньков [Т. 259, с. 58];
сурӑм – особое моление с жертвоприношением [Т. 261, с. 32];
хысма – сок дерева [Т. 263, с. 64].
шантал – подарок от тестя или свекрови [Т. 263, с. 83].
тархас – усиленная просьба, имеющая своей целью во что бы то ни стало получить прошеную вещь [Т. 262, с. 12].

В отечественном языкознании проблемы агнонимии стали разрабатываться с конца прошлого века [Сомов, 1996], имеются и лексикографические издания по русским агнонимам [Морковкин, 1997]. Они могут послужить примером в деле составления словаря чувашских агнонимов.

пурса [асра] тыт «постоянно помнить, думать о ком-либо или о чем-либо» (букв. держать в голове в уме) ~ *башка кереп алу* (букв. взять, войдя в голову), *кебек миснӑ кереп алу* (букв. довести до головного мозга), *башка кереп алыу* (букв. взять войдя в голову), *kafasinda (aklinda) tutmak* (букв. держать в голове, в уме);

ҫӑварӑне шӑна тытат «ничего не делать, пребывать в безделье» (букв. ртом мух ловит) ~ *авызы белӑн чебен аулыӑ* (букв. ртом мух ловит), *ауызы менӑн чебен аулау* (букв. ртом мух ловить), *sinek avlamak* (букв. ловить мух);

ҫӑварӑ хӑлхи патне ҫитет «испытывать радость» (букв. рот доходит до ушей) ~ *авызы колагына житте* (букв. рот доходит до ушей), *ауыз колакка стӑу* (букв. рот доходить до ушей), *ağzi kulaklarına varmak* (букв. рот доходить до ушей).

Сравнение фразеологических единиц тюркских языков Поволжья с турецкими фразеологизмами привело нас к выводу, что турецкие фразеологизмы обогатили фразеологию языков Поволжья частичными фразеологическими эквивалентами. Следует отметить, что в чувашском, татарском, башкирском, турецком языках малочисленны частичные фразеологизмы-эквиваленты, совпадающие по значению, образности, стилистической направленности, но отличающиеся числом компонентов или порядком слов. Заметные расхождения наблюдаются в фразеологизмах чувашского и турецкого языка. Эти несовпадения – результат отражения национального духа и внутрисистемных языковых связей и экстралингвистических факторов.

Литература

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: «Сов. энциклопедия», – 1967, кн. 1. – 738 с.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1983. – 213 с.
3. Ибрагимова И.И. Сравнительно-сопоставительное исследование соматических фразеологизмов (на материале английского и татарского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1993. – 156 с.
4. Русско-башкирский словарь / сост.: К.З.Ахмерова, У.М.Яруллина, Т.М.Гарипов, З.К.Шимухаметов, М.Л.Рафиков. – М.: Изд-во Сов. энцикл., 1964. – 985 с.
5. Татарско-русский словарь. – М.: Изд-во Сов. энцикл., – 1966. – 863 с.
6. Федотов М.Р. «Инфинитивы» в тюркских языках // Совет. тюркология, 1981, – №3. – С. 3-9.
7. Чернов М.Ф. Чӑвашла-вырӑсла фразеологи словарӑ. – Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 1982. – 175 с.

(букв. голова стала словно котел), *баш тубал кеҫек булды* (букв. голова стала словно котел), *kafam kazana döndü* (букв. моя голова превратилась в котел);

пуç саврăнать /саврăнчĕ «кто-либо испытывает головокружение (от усталости, переутомления и т.п.)» (букв. голова закружилась/ закружился) ~ *баш айленеп бетте* (букв. голова закружилась), *баш катып бетте* (букв. голова затвердела), *баш айленеп китте* (букв. голова закружилась), *başım ağrıyor* (букв. у меня (моя) голова болит), *kafam bozuldu* (букв. у меня (моя) голова испортилась) *baş dönme* (букв. голова кружиться);

пуçа ус «испытывать печаль» (букв. повесить голову) ~ *башны салындыру* (букв. опустить, повесить голову), *башты күнелһезленсү* (букв. повесить голову), *баш эйсү* (букв. наклонить, нагибать, голову), *başına karalar bağlamak* (букв. завязать голову черной);

сăвар карса тăр (юлнă) «процесс упущения возможности» (букв. остаться раскрытым ртом) ~ *авыз ачып калу* (букв. остаться с открытым ртом), *ауыз асып калыу* (букв. остаться с открытым ртом), *ağzını havaya açmak* (букв. раскрыть рот в воздух);

карма (кара, чара) сăвар «горлан, горлодер, пустомеля, ротозей» (букв. крикун, горлан, разинутый рот) ~ *ачык авыз* (букв. открытый рот), *асыҫ ауыз* (букв. открытый рот), *boşboğazlık* (букв. пустое горло, горлодер);

сăвара [ăша] пĕр хĕлхем те ан яр «кто-либо ничего не ел» (букв. в рот [в живот] не брать ни одну искорку) ~ *бер тăгам да капмаган* (букв. вообще ничего не ел), *тамаҫыма бер ни (йăки васлык та), капканым юк* (букв. в горло ни капли не брал), *ağzına lokma koymamak* (букв. в рот не брать ни одного куса), *ağzını bir çör koymamak* (букв. в рот не брать ни одной соринки);

урана (уруна) тăс «предсмертное состояние» (букв. протянуть ноги) ~ *аяк сузу* (букв. протянуть ноги), *аяктан егылу* (букв. упасть, валиться с ноги), *аяк һузыу* (букв. протянуть ноги), *ayakları dikmek* (букв. зарыть ноги);

ура сине тăр [сĕклен] «окрепнуть материально» (букв. встать на ноги) ~ *аяк басу* (букв. встать на ноги), *аяқ бақыу* (букв. встать на ноги), *ayağı düze basmak* (букв. ногой ступать прямо);

ура хур [ларт] «исподтишка, с умыслом вредить, пакостить; строить каверзы» (букв. подставить ногу) ~ *аяк чалу* (букв. подставить ногу), *аяк салыу* (букв. подставить ногу), *ayağına çelme takmak* (букв. подставить ногу), *ayağının altına karpuz kabuğu koymak* (букв. под (его) ноги класть корку арбуза);

ура тупанĕнчен (тупанĕсенчен) пуçласа пуç тупине ситиех (пуç тупи таран) «целиком, полностью» (букв. начиная со ступней ног до макушки головы) ~ *баштан аяк* (букв. с головы до ног), *баштан аяк* (букв. с головы до ног), *baştan ayağa kadar* (букв. с головы до ног);

чĕлхене кĕскет «заставить замолчать кого-либо» (букв. укоротить язык) ~ *телне кыскарту* (букв. укоротить язык), *телен кыçкартыу* (букв. укоротить язык), *телен тыйыу* (букв. воздержать язык), *dilini kesmek* (букв. отрезать язык);

чĕлхе [чĕлхе-сăвара] чар «поменьше болтать, говорить рассуждать» (букв. придержи язык рот) ~ *телне тью* (букв. придержи язык), *телде тыйыу* (букв. придержи язык), *ağzını toplamak* (букв. собрать / собирать рот);

чĕлхене сăтса ярăн «испытывать вкусовые качества» (букв. язык проглотишь) ~ *телеңне йотарсың* (букв. язык проглотишь), *телде йоторлок* (букв. язык проглотишь), *ağzın tadını bilmek* (букв. знать вкусовые качества рта);

б) Частичные эквиваленты, совпадающие по значению, образности, стилистической направленности, но отличающиеся числом компонентов или порядком слов: *куçран пăх* «заискивать перед кем-либо, стараться угодить» (букв. смотреть в глаза) ~ *күзгә карап калды (тору)* (букв. глаза смотрев остаться (находиться)), *күзгә карап калыу (тороу)* (букв. глаза смотрев остаться (находиться)), *gözünün içine bakmak* (букв. смотреть в глаза);

Таким образом, отметим, что словарь агнонимов в чувашском языкознании еще не составлен, но необходимость его составления на сегодняшний день является актуальной. В него можно включить слова неизвестные носителям данного языка. Лексические единицы для включения в такой словарь должны отбираться на основе анкетирования, мониторинга, опроса населения. Источниками для извлечения агнонимов могут послужить опубликованные и рукописные труды профессора Н. В. Никольского. Составление словаря агнонимов важно для разъяснения этнокультурной лексики, архаизмов, историзмов, профессионализмов и т.д.

Литература

Ашмарин, Н.И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Т. I – XVII. / Н.И. Ашмарин. – Чебоксары: Изд-во народного Комиссариата по Просвещению ЧАССР, 1928-1950.

Введенская, Л. А. Русская лексикография / Л. А. Введенская. – Москва – Ростов-на-Дону : МарТ, 2007. – 347 с.

Морковкин, В. В., Морковкина, А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. – М. : ИРЯ РАН, 1997. – 416 с.

На ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 257, 258, 259, 262, 263 Чувашско-русский словарь.

Никольский, Н. В. Краткий чувашско-русский словарь / Н. В. Никольский. – Казань : Типолитография, 1919. – 336 с.

Рукописный фонд Н.В. Никольского. Путеводитель. (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук). – Чебоксары : ЧГИГН, 2005. – 402 с.

Сомов, В. П. Словарь редких и забытых слов / В. П. Сомов. – М. : Гуманит. изд. центр Владос, 1996. – 764 с.

Ф. ПАВЛОВАН «СУТРА» ХАЙЛАВЕНЧИ ИНВЕКТИВА ФУНКЦИЙЕСЕМ

Ятлашни, пёр-пёрне киревсёр сәмахсем каласа күрентерни япәх пулнине кам әнланмасть-ши. Пурте әнланатпәр, анчах та ятлашу сәмахәсемсёр пурәнма пултараймастьпәр. Ку вәл, пирән шутпа, әмөрхи ыйту кәна та мар, әмөрхи пурнәс чәнләхә. Мәншән тесен ятлашура хәйне еврлә пурнәс саккунә те, илемә те пур. Этем әслә-тәнлә пулин те нумай чухне хәйән кәмәл тата, шухәш-туйәмәссене мала хурать. Ҙав туйәмссене паләртәкан тәп мелсенчен пәри вәл, паллах, сәнарлә сәмахләх, сәмах йышә, пуянләхә. Чәваш сәмахләхә ятлашу сәмахәсемне питех те пуян. Апла пулсан Ҙав пуянләхпа усә кураши вәл хәй пәр пысәк әсталәх. Ҙакна эрир кулленхи пурнәс пуләмәсенче, илемлә литература хайлавәсенчи сәнлавсенче куратпәр. Сәмахран, Ф. Павловән «Сутра» пьесине илер-ха. «Сутра» драмакомеди (автор әна «кулмалли пәр сыпәкля пьеса тенә») чәваш драматургийән малтанхи тәсләхәсенчен пәри. Чәваш драматургийәшән вәл классикалла хайлав. Автор әна темиҘе хут якатса юсанә пулин те персонажсен халәхри пек чәрә пулвә сыхланса юнә. Мәншән чәрә пулвә. Мәншән тесен, тепәр чухне, хайлавән эстетика функцине литература нормине шайлаштарса авторсем персонажсен каласәвне, «якатма» тәрәшши сисәнет. Илемләх саккунәсен пәхәнас пулсан персонажсен пулвене «якатнине» әнланма пулать те пек, анчах та, тепәр енчен, «якатни» пурнәс чәнләхне суйса, улталаса сәнлани пулса тухать. Пурнәс чәнләхәпе илем чәнләхә киләшсе тәманни, шайлашуллах сукки сәнланин ененүләхне чакарать. Ф. Павловән «Сутра» камичә вара малтан пулсаса мән вәсене ситиччене чән пурнәс үкерчәкне Ҙывәх. Ҙакна персонажсен пулвә еҘә-хәлә, вәсен ыраңти каласу уйрәмләхәсем, инвективлә лексика йышә сирәплетәсә. (Филологи әсләләхәнче «инвектива» сәмах хур туни, тапәнни, күрентерни, хәртни, вәрәни, ятлашни әнлава тәр киләт). Мән пулса иртет-ха «Сутра». Ухтерккә старик Сәпани кинне сута панә. Ватә сынна кинне суд туса айәплани мар, сума суни кирлә иккен. Семьере киләшүләх, сурасулах сук. Ку вәл, сиелтен пәхсан, йәла драми. Мәншән тесен драма стожечә тәп сәнарсен хирәстәру шайәнче аталанать. Кирек мәнле хирәстәру та, паллах, сас хәпартмасәр, пәр-пәрне ырламасәр, тепәр чухне ятлашмасәр, намәслантармасәр, сәмахпа хәртмасәр пулса иртмәст пулә. Мәншән тесен хирәстәрәвән, уйрәмах сивәч конфликтлә лару-тәрәвән саккунә, логики Ҙавән пек. Драмәпа куләш вара, тепәр чухне йәкәрен пек юнашарах сурәсә. Тепәр майлә каласан, Ҙавән пек лару-тәрура алогизм вәй илет. («Алогизм» вәл персонажән пулвәне унән еҘә-хәлә сыхәнулла пулманни, киләшсе тәманни, куләш мелә). «Сутра» камитре шәпах Ҙавнашкәл лару-тәрәва сәнлать те Ф.Павлов.

Сута тәсләх шырама пәнә Ухтерккә кәмәл-сипет, этика тәләшәнчен пәхсан хәйне сәпайләрах тытмалла пек ентә. Анчах та характерәпе Ухтерккә ун пек сыр мар. Пәр енчен вәл пулвене юратакан старик. Миравай судьян кирек мәнле сәмахә сумне те реплика хысән реплика хуһса пырать. Ҙав вәхәтрах, тепәр енчен, уйрәмах кинәпе каласә чухне әна мән кәна каласа хәртмәст пулә Ухтерккә. Драмәра усә куракан инвективлә лексика, пәр енчен, вәл е ку персонажа хәклама май паракан кирлә пуләм. Ҙав вәхәтрах каланә сәмах калаканән, калу субъекчән шалти тәнчине, характерне паләртмалли пуләм та. Ҙапакан патак икә вәслә тенә тек, инвективлә лексика кам ячәне е кама каланине кәна мар, калакан субъекта та пырса тивет. Сәмахран, Ухтерккә калакан пур ятлашу сәмахә те Сәпани чун-чәрине витерет-и, кәмәл-туйәмне уләштарать-и. Сук. Мәншән тесен Ухтерккә кинне эмоци тәләшәнчен нейтраллә пәлтерәшлә сәмахсем калать. Ухтерккә ун пек сәмахсене сутра кәна мар, сутчен те калама пултарнә. Нумай хутчен каланә сәмах хәйән инвективлә пәлтерәшине вәйне сыхатать, хуһма сәмах шайәнче сәс юлать. Вулаканшән е сцена сәнче Ухтерккә рольне ылякан каланә инвективлә лексика сәнәләх. Ҙавәнпа та Ухтерккә каланә кирек мәнле ятлашу сәмахә те (кунта эфир унән пулвә тата тәрлә хускану тыткаларәшәссене те шута илетпәр) пилес шухәш-туйәм мар, куләш туйәмә суратать. Акй, 5-мәш курашура суд тәвакан миравай Сәпанине хунашпә сумне тәма хушать.

«Сәпани. Юрать, тәрәм. (Ухтерккә сумне пырса тәрәт. Ухтерккә әна чавсипет тәкет. Сәпани хирәс тәкет.)

Ухтерккә. Ан тәккеле! Мән хәратас тетән-им, шәрчәк!

Далее рассмотрим частичные межъязыковые эквиваленты, составляющиеся весьма значительное количество в сравниваемых нами языках: *ал(ә) ситмәст* «нет времени, возможности заняться кем-либо, сделать что-либо» (букв. рука не доходит) ~ *кул житми* (букв. рука не достает), *кул тими* (букв. рука не задевает), *кул теймәй* (букв. рука не задевает), *кул етмей*, (букв. рука не достает), *eli değmedi* (букв. рука (его) не прикоснулась);

ал(ә) (алла) усса лар «не приступить к какому-нибудь занятию» (букв. сидеть опустив руки) ~ *кул кушырыш утыру* (букв. сидеть сложа руки), *кул каушырыш ултырыу* (букв. сидеть сложа руки), *el el üstünde oturmak* (букв. сидеть сложив руку на руку);

алла ил «принимать на себя руководство, управление чем-либо» (букв. взять в руки) ~ *кулга алу* (букв. взять в руки), *кулга алыу* (букв. взять в руки), *eline düsmek* (букв. упасть в руки);

алли ылтән «мастер своего дела; очень искусный в своем деле» (букв. золотые руки) ~ *алтын куллы* (букв. золотые руки), *алтын куллы* (букв. золотые руки), *eli altın kesiyor* (букв. (его) рука золото режет);

икә алла кәсьене чиксе сүре «вести праздный образ жизни» (букв. ходить засунув обе руки в карманы) ~ *ике кулны кесәгә тыгыш йөрү* (букв. ходить засунув обе руки в карманы), *кул кәсә тыгыш йөрү* (букв. ходить засунув обе руки в карманы), *eli boş* (букв. алли пушә), *ellini kolunu sallaya sallaya gezmek* (букв. ходить помахивая своей рукой);

куса ылыт «игриво, кокетливо поглядывать на кого-либо» (букв. играть глазами) ~ *куз уйнату* (букв. играть глазами), *кузенан ут уйнату (чәчү)* (букв. в глазах огонь играть (мечет)), *куз уйнату* (букв. играть глазами), *gözkaş oynatmak* (букв. глазной бровью играть);

кусран ан вәсерт «держат под пристальным наблюдением» (букв. не упускать из глаз) ~ *куз дә алмау* (букв. не упускать с глаз), *кузә алмау* (досл. не упускать с глаз), *кузән осормау* (букв. не упускать с глаз), *gözü arkada olmak* (букв. глаза быть за спиной), *gözden uzak tutmamak* (букв. не держать вдали от глаз), *göz kulak olmak* (досл. глаза быть ушами);

кус хуралат «испытывать слабость, усталость, обморочное состояние» (букв. в глазах чернеет) ~ *куз бәйләнү* (букв. глаза заплетаться), *куз бәйләнү* (букв. глаза заплетаться), *куз тоноу* (досл. в глазах темнеть), *куз алды каранҗылану* (букв. темнеть перед глазами), *gözleri buğulanmak* (букв. глаза затуманиться), *göz bulanmak* (букв. глаза помутнеться);

куса [кусна] усса сүре «быть осторожным в своих поступках» (букв. ходить с открытыми / раскрытыми глазами) ~ *куз ачыш йөрү* (букв. ходить с открытыми / раскрытыми глазами), *кузә ашыш йөрү* (досл. ходить с открытыми / раскрытыми глазами), *göz görmek, (kendi) gözünü açmak* (букв. свои глаза открыть / раскрыть), *gözünü dört açmak* (букв. открыть / раскрыть глаза в четыре);

кус үкрә «случайно взглянул на кого-что» (букв. попасть в глаз) ~ *куз тию* (букв. попасть в глаз), *куз тидерү* (букв. попасть в глаз), *куз тейзереү* (букв. попасть в глаз), *nazar değmek* (от араб., тур. *bakış* «взгляд, смотреть, бросить взгляд, букв. взгляд клеиться»), *(nazara gelmek)* (букв. взгляд прийти);

пуса кил [кәр] «возникать, проявляться в сознании кого-л.» (букв. прийти в голову) ~ *башка керү* (букв. входить в голову), *башқа килеү* (букв. прийти в голову), *akla gelmek* (букв. приходить в разум), *aklına geleni yapmak* (букв. делать то, что приходит на ум);

пус пәтавка [чүлмек] пек «испытывать усталость» (досл. голова как пудовка [горшок]) ~ *баш чуйен кебек* (букв. голова как чугу́н), *башым тубал кебек булды*

ЧАСТИЧНЫЙ ПЕРЕВОД СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ЧУВАШСКОГО, ТАТАРСКОГО, БАШКИРСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Частичные межъязыковые эквиваленты – фразеологизмы, имеющие одинаковое семантико-стилистическое значение. В них компоненты совпадают по значению и принадлежат к одной лексико-семантической группе, но имеют некоторые различия компонентного состава в количественном или качественном отношении (дополнительные компоненты, различающиеся либо по грамматической форме, либо по семантическому наполнению). Фразеологизмы частичного перевода исследованы А.В.Куниным [1967, 9], Е.Ф.Арсентьевой [1983, 97], И.И.Ибрагимовой [1993, 33-37]. При рассмотрении частичных фразеологических эквивалентов типологически следуем за А.В.Куниным и выделяем две группы:

а) Чувашские, татарские, башкирские, турецкие фразеологизмы, совпадающие по значению, стилистической направленности и близкие по образности (грамматическая структура может как совпадать, так и не совпадать), но несколько расходящиеся по лексическому составу.

Значение «безгранично счастливым, глубоко удовлетворенным (быть, чувствовать себя)» в чувашском языке передается фразеологизмом *пуç / пуçĕ маччана перĕнет* (букв. голова касается / коснется потолка), в татарском – *баш куккә тейсү* (букв. головой коснуться / касаться неба), в башкирском – *баш куккә тейсү* (букв. головой коснуться неба), в турецком – *başı göğe değmek* (букв. головой касаться неба). В фразеологизмах глагол имеет одинаковое значение «касаться чего-либо», но в чувашском языке глагол употребляется в форме 3-го лица настоящего времени, в кыпчакских в виде отглагольного имени действия, а в турецком использована инфинитивная форма. Кроме того, в чувашском языке голова касается не неба (*пĕлĕт*), а потолка (*мачча*). Фразеологизмы считаются глагольными частичными эквивалентами;

аллуа пар та, уруа ут «даешь руками, берешь ногами» (букв. рукой давай, ногой ходи) ~ *кулың белән бир, аягың белән эзлә* (букв. рукой давай, ногой ищи), *кулың менән бир, аягың менән эзлә* (букв. рукой давай, ногой ищи), *elinle ver, ayağında ara* (букв. рукой давай, ногой ищи) имеют общее значение «даешь руками, берешь ногами». Они являются глагольными частичными эквивалентами, но различаются компонентами (встречаются разные глаголы): чув. *ут* «шагать», тат. *эзлә* «искать», башк. *эзлә* «искать», тур. *ara* «искать». Кроме того, в чувашском языке используется дополнительная частица *та* «да», «и».

Значение «добиваться достигать полного взаимопонимания» в чувашском передается *пĕр чĕлхе туп* (букв. найти общий язык) ~ *уртак тел табу* (букв. найти общий язык), *уртак тел табуу* (букв. найти общий язык), *ortak bir dile varmak, ortak bir dil bulmak* (букв. находить общий язык). Однако, они различаются компонентом *пĕр* «один» в чувашском языке, вместо которого в татарском употребляется *уртак* букв. «средний», перен. «компромиссный», «промежуточный», в башкирском – *уртак* «средний», турецком – *ortak* «средний». Глагольные частичные эквиваленты расходятся по лексическому составу.

К частичным эквивалентам можно отнести: *куç хыçĕнче / сурăм хыçĕнче* «за глаза / за спиной кого-л. (говорить что-л.)» (букв. позади глаз / позади спины); ~ *куз артында* (букв. позади глаз), *куз артында* (букв. позади глаз), *göz ardında* (букв. позади глаз), *arkasından söylemek* (букв. говорить из-за спиной) принадлежащие к одному лексико-грамматическому классу именных фразеологизмов в чувашском, татарском, башкирском языках выраженных именем существительным *куç* ~ *куз* ~ *куз* «глаз(а)» и послелогом *хыçĕнче* ~ *артында* «за». В чувашском *сурăм* = тур. *arka* «спина». Здесь дифференцирующим компонентом является турецкое *söylemek* «говорить».

Сăпани. Аста эп текĕрĕм. Эсĕ ху мана малтан текĕрĕн!»

Пьесăри тĕп персонажсем пĕр-пĕринпе ача-пăчалла хирĕçтăрăва кĕнĕ самантра Ухтеркке кинне хăртса «шăрчăк» теке сăмах калани кулăш суратакан меле куçать. Мĕншĕн тесен «шăрчăк» сăмах хирĕçтăруллă, тавлашуллă пушлăвĕ танлаштаруллă, хаклавлă, нумай пĕлтерĕшлĕ ăнлав. «Шăрчăк» хурт-кăшпанкă кăна мар, вăл «кутăн сын», час силенсе каякан сын, «шăрчах сын», шăрчахĕ вара пĕр тавлашма пуçласан чĕрре кĕрекен сынна пĕлтерет. Халăх сăмахлăхĕн сăвă-юрă поэтикинче шăрчăк ăнлавпа хĕрсене танлаштарни тăтăш тĕл пулат. Ак хайхи, Ухтеркке кинне кўрентерс тесе каланă ятлаçу сăмахĕ кулăша çаврăнса та тухрĕ.

Сăпани те хунешпĕне темĕн те пĕр каласа питлессинчен ўксе юлакан хĕрарăм мар. Ухтеркке кинĕн сăмахĕсене евĕрлесе каланă тăрăх Сăпани хунешпĕне акă мĕнле сăмахсем калать:

«Ухтеркке. Чим-ха, хăспатин миравай, каласа пĕгерем... Сăкăра алран туртса илчĕ те ятлаçма пуçларĕ: – Ы-ы, эсрemet пырĕ! Çиессине те сын пек çиме пĕлместĕн, лапа пек хыпатăн! – тет. – Сан тĕпсĕр катка хырăмна çăкăр ма-ар, салат пăтти чыхса тултарасчĕ!» – тет».

Тепрехинче, кукăль пирки вăрçса кайсан: «...Сăха-анн! Кукăль тата сана-а, сана мулча чулĕччĕ-ĕ!» тесе кăшкăрса пăрахать. Сăпани каланине Ухтеркке тепĕр хут евĕрлесе калани иккĕшĕн хушшинчи хĕрĕçтăру чăнласах та хĕрсе, çивĕçленсе çитнине сирĕшетесĕ. Сăпани хунешпĕне мĕн кăна каласа ятлаçмасть иккен. Сăпанишĕн хунешпĕ чăваш мифологин усал вайĕ те («эсрemet пырĕ»), тăранма пĕлмен тискер вĕсен кайăк та («сăхан»). Апат çинине выльăх хырăмĕпе, тĕпсĕр каткапа пысăклатса танлаштарать. Драма сюжетĕ аталанса пынă май Ухтеркке килĕнче пулса иртнĕ çĕнĕрен те çĕнĕ еç-пулăмсем сĕле тухасĕ. Çавна пула пĕр-пĕрне ятлаçу сăмахĕсемпе хакласи те ўсĕмленсе пырать. Ухтерккене Сăпани хирĕçтăрăвĕ пĕр-пĕрне кўрентерсе тавлашмалли ăмăртăва куçать. Пĕри те пĕри вирлĕрех каласа сĕле тухма тăрăшасĕ. Хăшĕ хăшне çĕнтерет. Драмакомеди жанре, апла пулсан, персонажсем пĕр-пĕрне мĕнлерех сăмахсем каласа ятлаçни те хайне евĕрлĕ пăнăласа, илем кўрсе тăрать. Енчен те те Ф. Павлов персонажсене пĕрре те ятлаçтарман пулсан йăла драми хайĕн драмакомеди хавхине нумай енчен хавшатнă пулĕччĕ. Ухтеркке суда хўтлĕх, тĕрĕслĕх шырама пыни пьеса фабулине аталантарма пулăшакан сăлтăвсенчен пĕри. Ухтеркке Сăпанипе килте вăрçанса ларни çембери хирĕçтăру пулса йăла драми те пулма пултарать. Халĕ вĕсем сутра, халăх умне тухса вăрçăшни, пĕр-пĕрне ятлаçу сăмахĕсем каласа кўрентерме тăрăшни кулăша çаврăнать. Пьесăна вулакан е спектакль пăхакан сыншăн суд процесĕ Мĕнпе вĕçленни те, харкашу та мар, персонажсен пушлăв ăсталăхĕ илĕртүүлĕ. Ку енĕпе уйрăмах Ухтеркке ытисенчен уйрăларах тăрать. Ытти персонажсем калакан кирек мĕнле сăмах сўмне те Ухтеркке реплика каламасăр е ăнлантарса памасăр ирттермест. Шăпах çавăн пек самансенче вăл хайĕн кăмăл-туйăмне, эмоцине сĕле кăларать. Эмоцине ятлаçу сăмахĕсемпе сирĕшетни унăн пурнăç драматизмне тĕрĕслет. Енчен те драматург Ухтерккене ятлаçу сăмахĕсемпе калаçтарман пулсан, «шăрчăк», «суя сăмхи», «шукăль» т.ыт. сăмахсене кăларса пăрахсан камит тексчĕ чылай чухăнланнă пулĕччĕ.

Суд пуçламăшĕнчех Ухтеркке кинне ним сўкранах «шăрчăк» тесе хакланă хыçсăн унран çавăн евĕрлĕ инвективăсем кĕтме пуçлатпăр. Кĕтни чăнласах та тўр килсе пырать. Ухтеркке кинне кăна мар, хайне те ятлама именсе тăмасть. Миравай Ухтерккене калаçма чарăнма хушнă хыçсăн вьрăсла сăмаха чăвашлатса «не расковору...» тесе хушса хурать. Хай миравай пек вьрăсла тĕрĕс калаçманнине пĕлсе куракансем енне çаврăнса çавăн пек ремарка калать: «Йытă сĕшпĕ чĕлхи, нимĕнле те çавăрса калмасть. Калмакла каланă псех туйăнать». Ухтеркке хайĕнпе тава кĕнĕ кинне кăна мар, хайне те хурлама пултарни вăл ятлаçу сăмахĕсене чылай чухне айăплас, сăмахпа путарса лартас тĕллеспе мар, шухăша аталантарас, пуянлатас тĕллевпе каланăн туйăнать. Мĕншĕн тесен Ухтеркке каланă сăмахсем эмоци, шухăш-кăмăл тĕлĕшĕнчен ытларах чухне нейтраллă лексика шутне кĕресĕ. Палăртăмăр ĕнтĕ, вăл сутра калакан «шăрчăк», «суя сăмхи», «кăттăшнă пуçĕ», «сăрлă пыр», «шукăль» ятлаçу-хаклав сăмахĕсем çав вăхăтрах кулăш функцине те йĕркелеме май параçĕ.

Сăпани пулевĕнчи ятлаçу сăмахĕсем, Ухтерккене танлаштарсан, чылай çивĕчрех. Сăпани сутра хăне йĕркелĕрех тытма тăрăшни сисĕнет, анчах та кĕретлĕ хирĕçтăрура вăл хунешпĕне чунтанах курайманни вай илсе пыать. Унăн хаярлăхĕ ахаль ятлаçуран ылхан хавхинех çаврăнать. Сăпани сутра темиçе хучен «ма суйтăн, вилменĕ», «ма

суятан, пётескер!, «ы-ы, кўпменнёскер, сәмакунккә карланки» тесе ятлат. Ухтеркке кинён ятлашу сәмахёсене еврлесе калани вара эмоцие интонаци тёлёшёнчи уйрамах чуна ыраттармалла янәрашсё: «Сәхан!», «сулланчәк», «уссәр кёлетке», «упәте хәраххи», «намәссәр», «ватә сәрнай», «Эсремет пырё». Сәпани пушлөвё эмоци енчен пәхсан чылай хаяр.

Ф. Павловән «сутра» драмакомединчи хәш-пёр инвективәсене пәхса тухни сәкән пек пётмёлөгүсем тума май парать.

1. Персонажсем инвектива лексикипе усә курни хайлавән драмәпа куләш хавхине йёркелеме тата хайлав жанрне тёрсрех паләртма пуләшпәть. «Сутра» пьеса автор «камит» тесе паләртнә пек кәна мар иккен. Ун никёсёнче драмәпа куләш паллисем те пур. Савәнпа та «Сутра» хайлава жанр тёлёшёнчен драмакомеди тесе калани тёрсрех.

2. Ухтерккене Сәпани инвектива лексикипе усә курса хәйсен сөмьери, йәлари вырәнне сирёшлетме тәрәшәсё. Ятлашу сәмахё вёсемшён тапәну, сав вәхәтрах хүтөлөв пёлтерёшлө те. Психологи тёлёшёнчен ятлашу сәмахё калакан субъект сәнарне курәмлә тавать, әна сөнтерүсё пек кәтаргать.

3. Инвектива лексикиси яланах адреслә: Ухтеркке Сәпание, Сәпани Ухтерккене, Катәк Сәвар Ухтерккене каласё. Ятран каланә ятлашу сәмахё хирёстәрури самантра оппонентән социаллә статусне пёчөклөтсе кәтаргассине, куләшларах сәнлассине е вәл пурнәсра нима тәманнине мала хурать.

4. Хайлаври инвектива лексикиси сәнарсен хирёстәрәвөнчи эмоцие интонацие пула вёсен шухәш-кәмәлне пур енлө тулли паләртма пуләшпәть. Ухтерккен инвективлә лексикиси эфемизмлә, кәләшпа шүте туртәмлә пулсан, Сәпани пулөвё хавха тёлёшёнчен усал, хаяр, ылхана сывәх.

5. Хайлавән фабула тытәмөнче инвектива лексикин йышө үссе пыни сәнар-характерсене курәмләрах тавать, вәл е ку сәнар мёнлерех сын пулнине хаклама май парать.

6. Ятлашу сәмахё, лексика пёлтерёшне кура, хирёстәрури сәнарсен илемлөх чәнләхне чөрлөх күрет, вәй парать, пуянлатать, нацилле хәй еврлөх күрет.

Харкашни, вәрсәшни, ятласни киревсёр пуләм. Мёншён тесен кирек мёнле киревсёр сәмах та хирёсле хаярләх сүатать. Анчах та сын пурнәсё, этемлөх, савән пекех драма үнерө те пёр инвективәсәр пулма пултараймасть пулө. пурнәс чәнләхне илемлө чәнләх формине тата сәнарләх мелёсемпе сәнлани сәмах үнерне чөрө вәй парса тәрәть. Сәк енчен илсен Ф. Павлов сыриә «Сутра» драмакомеди чәнласах классикәллә хайлав. Унти сәнарсен пушлөвё кулгарать те, кулянтгарать те, сыннән сөмьери, йәлари пушлөв тыткаларәшө пирки шухәшлама хистет.

Комплименты должны быть произнесены искренне, соответствовать истине и ситуации.

15. Во время устного общения собеседник не только слышит, но и видит, т.е. он воспринимает и невербальные (бессловесные) сигналы. Поэтому нельзя забывать не только о тембре голоса, темпе и интонации речи, но и о поведении (жестах, мимике, телодвижениях) во время речи.

В татарском народе считается неэтичным и неприличным разговаривать громко, смеяться, широко раскрыв рот. Это особенно касается женщин. Скромная, размеренная, соответствующая правилам приличия речь, скромная, искренняя улыбка, умение промолчать в необходимых случаях – требования татарского речевого этикета. До совершенно недавних времен у татар-мишар бытовал обычай, называемый «тел яшерү» (букв. «прятать язык»): невеста не разговаривала со своим свекром (иногда и со старшим братом мужа), т.е. прятала свой голос, считая это неэтичным, неприличным.

Правила для слушающего:

1. Стараться придерживаться роли слушающего.

В народе бытует пословица: «Кеше сүзен тыңлау сөйли белүдән яхшырак» («Умение слушать лучше умения говорить»).

2. Проявлять к собеседнику максимум внимания, уважения, любезности, снисхождения, выслушивать его мнение до конца. «Сүз сөйләргә яратсаң, кешене дә тыңлый бел» («Если любишь говорить, умей и других слушать»).

3. Не перебивать говорящего, не путать его мысли, не встречать репликами, не превращать слушание в говорение.

4. Выслушивать говорящего. Жестами, взглядом, мимикой выражать заинтересованность в словах.

5. Вовремя оценить речь собеседника, согласившись с доводами или нет, ответить на поставленные вопросы.

6. Неэтично отвечать на вопрос, заданный не вам, а другим, встречать в чужой разговор.

7. Подслушивание и встречаение младших детей в разговор взрослых без их разрешения считается нарушением правил этикета.

О культуре человека судят и по тому, как тот разговаривает. Будем надеяться, что правила, изложенные нами выше, послужат достижению максимальной эффективности в общении – правильно строить диалог. Ведь владение искусством говорить и слушать – это счастье.

Литература

1. Абдуллина Р.С. Стилистика һәм сөйләм культурасы мәсьәләләре. – Яр Чаллы, 1997.
2. Әхәтов Г.Х. Татар теленең фразеологик әйтелмәләр сүзлеге. – Казан, 1982.
3. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. – М.: "АСТ-ПРЕСС", 2001.
4. Гусев И.В. Современная энциклопедия. Этикет. – Минск, 1999.
5. Дейл Карнеги. Твоя книга. – Днепропетровск. 1995.
6. Формановская Н.И. Речевого этикет. – М.: МГУ, 1973.
7. Низамов. И.М. И туган тел... – Казан, "Мәгариф", 1998.
8. СССР Фәннәр Академиясенең Казан филиалы. Г.И. исемендәге тел, әдәбият һәм тарих институты. Татар халык ижаты. Мәкальләр һәм әйтемнәр. – Казан, ТКН, 1987.
9. СССР Фәннәр Академиясенең Казан филиалы. Г.И. исемендәге тел, әдәбият һәм тарих институты. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. – Казан, ТКН, 1979.
10. Хаков. В.Х. Татар әдәби теле (стилистика). – Казан, ТКН, 1999.

Данная мысль представлена в народе следующими пословицами и поговорками: «Уйнап сөйләсән дә, уйлап сөйлә» (букв. «Даже шутя, говори, обдумав»), «Тыныч күлгә таш атма, тиешсез жиргә сүз катма» (букв. «В тихое озеро не кидай камень, на непотребное место – слово»).

6. Необходимо соблюдать логическую структуру речи, следить за тем, чтобы вывод не противоречил посылке, а следствия вытекали из причины.

Это особенно важно для тех, кто выступает перед слушателями в аудиториях и т.д. В пословицах говорится: «Сүзең булсын аңларлык, өзелсә дә ялгарлык» (букв. «Речь, чтоб была понятной, если даже оборвется – связуемой»), «Йөри белмәгән юл бозар, сөйли белмәгән сүз бозар» («Неумеющий ходить портит дорогу, а неумеющий говорить – слово»), «Сүз хәйләсен белмәгән үзенә сүз китерә» (букв. «Не владеющий хитростью слова становится объектом осуждения») и т.д.

7. Необходимо опасаться лжи.

Информация должна соответствовать истине. Между собеседниками должны устанавливаться доверительные, уважительные отношения.

Свое отношение ко лжи народ выразил в многочисленных пословицах и поговорках, таких как: «Ялган белән яла бер арбада йөриләр» («Ложь и кляуза в одной телеге сидят»), «Ялган белән дөнья гизәрсен, кире кайта алмассын» («С ложью мир пройдешь, но вернуться не сможешь»), «Ялган көлеп килер, жылап китер» («Ложь придет с улыбкой, уйдет со слезами»), «Ялган оят китерер, дөреслек куят китерер» («Ложь принесет стыд, а правда – силу»), «Туры сүз – телнең бизәге» («Правдивое слово – украшение (цвет) языка (речи)»).

8. Говорящий должен избегать сплетен, которые противоречат нормам этикета речи.

В толковом словаре татарского языка дается следующее определение понятию «сплетня»: «Сплетня – 1) сообщение, основанное на вымысле или слухе; 2) выставление недостатка кого-либо ему в вину».

Татарский народ, считая сплетни грехом, выразил свое отрицательное отношение к сплетням в своих пословицах и поговорках: «Гайбәтнең урыны чүплек башында» («Место сплетни – на свалке»), «Гайбәт дөнья болгатыр» («Сплетня мир расшатает (ослабит)»), «Гайбәт күмер кебек, көйдермәсә дә буйый» («Сплетня как уголь, если не обжигает, то марает») и т.д.

9. Навет, наветничество в татарском речевом этикете являются также запрещенными приемами, которых должен опасаться говорящий.

«Навет – клевета, ложное обвинение» [С.И. Ожегов и Н.Ю.Шведова: 2002, 376].

«Навет – 1) скрытое слово, сообщение, донос, доведенные до властей о ком-либо, обвинив его, часто оклеветав» [СССР Ф.А. Казан филиалы: 1976, 125].

Об этом народ говорит так: «Әләк кеше үтерер» («Навет человека убивает»), «Гайбәтчегә бер таяк, әләкчегә биш таяк» («Сплетнику – одна палка, наветчику – пять»), «Ил гаебен сиңа сөйләгән сиңең гаебенең илгә сөйләр» («Кто о вине мира рассказывает тебе, твою вину расскажет миру»), «Әләк төбә – һәлак» («Дно навета – погибель») и т.д.

10. Проклятия недопустимы в речи говорящего, независимо от его эмоционального, психологического состояния.

Проклятие – 1) очень злобное, мстительное желание, проклинание; 2) крайнее и бесповоротное осуждение; 3) бранное слово, выражение негодования; 4) крайнее раздражение, досада [С.И.Ожегов и Н.Ю.Шведова: 2002, 613].

Само содержание понятия говорит о том, что тут нет места для вежливых, уважительных отношений между собеседниками, чего требует речевой этикет. Поэтому народная мудрость гласит: «Каргышыңа – каргышым» («В ответ проклятию – проклятие»), «Каргыш каргыш тудыра» («Проклятие порождает проклятие»), «Каргыш уртақ була» («Проклятие бывает взаимным») и т.д.

11. Чтобы речь была эффективной, живой, говорящий должен обладать чувством юмора.

Татарский народ об этом так говорит: «Көлке сүз сөйләшү – ашка тоз салу кебек» («Юмор в речи – как соль в супе») и т.д.

12. Речевые средства, употребляемые в беседе, должны соответствовать стилистической тональности общения, нормам литературного языка.

Выражение «Принимал пищу в пункте питания» вместо выражения «Поел в столовой» звучало бы смешно.

13. Учитывать, что возможность концентрации внимания у слушающего ограничена.

Длительность устного сообщения без паузы должна составлять от 45 секунд до 1,5 минут [Рипол Классик: 2003, 167].

14. Compliments, высказанные в адрес собеседника по поводу его внешнего вида, одежды, личностных качеств, детей, мужа (жены) и т.д. приводят к положительным результатам в общении.

ОТРАЖЕНИЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СЛОВАРЕ Н.И. АШМАРИНА

Большую роль в развитии чувашской хореографии играет знание фольклорного творчества народа, изучение и понимание того, что им создано в прошлом. Сказать, что материальная и духовная культура «в краю ста тысяч слов, ста тысяч песен и ста тысяч вышивок» изучена слабо, ныне, безусловно, уже никак нельзя. Но все же обделенными вниманием исследователей оказались проблемы народной хореографии. И поныне в самой Чувашии и в местах компактного расселения чувашей в других областях и республиках при обучении народного танца используются лишь общепринятые классические термины французско-русской школы танца, которые не учитывают народно-хореографического колорита чувашей. Народные чувашские *таш* «танец-пляска» передавались от поколения к поколению, от пожилых молодым. Естественно, при объяснении танцевальных движений чуваша пользовались определенными терминами. Следовательно, в чувашском языке существует пласт лексики, относящийся именно к танцу.

Что же заключено в терминах танца? Танцевальная, или хореографическая, терминология в основном объединяет родственные, принадлежащие к одной отрасли, термины и является стройной понятийной системой. Кроме слов и выражений, непосредственно связанных с определенной профессиональной сферой деятельности человека, система дополнительно включает и названия, отражающие разные стороны народной культуры и быта. В данном случае мы рассматриваем народную терминологию, складывавшуюся на протяжении длительного времени, менявшуюся под влиянием обновляющихся условий труда и быта, социально-культурных преобразований. Танцевальная терминология помогает лучше понять образы танца и эстетическое мышление народа, создавшего пластические рассказы об окружающей природе, о своей истории, жизни и быте. Названия танцевальных движений подчеркивают подражательный и игровой характер танца. Значительное количество терминов и выражений отображают эмоциональность, динамику, темп танца.

Основным кладезем сведений о чувашских народных танцах являются труды выдающегося исследователя чувашского языка, члена корреспондента АН СССР Н.И.Ашмарина. Его «Словарь чувашского языка», ставший общим достоянием чувашского народа, является филологическим и этнографическим справочником, помогает проникнуть во многие тайны духовной жизни чувашей, в частности, танцевального искусства.

Рассмотрим некоторые термины и выражения из Словаря Н.И.Ашмарина, имеющие отношение к хореографии. В семнадцатитомном Словаре Н.И.Ашмарина в первом значении чувашское *таш*, *таш* объясняется как «пляска» [1:ХІІІ, 252]: «*Две женщины выступают на середину избы, и начинается чувашская пляска (выделено мной – В.М.), не лишенная своеобразной грации и состоящая в том, что пляшущая тихо движется в бок по полу, вставая попеременно на пятки и на носки ступней и в то же время производя руками различные движения и описывая круги в воздухе перед грудью. Потом пляшут мужчины*» [там же, 253].

Как факт обращения взрослых к детям дается в Словаре Н.И.Ашмарина выражение *титтит ту!* «пляши» [1:ХІV, 82]. Это образец своеобразной танцевальной терминологии, который необходим для воспитания ребенка в духе национальных традиций, привития ему культуры танца.

Танцор или танцовщица обозначаются, как правило, словом «*таш йсти*», ловкий плясун(-ня), танцовщик(-ица)» [1:ХІІІ, 252], а у средненизовых и низовых чувашей дополнительно встречается *паччи*.

В Словаре Н.И. Ашмарина приводятся следующие элементы хореографической лексики:

«*Тан* – плясать с притоптыванием. *Танарах та сикерех, уратине хуҗарах; епир тепёре киличчен, сёң(ё) урата хурайёс*» [там же, 188]. Термин используется во время пляски с частушками. Танцоры, напевая частушечные куплеты, исполняют притопы одной ногой на сильную долю такта.

«*Ташлат* побудить плясать, вызвав соответствующее настроение. *Ах, аван та ташлаҗсё! Ах аван та ташлаҗсё! Ах, как хорошо пляшут... Хәна хёрёсене ташлатас-ха*» [там же, 252].

«*Тәпәртәк* – подр. галопу; подр. ритмичному топанию ногами; *тәпәртәк*, то же, что *тәпәртәк*» [1:ХІV, 286,287]; Ср.: «Галоп (франц. *gallop*, от франкск. *wahlhlaup* – кельтская рысь, *wala-hlaupan* – хорошо бежать), бальный танец» [2:137].

Термин используется в частушечных припевках во время музыкальных проигрышей. Он является сигналом для танцоров и танцовщиков начать стремительными, скачкообразными, синкопированными, акцентированными, дробными движениями соло-пляс, чтобы показать «себя» в танце. При этом, танцующие создают своеобразную атмосферу праздничного веселья или гулянья.

«**Тәһәрмат** – топтать, стучать ногами, притаптывать» (там же). Движение, исполняемое танцующими во время пляски поочередными стуками ног. Его исполняют и сидя.

«**Тәһәр-менәр** – подр. неодинаковому топанию ног; побегали и смолкли» [1:XV, 72]. Это слово характеризует постепенное угасание или усиление силы звука, издаваемого с помощью ног, во время исполнения танцевальных движений.

«**Тәһәр** – подр. удару о пол или о землю; подр. шумной пляске с припрыгиванием» [1:XIV, 314]. Это слово используется во многих танцевальных песнях. Оно обозначает элементы танцевальных движений, похожих на движения животных. Движение исполняется в шутиливой манере и является подражанием какому-нибудь персонажу: козе, «русской барыне» и т.п.

«**Тәһәр** – подр. топоту ногами» [1:XIII, 198]. Движение исполняется напевом песенных строк. Характеризует силу ударов ногами во время пляски и свидетельствует о необходимости для танца определенной сноровки.

«**Тәһәрмет** – шуметь, топтать ногами, производить шум и стук беготней, пляской» [1:XV, 72]. Термин подчеркивает мужской характер исполнения движения во время обрядового действия и пляски. Например, исполняется юношами во время обряда *сурәх ури*.

«**Тәһәр-тәһәр-тәһәрмәк** – подр. топанию многих ног при пляске» [1:XIV, 286]. Термин используется в песнях и подчеркивает ритмические свойства танцевального движения во время свадебных обрядов.

«**Тәһәр** – подр. частому топанию, стуку; **тәһәр** – подр. топоту ног» (там же). Термины используются в песнях и частушках, где подчеркивается характер исполнения танцевального движения во время пляски; о просьбе приобретения предметов для исполнения танцевальных движений во время обряда «Сэрень».

«**Тәһәр** – подр. топанию ног, стуку шагов» [1:XV, 71-72]. Множество танцевальных песен связано с этим словом. Термин подчеркивает характер исполнения движений: ритмичных ударов на музыкальных инструментах (барабанах), в загадках с определением значимости процессов и характеристикой ходов в свадебных обрядах.

«**Тәһәр-тәһәр** – подр. топанию ногами, когда сильный короткий стук чередуется со слабым» [там же, 73]. Это – танцевальное движение, исполняемое перед началом танца.

«**Тәһәрмет** – с шумом [двигаться]. *Ачасем нурте тәһәрметсе ташлаң*» [там же, 71]. Ашмарин приводит данное слово, сравнивая мужские танцевальные движения с природным явлением.

«**Тәһәртин** – подр. энергичному постукиванию ногами» [1:XIV, 315]. Термин, обозначающий удары с одной ноги на сильную долю такта мелодии и поочередными ударами с двумя ногами на каждую четвертную длительность. Ритмичные удары ногой исполняют музыканты во время танца, отображая характер плясовой музыки или поддерживая развеселое настроение танцующих.

«**Тәһәр** – дробь» [там же, 308]. Дробь или дробь – ритмически четкие, отрывистые, короткие и легкие удары каблуком, носком или всей стопой ноги о пол. Они могут исполняться в медленном, умеренном и быстром темпе. Дробь очень разнообразна и многие из них сложны в исполнении. Распространенность элементов дробных движений отмечены во всех этнических группах чувашей.

«**Тәһәр** – подр. прыжкам воробья. **Тәһәр-толт** – подр. подпрыгивающей неровной походке» [там же, 261]. Термин, применяемый в танцах с пластическими элементами повадки птиц, т.е. с прыжковыми движениями танцующих.

«**Тәһәр** – подр. скользящему движению ног при пляске. *Ташлань чохне орасёне тәһәр-тәһәр тутарса ташлаң*» [там же, 253]. Термин обозначает равномерную поочередную смену ног всей ступней на каждую четвертную длительность.

«**Тәһәр-тәһәр** – подр. неравномерному скользящему движению ног» (там же). Термин, обозначающий ритмические свойства шагов.

В «Словаре чувашского языка» Н.И.Ашмарина можно найти также **мотивы пространственных рисунков, пространственно-композиционные построения танцующих и мотивы различных походок, как хореографический компонент лексики.**

Уважаемый лесикограф указывает на манеры движений или ходов, как театрально-художественные приемы, используемые в постановках. Например, *«различные походки: таплаттарса, йәркаса, йәрәнса*

ТАТАРСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

В татарском языкознании этикет речи, как одно из направлений культуры речи, остается одним из самых малоизученных. В связи с этим предлагается вниманию читателей данная статья: «Тезисы разработки основных принципов татарской речи».

«Речевой этикет понимается как система языковых знаков и правил их употребления, принятых в данном обществе в данное время с целью установления речевого контакта между собеседниками и поддержания общения в эмоционально положительной тональности в соответствии с речевой ситуацией» [Балакай, 2001, 3].

Речевой этикет – универсальное языковое явление, присущее всем народам мира. Вместе с тем каждый язык обладает своим запасом слов, выражений (тезаурусом) и правилами их употребления, отражающими национальную специфику речевого вежливости.

Для достижения максимальной эффективности общения очень важно уметь правильно строить диалог. Для этого нами разработаны правила для говорящего и слушающего, с учетом национальной специфики татарской речи, что является актуальной проблемой сегодняшнего дня.

Правила для говорящего

1. Вежливое и уважительное отношение к собеседнику

Беседа должна вестись в доброжелательной обстановке. Запрещается использовать выражения, причиняющие адресату моральный ущерб, обиду, оскорбление, высказывать пренебрежение. Избегать прямых негативных оценок личности собеседника. По этому поводу татарские пословицы и поговорки гласят: «Колактан кергән сүз йөрәккә барып боз була» (букв. «Входившее в ухо холодное слово в сердце в лед превращается»), «Каты сүзгә тал сына, йомшак сүзгә таш эри» (букв. «От грубого слова ива ломается, от ласкового слова камень плавится»), «Яхшыны ишетәсең килсә, яманны сөйләмә» (букв. «Если хочешь услышать хорошее слово, то не говори плохое»), «Яман сүз уттан каты пешерер» (букв. «Грубое слово обжигает сильнее огня») и т.д.

2. Проявлять вежливость, учитывая пол, возраст, служебное или общественное положение адресата, характер ваших взаимоотношений, ситуацию.

Выражение «привет, как дела?», которое можно использовать при приветствии близкого друга, младшего или равного в непринужденной обстановке, не подойдет при приветствии малознакомого, старшего по возрасту, должности, в официальной обстановке. Излишняя категоричность при общении так же не соответствует требованиям этикета татарской речи. Требование (пусть даже к подчиненному) следует выразить в форме просьбы. Отказ в выполнении просьбы должен сопровождаться извинениями и объяснением причины отказа. Уместное использование выражений приветствия, благодарности, извинения, поздравления, комплиментов, одобрения, соболезнования и др. в речи приводит к ожидаемым результатам. В татарском народе живут пословицы: «Сүзнен яхшысы балдан татлы» (букв. «Хорошее слово слаще меда»), «Татлы сүз язгы көн кебек рәхәт» (букв. «Доброе слово приятно как весенний день»), «Элек күреш, аннан сораш» («Сначала здоровайся, потом спрашивай»), «Яхшы сүз яу кайтарган» (букв. «Хорошее слово войско возвращает»), «Бал чебенне, яхшы сүз адәмне ияләштерә» (букв. «Мед привлекает муху, а вежливое слово – человека») и др.

3. При беседе необходимо избегать демонстрации собственного «я», навязывания собеседнику своего мнения и оценки (но это не значит – не убеждать), проявлять скромность в самооценке. В споре занять позицию партнера, т.е. войти в эмпатию.

По этому поводу народ свою душевную скромность и великодушие выражает в своих пословицах, поговорках и т.д.: «Күп бел, аз сөйлә» («Много знай, мало говори»), «Кыскалыкта – остальк» («В краткости – мастерство»), «Ике уйла, бер сөйлә» («Дважды думай, один раз говори»), «Хәерле сүз аз булыр» («Толкового слова много не бывает») и т.д.

4. Прежде чем высказать свою точку зрения, следует выслушать собеседника, учитывать его социальное положение, осведомленность в теме, степень его заинтересованности в ней.

Народная мудрость гласит: «Суны – сеңәр жиргә, сүзне – сыяр жиргә» (букв. «Воду – где пропитается, слово – где услышится»), «Тәһәр сүз – яңгырсыз күкрәү» (букв. «Недоходчивое слово – гром без дождя»), «Суксаң – авырттыр, әйтсәң – ишеттер» (букв. «Ударяешь – чтоб больно, говоришь – чтоб слышно») и др.

5. Важно выбрать тему, интересную и понятную собеседнику и уместную в данной ситуации.

Словарь М. Юнусова 1900 г. отличается простотой и доступностью и адресован непосредственно изучающим татарский язык. Автор воспользовался лишь одним алфавитом, однако последний не всегда точен и систематичен.

Появление многочисленных двуязычных татарско-русских словарей в XIX – начале XX вв. объясняется политической, экономической и общественной ситуацией в Российской империи и за её пределами. В то время татарский язык служил функциональным государственным языком и языком дипломатии в отношениях России со странами Востока. На территории России татарские купцы широко развернули торговую деятельность. Большую потребность в русско-татарских и татарско-русских словарях создавали задачи миссионерской деятельности среди татарского, тюркского населения, преподавание татарского языка в ряде высших учебных заведениях и гимназиях.

Литература

Кононов А.Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период) / А.Н. Кононов. – М.: Наука, 1974. – 340 с.

Хаков В.Х. Тагар әдәби теле тарихы. – Казан, 1994. – С. 209–210.

Хисамова Ф.М. XVIII йөздәге татарча эш кәгазе язмаларынын тел үзенчәлекләре / Ф. М. Хисамова. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. – 162 б.

(о высоком человеке: плавно и важно), *кәтлаттарса* (частит. о маленьком человеке), *йавкаланса* (выхляясь, т.е. как бы извиваясь, о длинном человеке) *утаҫсё. Таплаттарса утни (резкий, твердый шаг при ходьбе, со стуком)*» [1:ХП, 186].

Народный танец чрезвычайно богат и разнообразен. В нем отражены характер труда, быта, культуры и истории народа, выражены его чувства и настроения. Не было ни одного сколько-нибудь радостного события в быту людей, куда вместе с музыкой не вкрапливались бы хореографические элементы. В далеком прошлом танцы исполнялись не только во время веселых праздников, но и как составной элемент обрядов, ритуалов. Их проводили пожилые люди. Исключительно для молодежи устраивались зимние посиделки и весенние праздники танцев – хороводы.

В данной статье приведены лишь малая часть богатства хореографических терминов Н.И.Ашмарина. Чувашская народная танцевальная терминология богата и разнообразна по своей природе, еще ждет своего исследователя, глубокого и всестороннего освещения.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка: вып. 1-17. – Казань. Чебоксары, 1928-1950.

2. Балет: энциклопедия. / Гл. ред. Ю.Н.Григоревич. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 623 с., ил.

3. *Милютин В.А.* О чувашских народных танцах / Народное музыкальное искусство Чувашии. Сборник статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 1991. – 104 с.

4. *Милютин В.А.* Чувашская народная хореография. Часть I: Хороводы. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – 268 с.

СЛОВО-СИМВОЛ «ОҚ» В ЭПОСЕ «ОГУЗ-НАМЕ» ТУРФАНСКОГО СПИСКА

Турфанский список эпоса «Огуз-наме», зафиксированный в XIII веке на древнейгузском письме. Данный список хранится в фонде Шарля Шефера Национальной библиотеки Парижа [Suppl, turg, 1001]. В.В. Радлову была предоставлена возможность работы с этим списком. Как вспоминает В.В. Радлов, текст эпоса был «любезно предоставлен Шарлем Шефером». Ученый дает перевод текста на русский язык [Радлов В.В.:1893]. Следующим исследователем «Огуз-наме» был А.М. Щербак. Им опубликована монография «Огуз-наме. Мухаббат-наме» (1959). В последующем были сделаны попытки перевода эпоса на казахский язык [Огуз-наме, 1986].

В основном текст «Огуз-наме» изучался с лингвистической точки зрения. Текст составлен рифмованной прозой. Поэтому это явление привлекало внимание многих исследователей. К проблеме поэтических строк в тексте обращались Риза Нур, Пауль Пелльо, В. Банг и Г.Р. Рахмати. Проблеме поэтических вставок посвящена объемная статья И.В. Стеблевой, в которой дается оценка работе предшественников [Стеблева И.В.: 1983, 289-309].

Нами предпринята попытка рассмотреть вопросы композиционного строения, отражения действительности в нем. При изучении значений лексического состава наблюдались неточности при переводе на русский язык. Так, например, строка: «*В один из дней озарились глаза Ай-каган, и она родила сына*» несет в себе информацию о рождении Огуза. Это выражение не верно было понято исследователем Х.Короглы. Он считает, что «*зачат Огуз каган от лучей света, которыми озарились глаза Ай-каган*» - матери героя» [Короглы Х.: 1976, 39]. В данном случае Х.Короглы ошибочно понял выражение «*көзу йарип болады*». Верное значение дано в работе А.М. Щербак [Щербак А.М.: 1959, 65] – «*глаза Ай-каган озарились, она родила сына*». Что и в современном уйгурском языке «*көзи йориди*» и узбекское «*кузи ёриди*» означают «она разрешилась от бремени (родила)». Для подтверждения нашей мысли обращаемся к труду Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк». Значение слова «*йаруди*» объясняется следующим образом: «*йоруп-яшина кэтти, хошал болди* – осветилась, озарилась, радовалась» [Махмуд Кашгари: 1984, 3-119]. Иными словами сочетание «*көзу йарип болады*» несет в себе смысл, означающий радость, предоставленная с рождением ребенка. В течение многих веков это сочетание не меняло своего значения.

Вопрос, которого планировали осветить в рамках данного исследования – слово-символ «оқ». Данное слово встречаем в концовке текста, где повествуется о курултае, который был созван для того, чтобы определить место сыновей в обществе. Этот процесс напоминает собой дуальную организацию общества. Определение статуса детей Огуз-кагана в эпосе объясняется как указание свыше. Так, прорицатель при дворе Огуз-кагана Улуг-Турук видит сон: «*золотой лук и три серебряные стрелы. Этот золотой лук простирался со стороны восхода солнца в сторону захода, а три серебряные стрелы были обращены в сторону ночи*». Дается следующее толкование сна: «*Ниспослало священное небо [мне] (знамение) во время сна. Пусть свершится [это]. Пусть передадут захваченные земли твоим потомкам*», - молвил» [Щербак А.М.: 1959, 58]. Возникает вопрос, почему же лук и стрелы выступают символами, определяющими социальный статус детей в обществе. Во-первых, лук и стрелы являлись одними из основных орудий в древности. Во-вторых, лук и стрелы в отдельности не имеют смысла. Вместе они сила. Так, призывается к сплоченности и единству братьев. В этом заключается символика золотого лука и серебряных стрел. Ведь в словах Огуз кагана сыновьям отмечается главенствующее положение золотого лука и подчинение серебряных стрел: «*Эй, младшие братья, стрелы пусть будут вашими. Лук пустил стрелы. Подобными стрелам будьте вы*» [Щербак А.М.: 1959, 61]. С одной стороны стрелы летают в том направлении, которое указывается луком. В наставлении отца детям выражается верховенство «бузоков».

Важным источником для понимания значения слова-символа выступает «Словарь» Махмуда Кашгари. В нем указываются следующие значения слова «оқ»: 1) стрела, пуля; 2) гадюка – «оқ илан»; 3) ось, стержень, жемчуг, доля. Последнее из них сопровождается толкованием, «часть земли и имущества или доля, которое достается при распределении наследства» [Махмуд Кашгари: 1981, 1-52, 66]. Эти сведения дают основания полагать, что в эпосе «Огуз-наме» слово «оқ» выступает как символ наследства. В современном уйгурском языке сохранились все значения слова «оқ» кроме смысла «доля».

Другой аспект, освещаемый нами это определение, которым сопровождается слово-символ. Как повествуется в «Огуз-наме», согласно вещему сну Огуз-каган принимает решение разделить все

По принципам построения книга похожа на современные словари. Слова в ней расположены в алфавитном порядке. Данный порядок относится не только к начальной букве слов, но и к последующим. Слова разделены в четыре столбца: в первом столбце даны татарские слова в арабской графике, в алфавитном порядке арабского языка; во втором – транслитерация слов русскими буквами; в третьем – перевод слов на русский язык, в четвертом – русское слово в арабской графике. Этот принцип широко использовался в XIX в. и нашёл отражение и в самоучителях татарского языка того времени.

В XIX в. православные миссионеры сыграли большую роль в изучении языков, фольклора и этнографии тюркских народов. Учителя татарского языка в православных учебных заведениях также являлись сторонниками этого движения. Идеальным татарским языком они считали язык крещёных татар, поэтому он и являлся предметом их обучения.

Православные миссионеры оставили заметный след и в области татарской лексикографии. Пять раз в Казани издавался составленный миссионерским обществом «Краткий татарско-русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом». Ни одно издание, а также лексический состав словаря не изучены до сих пор.

Данный словарь был очень удобен для изучающих татарский язык: его авторы учли все особенности обучения другому языку. Включение в словарь лишь активных и необходимых для общения единиц, разделение их на тематические группы, попытка отразить фонетические законы языка в письме, работа в больших случаях с эквивалентами слов при переводе – всё это свидетельствует о богатом лексикографическом опыте составителей.

Русско-татарский словарь К. Насыри, изданный в 1892 г. и состоящий из 264 страниц, считается особенно значительным лексикографическим трудом среди словарей второй половины XIX в. Его полное название на русском языке – «Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как термины».

В русско-татарский словарь включено около 20 тысяч единиц. В словаре они расположены в алфавитном порядке русского языка и написаны в соответствии с орфографией того времени. Перевод слов даётся арабской графикой.

В самом конце книги расположена таблица, в которой указаны номера страниц, где слова начинаются с новой буквы алфавита. Таким образом, К.Насыри и с технической стороны построил свой словарь, основываясь на опыте русских авторов того времени.

Словарь К. Насыри стал одним из значительных трудов своей эпохи. Он выделялся количеством и видами включенных в него слов, методами перевода лексических единиц и сравнения двух языков.

В 1894 г. А.А. Воскресенский издал свой «Русско-татарский словарь». объёмом в 374 страницы. Словарь состоит из слов, собранных А.Воскресенским в деревнях Казанской губернии, а также взятых из разных пособий, написанных для крещёно-татарских школ.

Как уже отмечалось, «Русско-татарский словарь» А.А. Воскресенского очень близок по своему содержанию словарю Н. Остроумова, изданному в 1892 г. Можно даже сказать, что два словаря составляют единое целое.

В словаре А. Воскресенского встречаются диалектальные, устаревшие и заимствованные слова. Среди них большое место занимает диалектная лексика. Проблема диалектной лексики является очень интересной, увлекательной и важной с исторической точки зрения проблемой.

До наших дней дошли четыре словаря М.Юнусова: «Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений, составленный... Юнусовым» (1900), «Татарча лөгать» (1903), «Русча вә татарча лөгать»(1903), «Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений» (1906).

Первый словарь, изданный в 1900 г., состоит из 115 страниц и содержит 4848 слов. Он был издан тысячным тиражом в типографии торгового дома «Каримовы» в Казани.

Структура словаря довольно проста и удачна. Как русские, так и татарские слова представлены в кириллице. Автора, в первую очередь, интересовала не орфография слов, а их правильное произношение. Во избежание трудностей при чтении татарских слов на кириллице автор каждому из них даёт примечание.

В работе нашли своё отражение диалектальные слова, относящиеся к разным сферам жизни. М. Юнусов уделяет особое внимание характерным чертам местных говоров, распространённых на территории Чистопольского уезда и Башкирии, где сам когда-то и проживал. Также он вносит в словарь диалектные слова мензелинского и мамадышского, заказанского и нагорного говоров.

При анализе слов, зафиксированных в словаре, выявлена лексика как активного, так и пассивного употребления, а также слова, утратившие своё значение. Большинство архаизмов относится к сфере ремесла, но вместе с тем зафиксированы слова, относящиеся к другим областям жизни.

Автор обращает внимание и на происхождение слов, при этом указывая на язык, из которого заимствовано данное слово. Например, к словам приставлены такие сокращённые примечания, как «араб.», «перс.». В первом томе зафиксировано 374 арабских и 162 персидских слова, во втором – 283 арабских и 23 персидских заимствования. Но отмеченные в словаре арабско-персидские заимствования не ограничиваются лишь этим.

Рядом с некоторыми словами автор даёт в скобках такие лексические пояснения, как «трава», «дерево», «платье», «плод», «зверёк», «растение», «рыба», «болезнь», «грамматический термин», тем самым, фиксируя их принадлежность к определённой тематической группе. Но данные примечания используются не всегда. Можно предположить, что автор таким образом отмечал слова, не знакомые читателям и редко используемые в речи.

Словарь А. Троянского – один из крупнейших татарско-русских словарей, первой половины XIX в., вобравший в себя более 22 тысяч слов и словоформ. На наш взгляд, огромное лексическое богатство данного словаря достойно отдельного монографического исследования.

В XIX в. в Оренбургском кадетском корпусе им. Неплюева преподавались многие восточные языки, в том числе и татарский. В этом учебном заведении работали такие специалисты, как М. Иванов, М. Бекчурин, С. Кукляшев. Каждый из них, исходя из своего опыта работы, составлял и издавал учебники, словари, разговорники и хрестоматии. Один из таких трудов – «Словарь к татарской хрестоматии» С. Кукляшева.

«Словарь к татарской хрестоматии» С. Кукляшева был издан в типографии Казанского университета в 1859 г. Разрешение на издание словаря было получено у И.Ф. Готвальда. На сегодняшний день фонду Готвальда принадлежит несколько копий данного словаря, которые хранятся в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета.

Словарь С. Кукляшева отличается от других словарей того времени. К подобным словарям можно отнести труды И. Хальфина, Н.Ф. Катанова. Хрестоматия же С. Кукляшева и словарь, составленный в качестве приложения к ней, в первую очередь адресованы не татарам. Цель словаря – дать объяснение и перевод каждому слову хрестоматии.

Словарь составлен в алфавитном порядке: сначала указаны татарские слова, написанные арабским шрифтом, а рядом даны их переводы на русский язык. С. Кукляшев, применительно к контексту попытался дать наиболее полные и точные объяснения словам. Формат словаря – 16x22.

Словарь С. Кукляшева в своё время, с одной стороны, давал возможность для понимания татарских текстов, с другой – является ныне одним из источников для изучения истории татарского языка и лексикографии. К сожалению, он практически не упоминается в современных лингвистических исследованиях.

В конце XIX в. миссионерским обществом издаются книги, пропагандирующие христианскую религию. Среди них можно отметить словарь Н. Остроумова «Первый опыт словаря Остроумова народно-татарского языка по выговору крещёных татар Казанской губернии» (1876) и его «Татарско-русский словарь» (1892).

«Первый опыт словаря Н.Остроумова народно-татарского языка по выговору крещёных татар Казанской губернии» был издан в типографии Казанского императорского университета и предложен в качестве пособия для школ. Словарь состоит из 145 страниц. Во вступительной части даны полные сведения об истории, фонетике и морфологии, грамматике татарского языка.

Изданный в 1892 г. «Татарско-русский словарь» Н. Остроумова считался словарём миссионерского общества. В его составлении участвовали Н. Ильминский и А. Воскресенский. Первым делом начал Н. Остроумов. Н. Ильминский издал словарь, а А. Воскресенский был помощником Н. Ильминского. Данный труд состоит из 244 страниц, включает в себя 1710 слов.

Словари Н. Остроумова написаны только на кириллице, слова расположены в алфавитном порядке русского языка. При составлении данных словарей Н. Остроумов преследовал цель ознакомления татарского народа с основами христианства. Но словари играли большую роль и в обучении татар русскому языку. Словарь 1876 г. включает в себя богатый материал об истории татарского народа, татарском языке, мусульманах и миссионерах.

Эти словари содержат диалектальные, устаревшие и заимствованные слова. Среди них большое место занимает диалектальная лексика, характерная для говора крещёных татар. Проблема диалектальной лексики – очень интересная, увлекательная и важная с исторической точки зрения проблема.

Словарь К. Насыри «Татарча-русча лөгать китабы» был издан в 1878 г. для обучения татар русскому языку и русскоязычных – татарскому. Он включает в себя 2923 слова и состоит из 120 страниц.

земли и богатства распределить детям. Зная, что «золотой лук, простирается от востока к западу» он отправляет туда сыновей от первой жены. Детей, рожденных от второй жены, отправляет «в сторону ночи». Согласно происхождению матерей определяет наследника трона и статус остальных сыновей. Обладателей золотого лука «бузоков» Огуз каган нарекает наследниками трона. Здесь прослеживается схема: старшие – золотой лук – главные. Обладателям серебряных стрел «учоков» наказывает быть подчиненными по отношению к другим братьям. Следовательно, выявляется схема: младшие – серебряные стрелы – подчиненные или неглавные. Четко вырисовывается статус матерей и его влияние на социальное положение сыновей. Вероятно, это отголоски матриархата. С другой стороны, на социальное положение детей влияет статус божеств древнетюркского пантеона. Дети от первой жены, которая предназначена кагану от Кок Тенгри, имеют право выбираться правителем. Дети от второй жены, предназначенной ему святой Йер-Сув, должны подчиняться, «словно стрелы, направленные луком». Здесь четко вырисовывается статус божеств верхнего и среднего уровней древнетюркского пантеона божеств.

Следует отметить, что золото в мифологии выступает выражением власти. Как определяет Н.Л. Жуковская, это «универсальный космический символ, с которым связано появление земли и первого человека, предков правителей и самих правителей, понятие вечности» [Жуковская Н.Л.: 1988,164]. По этой причине в эпосе обладателей золотого лука «бузоков» Огуз-каган нарекает наследниками трона. Из выше изложенного следует, что золото и власть правителя взаимосвязаны.

В лексико-грамматическом комментарии, составленном А.М. Щербак пропущено значение слово «*ögüdüñ tilädi*». Значение находим в «Словаре» Махмуда Кашгари: «*ögütlädi*» – дал наставление, посоветовал [Махмуд Кашгари: 1981, 1-393]. Корень глагола «*ögütlädi*» – «*ög*», означающая разум, ум, рассудок. Человека умного, рассудительного и старшего по возрасту называли «*ögä*» [Махмуд Кашгари, 1981, 1-67]. Это же выражение встречается в поэме «Кутадгу билиг» Юсуфа Хас Хаджиша. Первый компонент имен двух героев поэмы «*ög*» – Огдурмиш, Огдулмиш, означающие «дающий наставления», «принимаящий наставления». Широко использованное в XI-XIII в. значение слова «*ög*» в языке современных уйгуров было забыто. Обращаясь к труду Махмуда Кашгари, выявляем раннюю форму.

По тексту Великий Турук является пожилым человеком, советником Огуз-кагана. Именно ему снится сон, посредством которого передается воля Кок Тенгри. Снится золотой лук, и три серебряные стрелы. Золотой лук простирался со стороны восхода солнца в сторону захода, а три серебряные стрелы были обращены в сторону ночи. Стороны света передаются сочетаниями «*күн тугуш*» (восток), «*күн батуш*» (запад). Такую же форму встречаем в «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари – «*күн тугди*» (восход солнца) [Махмуд Кашгари: 1984, 2-18]. В современном уйгурском языке сохранился фразеологизм «*күни тугмақ*», означающий «оказаться в затруднительном положении» [Джамалдинов О.: 1985, 101]. Хотя сохранилось сочетание «*күн петиш*» в значении запад, закат.

Хотелось бы обратить внимание еще на несколько лексем встречающихся в эпосе. Происхождение этнонима кангли связывается с именем человека, соорудившего телегу, который при движении издавал скрип. Так, значение телеги «кангли» встречаем в «Словаре» Махмуда Кашгари. «Кангли» – телега, изготовленная из пеньков для перевозки тяжелых грузов [Махмуд Кашгари: 1984, 3-517]. Согласно тексту эпоса Огуз-каган телегу, соорудившего мастер по имени Бармаклук Джосун Биллик, назвал «канга» [Щербак А.М.: 1959, 52-53]. Далее повествуется, что «на телегу погрузили добро, а в нее впрягли живую добычу» [Щербак А.М.: 1959, 52]. В тексте использованы словосочетания «*өлүг баргу*», «*тириг баргу*». В древнеуйгурском языке само слово «*тириг*» давало значение «любое живое животное» [Махмуд Кашгари: 1981, 1-502]. Возможно, в «Огуз-наме» для передачи смысла «добыча одушевленное и неодушевленное» использовано выше приведенное сочетание.

Таким образом, при сравнительном изучении лексического состава эпоса и «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари удалось выяснить, что в древнем эпосе «Огуз-наме» наблюдается применение слова-символа «ок». Значения некоторых лексем, встречаемых в произведениях XI-XIII вв. сузились, утратив косвенные значения.

Литература

- Paris. Bibliothegue Nationale, Suppl, turs, 1001.
В.В.Радлов. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кутадгу-билика. – Санкт-Петербург, 1893.
«Огуз-наме», сост. А.Дербисалин, М.Жармухаммедов, О.Кумисбаев. – Алма-Ата, 1986.

Стеблева И.В. Поэтическая структура «Огуз-наме» // Письменные памятники. Историко-филологическая серия. – М., 1983.

Короглы Х. Огузский героический эпос. – М., 1976.

Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. – М., 1959.

Махмуд Кашгари. Диван лугат ат-турк. – Урумчи, 1984, т.3 (на уйг. яз.).

Махмуд Кашгари. Диван лугат ат-турк. – Урумчи, 1981, т.1 (на уйг. яз.).

Жуковская Н.Л.. Категория и символика традиционной культуры монголов. – М., 1988.

Махмуд Кашгари. Диван лугат ат-турк. – Урумчи, 1984, т.2 (на уйг. яз.).

Джамалдинов О. Толковый словарь фразеологизмов уйгурского языка. – Алма-Ата, Мектеп, 1986 (на уйг. яз.).

Юсупова Альфия Шавкетовна
(г. Казань)

ИСТОРИЯ ТАТАРСКО-РУССКИХ И РУССКО-ТАТАРСКИХ СЛОВАРЕЙ XIX ВЕКА

В XIX в. в России растёт понимание необходимости изучения восточных и, том числе, татарского языка. В 1803 г. восстанавливается гуманитарное отделение в Российской академии наук. В Московском, Казанском и Харьковском университетах открываются кафедры восточных языков. В различных учебных заведениях начинают вводить преподавание татарского языка. Миссионерское движение и восточная политика требуют знания татарского языка. Сложившиеся между татарами и русскими торгово-экономические, общественно-политические и культурные связи также способствуют развитию интереса к изучению татарского и русского языков. По этим причинам на протяжении XIX в. создаются татарско-русские и русско-татарские словари, отражавшие различные сферы взаимоотношений народов.

Всего в XIX в. было издано 13 татарско-русских словарей. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

Работа И. Гиганова под названием «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка И. Гигановым и Юртовскими муллами свидетельствованные» (1801) представлена в качестве приложения к его татарской грамматике. 1800 лексических единиц расположены в словаре в различных тематических группах. Среди них выделены такие, как «Государственное устройство», «Дом», «Продукты питания», «Одежда», «Учебные принадлежности», «Погода», «Животные», «Растения», «Названия месяцев и созвездий», «Насекомые», «Камни», «Признаки предметов» и другие.

Часть лексических единиц, зафиксированных в словаре, относится к говору сибирских татар, то есть принадлежит восточному диалекту татарского языка. Большинство этих слов и в настоящее время активно функционирует в языке, но они подчинены фонетическим законам, характерным лишь для восточного диалекта. Словарь И. Гиганова, состоящий из 75 страниц, считается первым двуязычным словарём начала XIX в. По структуре он очень близок к рукописным словарям и разговорникам XVIII в. Для него также характерны распределение лексических единиц в словаре по тематическому принципу и включение в него только активно употребляемых в речи того времени слов.

Работа И. Гиганова «Словарь российско-татарский...» (1804) состоит из 672 страниц. К русским словам прилагается их дословный перевод на татарском языке. Принцип построения словаря очень близок к лексикографическим принципам сегодняшнего дня. Слова даны в порядке русского алфавита, и во многих случаях этот принцип относится не только к начальной букве слова, но и к последующим.

Слова на каждой странице поделены на три графы. В первой расположены русские слова в алфавитном порядке; во второй, соответствуя законам орфоэпии, с помощью русских букв дано правильное произношение, а в третьей – их татарские эквиваленты в арабской графике. Точный алфавитный порядок слов свидетельствует о знакомстве автора с принципами построения словарей. В некоторых случаях к переводу прилагаются однокоренные или близкие по смыслу слова. Данный метод облегчает работу со словарём и способствует быстрому запоминанию лексики татарского языка.

В связи с тем, что главной целью автора было не собирание лексики татарского языка, а обучение свободному общению на данном языке, в словаре использованы словосочетания, отдельные фразы и предложения, относящиеся к той или иной сфере жизни. Автор счёл необходимым наряду с самостоятельными частями речи привести звукоподражательные слова, служебные части речи. Важно то, что в обоих словарях даётся дословный перевод. Автор указал все варианты, употребляемые в речи той области, где сам и проживал. В словарях большое место занимают диалектизмы, свойственные языку татар Восточной Сибири.

Вклад Александра Троянского в татарскую лексикографию велик, но, к сожалению, до сегодняшнего дня его «Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских, собранный трудами и тщанием учителя татарского языка в Казанской семинарии священника Александра Троянского и напечатанный с дозволения комиссии духовных училищ» не изучен в необходимой степени и не получил должной научной оценки. Первый том этого словаря издаётся в 1833 г. в типографии Казанского университета. В нём 629 страниц и около 6 490 слов. Второй том издаётся в 1835 г. состоит из 340 страниц. В нём собрано около 300 слов. Формат словаря – 26x25.

Словарь составлен в алфавитном порядке. Фонетические варианты слов представлены как отдельные лексические единицы. Включение в словарь географических и этнографических терминов делает словарь ещё более интересным.

16. удм. **шарт** *подражание треску, хрусту* [ЧРС 1961: 552] || удм. **шарт** *звукоподр. стуку о твёрдый предмет* [УРС 1983: 495].

17. чув. **шәмпәл** *подражание всплеску воды* [ЧРС 1961: 557] || удм. **жомбыль, жомбыль-жомбыль** *звукоподр. всплеску воды* [УРС 1983: 142].

18. чув. **шәп** *подр. – о наступлении тишины* [ЧРС 1961: 558] || удм. **шып, шып-шып: ~ кариськыны** *утихнуть* [УРС 1983: 512].

19. чув. **шәпәр** *подражание капели* [ЧРС 1961: 559] || удм. **шапыр, шыпыр** *звукоподр. шуму падающих капель* [УРС 1983: 494, 512].

Таким образом, в изучении ономастопозитических слов, как в тюркских, так и в финно-угорских языках, остается много нерешенных вопросов. В первую очередь – это изучение фонетической структуры подражательного слова, структурные типы и его этимология.

Литература

Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при СМ УАССР. – М.: Рус. яз., 1983. – 592 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

Соколов С. В. Некоторые особенности этимологизации ономастопов (на материале названий птиц) // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. статей / АН СССР. УрО. Удм ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1990. – С. 98–102.

Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. – Ижевск, 1981. – 105 с.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. – Ижевск: «Изд-во Удм. ун-та», 1993. – 170 с.

УРС = Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при СМ УАССР. – М.: Рус. яз., 1983. – 592 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т.1. А-Р. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 470 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т.2. С-Я. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 509 с.

ЧРС = Чувашско-русский словарь: Ок. 25000 слов / Под ред. М. Я. Сироткина; НИИ при СМ Чувашской АССР. – М.: «Государственное изд-во иностранных и национальных словарей», 1961. – 630 с.

Мукатдесова Чулпан Рестаювна
(г. Казань)

ТАТАР ҺӘМ АЛМАН ФРАЗЕОЛОГИЗМНАРЫНДА “ХЕЗМӘТ” КОНЦЕПТЫНЫҢ ЧАГЫЛЫШЫ [ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ТРУД» В ТАТАРСКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ]

Тел – дөньяны танып белү чарасы. Танып белү телдә чагылыш таба һәм һәр буын тәҗрибәсе алдагы буынга күчә. Шуның нәтижәсендә телне кеше, аның фикерләве, дөньяны кабул итүе белән бәйләп өйрәнү юнәлеше барлыкка килә. Бу – когнитив юнәлеш. Бүгенге көндә зур үсеш алган когнитив лингвистика фәне телне кешенең танып белү эшчәнлегенә нәтижәсе буларак өйрәнә. Бу фән телләр картинасы һәм концепт терминнары белән эш итә. Кешенең дөнья турында гомер буе жыйган барлык белемнәре аның аңында дөнья картинасы буларак формалаша. Бу дөнья картинасы кешенең чынбарлыкка мөнәсәбәтен билгели, үз-үзен тотышына, кыйммәтләр системасының оешуына тәсир итә. Бер телдә сөйләшүче кешеләр дөньяны шул тел өчен генә хас булган “дөнья картинасы” итеп күзаллылар. [1; 63]

Дөнья картинасы концептлардан оеша. Бүгенге көнгә кадәр галимнәр арасында концепт терминын аңлатуда уртақ фикер юк. А.Вежицкая әйтүенчә, концепт – кешенең чынбарлыкны милли үзәк аша күзаллавы нәтижәсендә туган төшенчә. [2; 85] Ягъни ул – теге яки бу халык күзаллавында оешкан билгеле бер төшенчәгә хас барлык билгеләр җыелмасы, тулы бер системасы.

Бүгенге көндә телләрнең дөнья картинасында тоткан урынын билгеләү актуальгә алгы планга чыкты. Телләрне мондый аспектта өйрәнү безгә халык турында, аның дөньяны кабул итү үзенчәлекләрен, мили, дини кыйммәтләрен мәдәниятен аңларга ярдәм итә. Безнеңчә, телләрнең дөнья картинасында башка телләр белән беррәттән, берничә гасырлык тарихы булган татар теле дә лаеклы урын алырга тиеш. Моның өчен татар телен дөнья телләре белән чагыштырырга, уртақ һәм аермалы якларын ачыкларга кирәк. Дөнья картинасы үзенчәлекләре халык авыз иҗатында чагыла. Шуңа күрә, татар һәм алман телләрендә “хезмәт” концептын тикшерүдә чыганак итеп мәкаль-әйтемләрне куллану кулай табылды.

Татар һәм алман телләрендә “хезмәт” концептын чагыштыру барышында түбәндәгә нәтижеләр ясалды:

1. Телләрнең фәнни картиналарында житди аермалар күзәтелмәде, ягъни ике телнең дә фәнни картиналарында хезмәт – ул кешедән акыл яки физик көч таләп итә торган максатлы эш; эшчәнлек нәтижәсе.

2. Татарларда киң таралган *Кем эшләми, шул ашамый, Эш беткәч, уйнарга ярый* кебек мәкальләре алман халкында да очратырга була: *Wer nicht arbeitet, soll auch nicht essen; Erst die Arbeit, dann das Vergnügen.*

3. Ике халык мәкальләрендә дә хезмәтнең миһнәт дәрәжәсендә авыр булуы, ләкин рәхәтлек һәм шатлык, тәмле ризык шул хезмәт авырлыгының бүлгә диелә: *Хезмәтнең тире ачы, җимеше татлы - Arbeit hat bittere Wurzel, süsse Frucht.*

4. Алман халкында хезмәтне бернинди матди байлык белән дә алмаштырып булмый дип әйтелә, ә татарларда хезмәт алтын һәм хәзинә белән тиңләштерелә: *Arbeitsschweiss an Händen hat mehr Ehre, als ein goldenen Ring am Finger* (*Кулдагы хезмәт тире бармактагы алтын балдакка караганда зуррак хөрмәткә ия*) – *Хезмәт төбе - хәзинә.*

5. Татар телендә *Калган эшкә кар ява* мәкале эш кулланыла, алманнарда шундый ук мәгънәдә мәкальләр бар: *Was du heute kannst besorgen, dann verschiebe nicht auf morgen* (*Бүген эшләп була торган эшне иртәгәгә калдырма*). Шуңа ук вакытта эшкә битараф карау ике халыкка да хас күренеш икәнлеген ачыкланды: *Arbeit ist kein Hase, läuft nicht in den Wald.* - *Эш кура җилгә түгел, коелмас.*

6. Хезмәт, эшләнгән эш өчен түләнергә тиеш, дигән фикер ике халыкка да хас: *Ашына күрә табагы, хезмәтенә күрә бәһасы.* - *Guter Lohn macht Arbeit leicht* (*Яхшы бүләк эшнә җиңеләйтә*). Алманнар үзләренең мәкаль-әйтемләрнең түләүнең кайвакытта гаделсез булырга мөмкинлеген дә әйтәләр: *Der eine hat die Arbeit, der andere den Lohn* (*Берәүгә – эш, берәүгә-түләү*)

7. Ике халыкта да һөнәрле булу мактала. Татар халкы өчен әһәмиятле һөнәрләр булып балта остасы һәм тимерче санала: *Балтасы барның кулы уйнар, балтасының күзе уйнар; Тимере бар тилмермәс.* Алман халкында исә, төп игътибар икмәк пешерүче, итче һәм балта остасы кебек һөнәрләргә бирелә: *Bäckerbrot ist Leckerbrot* (*Икмәк пешерүченең ише тәмле була*); *Ein Schlächter kauft dem anderen keine Wurst ab* (*Итче итчедән колбаса алмас*); *Gute Zimmerläute machen wenig Späne*

(Оста балтачының йомычкасы аз булыр). Алман мәкальләрендә һөнәр байлык чыганагы итеп каралса, татар мәкальләрендә һөнәрле булу егетлек билгеләренен берсе булып санала: *егет кешега житмеш төрле һөнәр дә аз (484)*.

8. Хезмәт концептына тырышлык һәм ялкаулык, уңганлык һәм булдыксызлык кебек төшенчәләр бәйләнешле дип табылды. Еш кына капма- каршы булган тырышлык һәм ялкаулык, тырыш һәм ялкау кешеләр чагыштырып бирелә. Мәкальләр тырышлык, уңганлык кебек сыйфатларны мактый, ә ялкау, булдыксыз кешеләрне рәхимсез фаш итә, алардан көлә: *Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute (Бүген түгел иртәгә, дип ялкаулар әйтә) – Ялкау утырып йоклый, ятып эшли*.

9. Алман халкы хезмәтне сәламәтлекнең нигезе, аны саклаучы итеп кабул итә: *Arbeit erhält die Gesundheit (Хезмәт сәламәтлекне саклай)*. Татар халкында да, нигездә, шундый мәгънә аңлашылса да (*Эшләп үлмәссен, чирләп үләрсең*), конкрет хезмәт һәм сәламәтлек компонентларынан торган мәкальләр очрамады.

10. Татар халкында хезмәт концептына бәйле рәвештә каралган мәкальләр арасында шактыйлары хезмәт коралы, эшне башкаручы төп объект буларак кул төшенчәләрен үзәккә алган. Аларда һәр эш төренең үз коралы барлыгы, корал белән сак эш итәргә кирәклеге, коралы барның көче, башкалардан өстенлеге барлыгы асызыклана: (*Һәр эшнең үз коралы бар; Белмәсәң, коралга тимә; Коралсызның кулы ике, кораллының уника*) Алман халык мәкальләрен тикшерү барышында мондый типтагы мәкальләр очрамады.

Мисаллардан күренгәнчә, хезмәт кеше тормышында, аның нинди генә халык вәкиле булуына карамастан, мөһим роль уйный. Шунлыктан татар һәм алман телләрендә “хезмәт” концепты бирелеш, нигездә охшаш. Охшашлыкларның күп булуын без хезмәт концептының гомумкешелек концепты булуы белән аңлатабыз. Аермалар татар һәм алман халкының милли, мәдәни, тарихи һәм дини үзенчәлекләре белән аңлатыла.

Әдәбият

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа/Й.Л.Вайсгербер. – Москва: Едиториал УССР, 2004. – 232 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание/А.Вежбицкая. – Москва: Русские словари, 1997. – 513 с.
3. Татар халык мәкальләре. Өч томда. Т.1. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1959. – 455 б.
4. Frey C., Herzog A. Deutsche Sprichwörter für Ausländer/C.Frey, A.Herzog. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1972. – 119 s.

Язык является средством познания мира. Самопознание мира отражается в языке, а опыт познания передается из поколения в поколение и с помощью лингвистических средств. В следствии этого возникает направление в изучении языка через человека, через его мышление, образ познания. Это – когнитивное направление. Быстрыми темпами развивающаяся когнитивная лингвистика изучает язык как результат познания мира человеком. Эта наука имеет дело с такими терминами как «картина мира» и «концепт». Все знания человека о мире формируются в качестве картины мира в его голове. Эта картина мира определяет отношение человека к реальности, влияет на его поведение, на формирование системы ценностей. Люди, общающиеся на одном языке, представляют мир «картиной мира», свойственной только для этого языка.

Картина мира формируется из концептов. Концепт – система знаков, возникших в представлении того или иного народа и свойственных определенному понятию.

Сегодня стало актуальным определение места языков в картине мира и их влияние на самосознание. Изучение языков в этом аспекте дает нам информацию о народе, помогает понять особенности восприятия мира, национальные и религиозные ценности, культуру. По нашему мнению, на ряду с другими языками, татарский язык, имеющий многовековую историю, должен занять достойное место в картине мира. Для этого нужно сравнивать татарский язык с мировыми языками, выявить его сходства и различия с ними. Особенности картины мира в полном объеме проявляется в устном народном творчестве. Поэтому, при изучении концепта «труд» в немецком и татарском языках, мы сочли целесообразным использовать в качестве источника пословицы и поговорки, так как именно в них отражается остроумие, нравы народа, передающиеся через афористические высказывания.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, картина мира, концепт

Keywords: cognitive linguistics, the picture of the world, concept

звукотражательных слов. Не решен, например, вопрос, в каких случаях звукотражательные наименования являются заимствованными, в каких случаях они возникли самостоятельно, могут ли “звукотражательные названия (вообще ономафоны) переходить из одного языка в другой или они возникают самостоятельно в каждом языке” [Соколов 1990: 98]. По этой причине мы попытались лишь сопоставить лексический материал двух неродственных языков, который, на наш взгляд, в некоторых случаях явно носит заимствованный характер. При анализе нами были просмотрены следующие работы: «Этимологический словарь чувашского языка» М. Р. Федотова в 2-х томах и «Краткий этимологический словарь коми языка» В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева.

1. чув. **валь** подр. – о мелькании, колыхании [ЧРС 1961: 58]; **валь-валь** [ЧРС 1961: 58]; **вӑль** подр. – об однократном мелькании [ЧРС 1961: 63] || удм. **чиль-валь** наречно-изобр. сл., обозначающее переливы красок в воде или отражение блеска [УРС 1983: 473].

2. чув. **кӑлтӑр** подражание стуку вращающихся или катящихся предметов [ЧРС 1961: 147] || удм. **колтыр, колтыр-колтыр** звукоподр. скрипу вращающегося колеса телеги на деревянном ходу или вращению тюрлика (трубицы) при мотании на него (неё) пряжи [УРС 1983: 206]. Слово является тюркским по происхождению [см. Федотов 1996: 219].

3. чув. **чӑштӑр** подражание шуршанию сухих листьев и веток под ногами [ЧРС 1961: 532] || удм. **цаштыр, цаштыр-цаштыр** звукоподр. шуршанию, шелесту [УРС 1983: 484]; **цуштыр-цаштыр** с шелестом, с шуршанием, с шорохом [УРС 1983: 489].

4. чув. **лакӑр** 1. подражание звуку, возникающему при быстром погружении предмета во что-л. жидкое 2. подражание хрипению при кашле 3. подражание звуку расшатанных предметов [ЧРС 1961: 187] || удм. **лакыр-лакыр**: ~ **вазыны** сильно хрустеть; ~ **пӱсьгыны** совсем износиться [УРС 1983: 251].

5. чув. **лапӑр-лапӑр** 1. подражание звуку, возникающему при хлопанье крыльев 2. подражание звуку, возникающему при лакании [ЧРС 1961: 190] || удм. **лопыр, лопыр-лопыр** звукоподр. 1. шуму крыльев, шелесту развевающихся знамен с шумом, с шелестом 2. бурлению, бульканью жидкости при кипении бурля, булькая [УРС 1983: 259].

6. чув. **лакки-лакки** 1. подр. – о раскачивании из стороны в сторону 2. подражание звукам, возникающим при тряске по ухабам [ЧРС 1961: 202] || удм. **лук-лак** 1. небрежно; небрежный 2. неуклюже || неуклюжий [УРС 1983: 261].

7. чув. **лӓмпӓрр** подражание звуку, возникающему при прыжке или падении в воду [ЧРС 1961: 202]; **шампӑр** подражание сильному шуму, возникающему при движении кого-чего-л. в воде [ЧРС 1961: 549] || удм. **жамбыр** звукоподр. шуму, возникающему при движении кого-чего-л. в воде.

8. чув. **тапӑр, тапӑр-тапӑр** подражание топоту ног (обычно при пляске) [ЧРС 1961: 386] || удм. **тапыр, тапыр-тапыр** звукоподр. топоту ног, цоканью копыт [УРС 1983: 411]. Булгарское заимствование в финно-угорских языках: удм. тапыртыны ‘топать’, коми тапод, морд. м. таптамс, венг. tápodni [Тараканов 1993: 122].

9. чув. **тӓкӑр** 1. подражание звуку, возникающему при высыпании на пол твёрдых круглых предметов (напр. картофеля и т. п.) 2. подражание звуку, возникающему при передвижении мебели [ЧРС 1961: 397] || удм. **такыр** звукоподр. треску, постукиванию, грохоту [УРС 1983: 410].

10. чув. **тӓл** подр. – о пристальном взгляде [ЧРС 1961: 397] || удм. **дол, доллы**: ~ **учкыны** пристально смотреть [УРС 1983: 125].

11. чув. **тӓнкӑр** подражание однократному грохоту [ЧРС 1961: 400] || удм. **дангыр, дынгыр** звукоподр. грохоту, стуку при езде по мёрзлой земле с грохотом, со стуком, грохоча, стуча [УРС 1983: 131].

12. чув. **тӓр** подр. – о дрожании [ЧРС 1961: 403] || удм. **дыр-р**: ~ **куалекъяны** дрожать (от холода, от испуга) [УРС 1983: 132].

13. чув. **тӓнкӓл** подражание звуку, возникающему при одиночном ударе по колокольчику [ЧРС 1961: 418] || удм. **чингыль-чингыль** подр. звону колокольчика динь-динь-динь [УРС 1983: 474].

14. чув. **чап** 1. подражание звучному поцелую 2. подражание звуку лёгкого шлепка 3. подражание чавканью [ЧРС 1961: 523] || удм. **чап-чап** звукоподр. чавканью при еде [УРС 1983: 468].

15. чув. **шалтӑр** 1. подражание стуку быстро едущей телеги 2. подражание хрусту чего-л. ломающегося [ЧРС 548-549]; **шӓлтӑр** [ЧРС 1961: 556] || удм. **шалтыр** звукоподр. стуку деревянными предметами [УРС 1983: 493]. Имеются соответствия в татарском и башкирском языках: тат. башк. шалтыр-шолтыр звукоподр. звону, звуку металлических предметов, которые гремят при движении [Тараканов 1993: 150].

НАРЕЧНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ И ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В УДМУРТСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Удмуртский и чувашский языки насчитывают в своем словарном составе большое количество наречно-изобразительных и звукоподражательных слов.

2. Определения, данные ономастическим словам, делятся по содержанию на две основные группы: одни определяют их подражающие звукам внешнего мира слова, другие – как слова приблизительно изображающие звуки внешнего мира. В первой формулировке мы сталкиваемся с имитированием, то есть, со звуковым явлением, стоящим вне закона, во втором случае – со звукоподражанием, т.е. с приблизительной передачей звука при помощи языковых средств. В последнем случае мы пытаемся с помощью звуков воспроизвести какое-либо услышанное нами явление. Наряду со звукоподражаниями существуют такие слова, которые характеризуют видимые нами явления. Данным словам дают следующие определения: «образные», «звуко-образные», «наречно-изобразительные» и др.

3. По своей структуре удмуртские и чувашские наречно-изобразительные и звукоподражательные слова бывают простыми и сложными. К простым относятся односоставные, к сложным – удвоенные и парные образования.

Простые (односоставные) изобразительные слова обозначают признак действия, не указывая на какие-либо оттенки значения данного признака. Иногда они выражают однократность или мгновенность действия, например: удм. **быльырак** наречно-изобр. сл.: **синвуосыз ~ потйзы** внезапно покатились слёзы [УРС 1983: 64]; удм. **дамбырак** звукоподр. *грохоту при падении громоздких предметов* с грохотом, со стуком [УРС 1983: 120]; удм. **лорс** звукоподр. *внезапному хрусту, треску* [УРС 1983: 259]; чув. **вашт** 1. *подр. – о быстром движении* 2. живо, быстро, моментально [ЧРС 1961: 61]; чув. **вёлтёрт** *подр. – о резком движении* [ЧРС 1961: 62]; чув. **йәнкәрт** *подражание бульканью проглатываемой жидкости* [ЧРС 1961: 116].

Удвоенные изобразительные слова (повторы одних и тех же слов) обозначают многократность действия, усиливают значение признака действия, «выражают категории периодичности, интенсивности и обладают большой экспрессивностью» [Алатырев 1983: 586], например: удм. **вар-вар** наречно-изобр. сл с клокотанием [УРС 1983: 74]; удм. **домбыр-домбыр** звукоподр. *бренчанию на музыкальном инструменте* [УРС 1983: 125]; удм. **чутык-чутык** наречно-изобр. сл., *подражание походке хромого человека* [УРС 1983: 481]; чув. **вёлтёр-вёлтёр** *подр. – о колебательных движениях* [ЧРС 1961: 69]; чув. **йәлтти-йәлтти** *подр. – о ритмичном подпрыгивании, толчках* [ЧРС 1961: 115]; чув. **лечёр-лечёр** *подражание чавканью полужидкой массы* [ЧРС 1961: 212].

Парные изобразительные слова, из которых один компонент в звуковом отношении отличается от другого по составу гласных или согласных, показывают разнообразие оттенков признака действия: удм. **њукур-някур** звукоподр. *скрипу, напр. телеги, обуви, деревьев* [УРС 1983: 163]; удм. **сюлтыр-калтыр** наречно-изобр. сл., *обозначающее взлохмоченность, взъерошенность* [УРС 1983: 406]; удм. **лынгыр-лангыр** звукоподр. *разноголосому звону колокольчиков* [УРС 1983: 265]; чув. **йәкәл-якәл** *подр. – о скользящих движениях неодинаковой силы* [ЧРС 1961: 114]; чув. **йәнкки-янкки** 1. *подр. – о неожиданных и резких движениях (напр. о вращении находящегося в воде бревна, когда наступают на него)* 2. *подр. – о неравномерном качании, подпрыгивании* 3. *подр. – о прыжках, скачках (напр. резвящихся ягнят, козлят)* [ЧРС 1961: 116]; чув. **ләр-лар** 1. *подражание отрывистым басовым звукам* [ЧРС 1961: 206].

4. Известно, что «предки современных удмуртов и коми еще в период их общепермской языковой общности, в течение примерно двух столетий, вплоть до VIII века находились под влиянием тюркоязычных болгарских племен, одно из которых с языком чувашского стора оказало на пермяков огромное по тому времени влияние, что доказывается наличием в коми языке нескольких десятков слов чувашского происхождения, не говоря уже о сотнях чувашских заимствований в удмуртском языке, носители которых оставались дольше в сфере влияния болгар» [Федотов 1996: 70]. Тараканов И. В. [Тараканов 1981: 32] насчитывает в удмуртском языке более 190 заимствованных лексических единиц из языка болгар, но ни одной звукоподражательной основы им не отмечено. Может ли быть такое на самом деле? Ответ на этот вопрос дать весьма и весьма сложно. Дело в том, что проблематичным в лингвистике стоит вопрос об этимологии изобразительных и

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ ЧУВАШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Уникальная роль Библии в истории человечества проявилась и в том, что каждое поколение исследователей открывало ее новые культурно-исторические грани. К ним относится и феномен издания переводов Библии на чувашском языке. В основе появления этих изданий прослеживаются глубинные причины социальной и духовной эволюции чувашского мира. XIX-XX вв. происходили качественные преобразования в чувашском социуме, которые определили современное состояние всей чувашской культуры, в том числе и чувашского литературного языка.

Стоит обратить внимание и на то, что издание переводов библейских книг обычно предшествовало или сопутствовало работам по фиксации и закреплению норм литературного языка. Примечательно, что у чувашского народа Библия на родном языке появилась в период становления нации и это сыграло немаловажную роль в развитии национального самосознания. Особое место, которое в этнокультурном развитии чувашского народа принадлежало переводам библейских книг, превращает ее в важнейший и все еще недостаточно осмысленный источник. Главная ценность заключена в универсальности, что в свою очередь позволяет использовать сами переводы и динамику их издания как существенный инструмент научного анализа. Иными словами, чувашский перевод Библии в яковлевский период с полным основанием может рассматриваться в качестве одного из объективных и авторитетных этнокультурных определителей.

Оформление литературного языка в строго кодифицированную систему за короткое время во многом стало возможным именно благодаря переводам библейских книг и другой церковно-богослужбной литературы. Первоначально реализованная разновидность современного чувашского литературного языка – церковно-богослужбный стиль. Общение в сфере церковной жизни разносторонне и полномерно обслуживалось чувашским языком. Он применялся и в литургии, и в проповеднической деятельности. На нем издавалась довольно разнообразная литература. Достаточно сказать, что две трети всех изданий яковлевского периода относятся к богослужбной литературе.

Под влиянием переводов начинает складываться литературный язык, вполне возможно, некоторое время отождествлявшийся богослужбным стилем.

Церковно-богослужбная литература с ее строгой нормированностью явилась благоприятным условием становления литературного языка, определила перспективы его развития, что весьма положительно отразилось в языковом наполнении остальных функциональных стилей, особенно на родственно-художественном.

Исследователи предполагают, что «оказание значительного влияния церковно-богослужбного стиля на становление художественного стиля может быть объяснено общностью их фундаментальных экстралингвистических условий, одновременностью формирования названных стилей и литературного языка, хронологически первичной реализованностью по сравнению с другими функциональными стилями» [1].

Влияние качеств церковно-богослужбного стиля на публицистическую и научную разновидности литературного языка менее выражено.

Ко времени их появления существовал уже некий идеал литературно-языкового образования, в итоге их обусловивший. Названные стили обслуживали сферы, менее важные с точки зрения их соответствия требованиям культуры речи, что проявилось в низких качественных характеристиках речи в сравнении с речью богослужбной [2].

Специфика качественного содержания богослужбного стиля чувашского языка наряду с первичными условиями не в меньшей степени определяется вторичными экстралингвистическими факторами. Такими определителями, перекликающимися с принципами и методами перевода, признаются: 1) осознание важности сообщения; 2) условие доступности переводного текста.

Осознание важности сообщения ставит переводчика в жесткие рамки в выборе языкового материала. Проблемы выбора не существует только при наличии стилистически нейтральной

единицы общенационального плана. Существование же диалектных вариантов, синонимичных диалектизм, стилистических синонимов, отсутствие необходимой единицы требовало приложения огромных усилий для передачи содержания православного текста адекватными средствами чувашского языка. Переводчикам следовало добиться максимального соответствия чувашского производного текста канонизированному славянскому, что в основном и удавалось сделать.

Для доступности сообщения требуется введение в переводный текст разъясняющей информации. Насыщенность богослужебного текста дополнительными сведениями, зависящими от сложности содержания, жанра, а также авторской компетенции, реализуется в виде заскобочного приведения диалектных дублетов, использования внутритекстовых комментариев и примечаний, отсутствующих в тексте.

Богослужебный стиль относительно других стилей во всех аспектах имеет превосходные характеристики: он исторически традиционен – первые чувашские тексты явились богослужебными; хронологически первичен – вначале сложился богослужебный стиль; лингвистически совершенен – колебания в номах употребления языковых единиц минимальны; интенсивен – стиль представлен самым большим количеством изданий, объемами текстов, тиражами; максимально востребован.

Как полагает А.И.Горшков, «Литературный язык возникает в процессе функционально обусловленного преобразования разговорного языка. В самом общем виде это преобразование может быть определено как переход от спонтанно-диалогической к преднамеренно-монологической организации текста» [3]. Переводческой школе И.Я.Яковлева в процессе перевода церковно-богослужебной литературы удалось осуществить этот переход в полной мере.

В результате были созданы лучшие образцы литературного употребления чувашского языка, которые, несомненно, явились ориентирами еще долгое время и для публицистов, и для творцов художественных произведений.

Литературный язык должен быть приемлем всем. Обычно литературный язык в той или иной мере вбирает в себя элементы всех говоров или диалектов какого-либо народа.

У чувашей не было единого общенародного чувашского языка (металекта), а имелось несколько диалектов. Перед просветителем возникла дилемма: создавать письменность для каждого диалекта или выбрать один из них в качестве основного. И.Я.Яковлевым было принято решение: « у чуваш разных местностей под влиянием более сильной старой культуры – татарской, в зависимости от других местных условий, имелись различные наслоения. Приходилось избирать какое-либо одно чувашское наречие как наиболее хранящую в себе простонародную чувашскую простоту, и его сделать основным для переводов». Таким наречием стал низовой диалект, точнее – говор села Кошки-Новотимбаево, родного села просветителя.

Результат объединенного труда переводчиков, редакторов и консультантов – полновесно функционирующая чувашская православная литература, сыгравшая большую роль в этнической идентификации чувашей, их фактическом утверждении в православии, становлении всей чувашской письменной культуры. В частности, принципы перевода православно христианской литературы, составленные И.Я.Яковлевым и его сподвижниками, обосновали традиции смыслового перевода текстов, принадлежащих разным функциональным стилям чувашского языка.

Грандиозный шаг вперед, который совершила Библия переведенная, И.Я.Яковлевым, объясняется следующим: дело в том, что И.Я.Яковлев как библейский переводчик расширил возможности чувашского языка больше, чем это удавалось кому-либо другому. В ходе своей работы он брал на вооружение те или иные народные слова, однако, говоря "лицом к лицу с народом", он никогда не уподоблял свою речь народной.

Его цель состояла не в том, чтобы обязательно находить народные обороты речи, но чтобы с полной силой проявить образность и дух чувашского языка. Взамен рабскому подражанию иностранным языковым формам И.Я.Яковлев хотел найти естественный способ выражения тех или иных понятий на чувашском языке. Именно это он имел в виду под словами "быть лицом к лицу с народом", и ему это блестяще удалось.

И.Я.Яковлев и его помощники не всегда находили окончательный вариант перевода с первого раза. До конца жизни патриарх работал над детальной правкой своего перевода, целью которой являлось "говорить на чистом и ясном чувашском языке".

общетеоретического положения о первичности в слове лексического и вторичности грамматического, вытекающего из того обстоятельства, что только лексика более или менее непосредственным образом связана с передаваемым в языке содержанием, естественно предположить, что именно в плане лексики лежат фундаментальные черты языковой структуры, обуславливающие собой максимально широкую совокупность более частных признаков - координат других уровней [сравн.: Г.А.Климов 1977: 81-82; Севортян Э.В. ж. Советская тюркология, 1970 №3.:3-9; Мельников Г.П. ж. Советская тюркология, 1971, №6.: 9-10].

Литература

1. Климов Г.А. Типология языков активного строя. – М., 1977.
2. Лисицина Т.А. Лингвистическая теория и метод: на пути к целостности // Исследование по семантике. Межвузовский научный сборник: Вып. 24. В честь юбилея профессора Р.М.Гайсиной. – Уфа, РИЦ БашГУ, 2008.
3. Мельников Г.П. Семантика и проблемы тюркологии // Советская тюркология. – 1971. – № 6.
4. Севортян Э.В. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям грамматики // Советская тюркология. – 1970. – № 3.
5. Халиуллина Н.У., Шайхулов А.Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества (опыт лексико-семантического и идиографического словаря). – В 2-х частях: Ч. 2- Уфа, 2004; Ч.2. Уфа, 2004.
6. Шайхулов А.Г. Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты системно-идиографической характеристики на общетюркском фоне). – М. (Ин-т языкознания РАН) – Уфа, 1999.
7. Шайхулов А.Г. Односложные корневые основы в кыпчакских языках Урало-Поволжья (опыт синхронической и диахронической характеристики). – Уфа, 2000.
8. Шайхулов А.Г. Структура и идеографические парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья (синописис и таксономия когнитивной сферы «Природа (неживая и живая)» в континууме обще-, и межтюркской лексики). – Уфа, 2000.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМНОГО ИЗУЧЕНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В ЯЗЫКАХ АЛТАЙСКОГО СООБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОСЛОЖНЫХ КОРНЕВЫХ ОСНОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ)

Язык, как известно, - важнейший инструмент приобретения, сохранения и передачи человеческого знания, постоянно аккумулирующий поток информации, и как таковой, он не может оставаться неизменным. Даже в генетически однородных языках, в особенности в структурах их корневых основ, возможно наличия этимологически тождественных единиц, семантика которых претерпела существенные изменения с течением времени.

В эпоху смены научных парадигм, способов и стилей мышления и мероприятия, ведущейся в поисках соразмерности мира и человека лингвистика оказалась как бы в эпицентре развития современной научной картины мира и интегративных процессов внутри самой языковедческой науки – на семантическом направлении, где ее базой являются когнитивные установки.

Новое направление развития лингвистической теории как таксономической программы исследования языковых явлений, сочетающей охват и активную переработку многообразной эмпирической информации и обладающей более широкими объяснительно-предсказательными возможностями, наиболее эффективно, как об этом в свое время дальновидно констатировал видный отечественный языковед Г.А.Климов, реализуется в рамках историко-лексикологических штудий. В частности, он писал, что «в распоряжении языкознания оказывается все больше теоретических аргументов в пользу тезиса о системном построении лексики, обуславливающим специфику функционирующих в ней принципов номинации, а также в пользу мнения, что именно существующие в языке принципы организации лексики определяют типологический облик его остальных уровней [сравн.: Климов 1977, 81-82; Лисицина 2008, 51-62].

Предлагаемые лингвистические штудии базируются на материале тюркских, в основном, кыпчакско-булгарской подгруппы (татарского и башкирского), и, частично, булгарской (чувашского) языков Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона. При этом необходимо отметить, что данное исследование является, **с одной стороны**, как бы введением в методологию и методику системного описания исторической и диалектной (апеллятивной) лексики указанных близкородственных языков, цель которого - предложить способы и приемы, способствующие выявлению общих и различительных особенностей семантической реконструкции, специфику взаимодействия и ареальные соотношения в свете их историко-культурной общности, которые осмысляются на общетюркском фоне, где фактологический материал берется в разноструктурном объеме (имеются в виду одно-, двух- и трехсложные корни и основы) и которые, в известном смысле, получают синхроническую характеристику; **с другой** – полученные предварительного характера результаты в рамках когнитивной (вначале), затем – ономазиологической (мотивационной, номинационной) классификации. **I. Познание** (априори): **II. Природа** (неживая и живая). **III. Человек** (как физико-биологическое существо). **IV. Общество** (человек как общественное существо), являются как бы структурным (тезаурусным) базисом для выявления и установления идеографической (понятийной) парадигматики только для таких корней и основ, чьи структуры обозначаются как односложные (модели типа "Г" (гласный) "ГС" или "СГ", "СГС" или "ГСГ", "СГСС"), которые, в отличие от первого этапа, могут рассматриваться уже в плане их диахронической характеристики, позволяющие, на наш взгляд (именно об этом говорят и полученные предварительные результаты [Халиуллина, Шайхулов 2004; Шайхулов 1999; 2000; 2000] вести многоплановые (фонологические, морфонологические к фоносемантические и ономазиологические исследования в рамках описания идеографической парадигматики односложных корней и основ в лексической системе тюркских языков Урало-Поволжья.

Большие задачи, стоящие перед тюркской лексикологией в исследовании языков как в синхронической, так и диахроническом планах, каждый из которых имеет свои специфические проблемы, требуют изучения лексики в общетюркском, межтюркском и ареальном масштабах, изучению некоторых из них посвящено данное выступление.

В заключении устанавливается, что интенсивное вовлечение в орбиту исследования широкого круга языков позволяют увидеть такие структуры, в которых определенные принципы организация лексической системы представляются весьма прозрачными. Более того, исходя из

Его первое правило перевода состояло в том, что переводчику не следует держаться за каждую букву переводимого текста, но передавать его смысл. "Всякий, кто желает говорить по-чувашски, не должен выражаться по-древнееврейски. Если он понимает еврея, то должен понять, что именно тот имеет в виду, и затем спросить себя: "А что в этом случае говорит чуваш?" Поэтому, когда он подберет для этого чувашские слова, он должен отпустить слова древнееврейские и как можно лучше выразить смысл по-чувашски",- так учил своих помощников И.Я.Яковлев.

Правило "смысл прежде слова" переставало быть применимым, когда переводчики сталкивались с такими словами и фразами оригинала, заменить которые было невозможно. Для них выбор между "буквально" и "по смыслу" требовал личной проницательности ума переводчика в каждом конкретном случае: "Иногда мы строго придерживались слов, а в других местах передавали только смысл",- пишет сподвижник И.Я.Яковлева А.П. Петров (Туринге) [4].

Литература

1. Фомин Э.В. Роль церковно-богослужебной литературы в становлении функциональных стилей чувашского языка //И.Я.Яковлев и духовный мир современного многонационального общества. – Чебоксары, 1998. – С. 180-182.
2. Фомин Э.В. Значение научного стиля в становлении чувашского литературного языка //Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья. – Ижевск, 2004. – С. 255.
3. Горшков А.И. История русского литературного языка. – М., 1984. – С. 78.
4. Переписка о чувашских изданиях Переводческой комиссии. – Казань, 1890. – С. 142.

ТЮРКСКИЙ КОМПОНЕНТ В ТОПОНИМИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

До настоящего исследования тюркский компонент в топонимии Республики Коми не рассматривался. Такое положение, возможно, объясняется недостаточностью топонимических данных с одной стороны, с другой – отсутствием прямых контактов коми и тюркских языков. К примеру, среди пермских языков, в удмуртском и коми-пермяцком, зафиксирован ряд названий тюркского происхождения. Большая часть топонимов географически локализована в южных, юго-восточных, прикамских территориях.

В коми топонимии тюркский компонент также фиксируется, например, ср. апеллятивы, некоторые из них распространены также и в удмуртском и коми-пермяцком языках, имеют параллели в тюркских:

1. *елга*; ср. тат. елга «река»;

Елга, левый приток р. Верхняя Лопья;

2. *көти/көддэ/кыти*; ср. тюрк. *кои*: апеллятивное значение «бровь»; в топонимии «берег реки, вал, высокий берег» [СНГТ: 1984, 265]; «извилистый берег, изогнутый берег реки в виде дуги (брови)»; тунг.-маньч. апеллятивы со значением «извиваться», «кривизна», «изогнуть», «угол» [ТМС: 1975, 1]; ср. эвенк. *кочокту* «извилистая река с частыми мысами, меняющими направление течения»; алт. *кожого* «приток реки», «русло пересыхающей реки».

2.1. *көти*: апеллятивное значение: лл. уд. көтш, вв. в. вым. иж. нв. печ. сс. уд. көтшас, л. көтшаска «часть избы под полатями около двери, задний угол» [ССКЗД: 1961, 173]; вом көтш «угол за щекой»; в коми топонимии имеет значение «излучина реки», көтшас «лука, излучина (реки)», вв. вым. уд. көтшас «излучина реки» [ССКЗД: 1961, 169], вым. көтшас «крутой берег», нв. көтшас «крутой, обвалившийся берег; захлащенный разными наносами, хламом берег», кч. көчыс «излучина реки»;

Слизов/көти (Слудка, Прилузье), луг, букв. «излучина возле с. Слизово»; *Көч/пон* (Сыктывкар), село, букв. «село в конце излучины»; *Кочас/эль* (Ухта), ручей, букв. «лесной ручей на излучине» и т.д.

Апеллятив послужил основой для образования сложного географического термина, распространенного в коми топонимии, кыркөтш «крутой, обрывистый высокий берег», вв. печ. скр. сс. кыркөтш «обрыв крутой обрывистый берег», скр. куркөтш йыв, сс. кыркөтш йыл «вершина обрыва, крутого обрывистого берега» [ССКЗД: 1961, 188]; *Гөрд/кыркөти*, луг, букв. «красный обрывистый берег»; *Кыркөти* (Объячево, Прилузье), луг, букв. «излучина у обрыва»; *Сьөд/кыркөти* (Сыктывкар), поселок, букв. «черный обрывистый берег»; *Кыркөти/нюр* (Княжпогост), болото, букв. «болото у обрывистого берега» и т.д.

2.2. *көддэ*: апеллятивное значение: нв. пывсян көддэ, уд. пывсян көддэвөдз, пывсян көддэведз, сс. вв. пывсян көддэ, вв. пывсян көддэ «предбанник» [ССКЗД: 1961, 295], специальное сооружение из стоячих жердей в виде угла и полукруга перед входом в баню; нв. көддэж «задорога, часть пода печи, по одну сторону чела, куда собирается пепел», сс. көддэж «отверстие сверху овина для прохода жара» [ССКЗД: 1961, 169]; в коми топонимии имеет значение: «полуостров, образуемый излучиной реки» [Шахов: 1924 31]; «лука, излучина (реки)»; «выступ берега, образуемый излучиной реки», «залив». Общеперм. коз «изгиб, излучина, угол» [КЭСК: 1970 138];

Лывина/көддэ (Слудка, Прилузье), урочище, букв. «излучина, заливаемая весенними водами»; *Шөр/көддэ*, ур. (Слудка, Прилузье), урочище, букв. «центральная излучина»; *Кыр/көддэ* (Слудка, Прилузье), урочище, букв. «излучина с обрывом»; *Онълань/көддэ* (Ношуль, Прилузье), ур., букв. «излучина в низовье»; *Слизов/көддэ* (Слудка, Прилузье), ур., букв. «излучина возле с. Слизово»; *Мамай/көддэ* (Слудка, Прилузье), ур., Мамай – личное имя татарского происхождения. Антропоним, по мнению Н.А. Баскакова, происходит от основы мам «черт, дьявол» + частица –ай – рудимент родительного падежа [Баскаков: 1979, 222], көддэ «излучина (реки)» - «излучина Мамай» и т.д.

В коми-пермяцком языке көддэ «лука, излучина (реки)» [КПРС: 1985 190]; *Көддэ видз*, луг, букв. «луг на излучине» [Аксенова: 1996, 13]; *Күзь көддэ*, излучина, букв. «длинная излучина» [Аксенова: 1992, 15].

В удмуртском языке *кож* «омут»; «излучина реки», «глубокое место в реке»; «залив в реке» [КЭСК: 1970, 138]; *кож/ныр*¹, коса, букв. «коса, расположенная у омута» [Кириллова: 2002, 390]; *пайа/кож*, омут, букв. «омут лещей» [Кириллова: 2002, 269]; *харитон/кож*, омут, букв. «омут Харитона» [Кириллова: 2002, 364].

От апеллятива образован сложный географический термин, распространенный в коми и коми-пермяцкой топонимии, *көддэжөрөм* «проток или старое русло в излучине реки, старица; островок, образовавшийся между руслом и старицей реки»; скр. көддэж өрөдөм, вв. көддэж өрем, в. вым. л. печ. уд. көддэжөрөм, иж. вв. көддэжерем «плесо, прямое русло меж излучин реки» [ССКЗД: 1961, 169], иж. көддэжэрэм «старица» [ИД: 1976, 164], нв. көддэжөрөм «плесо, прямое русло меж излучин реки» [НВД:

идиома *илэк менэн ньу ташыу* (букв. носить воду решетом) означает не просто делать что-либо заведомо впустую, без результата, а заниматься какой-либо целенаправленной деятельностью, используя совершенно не подходящие для достижения этих целей средства, что с необходимостью приводит к неудаче. Сравним идиому *юкты бушка аузарыу* «перевалить из пустого порожнее», к которой это толкование непреложимо. Здесь важное место занимает знание о том, что решето является непригодным для ношения воды инструментом. Следовательно, речь идет не о квазивизуальных представлениях, а об операциях над знанием. И в этом смысле, нельзя не согласиться с мнением Д.О.Добровольского о том, что «концептуализация эмоций в отличие от концептуализации сущностей предметного мира, в особо значительной степени определяются языковыми факторами. Поскольку сфера эмоций недоступна прямому наблюдению, языковая фиксация симптоматических реакций и физических состояний, устойчиво ассоциируемых с той или иной эмоцией, является основой, на которой в наивной картине мира формируются представления о сущностных характеристиках этой эмоции [4, 82]. Отсюда ясно, что фразеологизмы с эмоционально-оценочной функцией обладают ярко выраженной коннотативностью. Это свойство заключено в смысловой структуре слова с фразеологически связанным значением.

Литература

1. Брутян Г.А. Язык и картина мира. Язык и культура. Хрестоматия по спецкурсу для студентов-филологов. – Уфа, 2000. – С.55–59.
2. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. – М., 1971. – 223 с.
3. Уракин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь. – М., 1989. – 404 с.
4. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – №1. – С.71-93.
5. Никитина Т.Г. К вопросу о квалификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания. – 1995. – №2. – С.68–82.
6. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М., 1985.

¹ Орфография в удмуртских и коми-пермяцких примерах соответствует источнику материала.

особенностей проявления его психологических и физических свойств: *мөхәббәт ялкыны* “пламя любви”, *нәфрәт уты* “огонь ненависти”, *куңел ныклыгы* “стойкость духа” *куңел тыныслыгы* “спокойствие души”, *мө хәббәт күпере* “мост любви” и т.п.

По той причине, что фразеологические единицы, как принято считать, отражают картину мира, свойственную определенной языковой общности, большой интерес представляют данные Т.Г.Никитиной [5, 69] о том, что в “Словаре- справочнике по русской фразеологии” Р.И.Яранцева [6] фразеологические единицы, отображающие эмоции, свойства и качества человека, характеристику явлений и ситуаций, распределены по 17 тематическим разделам. А русские фразеологические единицы, характеризующие человека (“антропокваликативные”), в полном объеме исследованы в “системно- семантическом” аспекте М.С.Горе и на диалектном материале С.А.Бойцовым и Н.В.Богдановской. В работах Ю.П.Солодуба, Г.А.Багаутдиновой, И.В.Кашинной, Э.Н.Покровской, А.И.Кудрявцевой, Т.А.Зуевой систематизированы фразеологические единицы, покрывающие такие важные понятийные зоны сферы “Человек”, как “Качественная оценка лица”, “Психические процессы и свойства личности”, “Эмоциональное состояние лица”, “Психическое состояние человека”, “Процесс речи”, “Трудовая деятельность человека”. Все эти важные аспекты, безусловно присутствующие и в башкирском языке, почти не исследованы лингвистами. Тогда как под картиной мира мы понимаем результат всей духовной жизни человека, в том числе и его контакты с миром - бытовые, предметно-практическую деятельность, созерцание, умопостижение мира, т.е. формирование в процессе синтеза результаты познавательных и оценочных процессов. Поскольку концепт “Человек” является ключевым в обыденной картине мира, в фразеологических единицах им особым образом сгруппируется, и наиболее детализируется то, что актуально для человека в его повседневной жизни.

Нередко фразеологизмы ярко и живо дополняют смысл определенного понятия, выраженного существительным с отвлеченным значением: *фекер ебе* “нить мысли, размышления”, *фекер йомгагы* “клубок мыслей, размышлений”, *каты карар* “твёрдое решение, намерение”, *Кан дошман* “кровный враг”, тел төбө намек, скрытое значение “сказанного”, *мөхәббәт күпере* “мост любви”, *Кан Кәрзәш* “близкий, кровный родственник” и т.п. Безусловно, фразеологизмы с эмоционально- оценочной функцией принадлежат к продуктивным образным средствам языка.

Известно, что концепт безразличен к своей языковой манифестации. Мы также склоняемся к мнению Д.О. Добровольского о том, “если в языке существует ряд идиом, по-разному выражающих один тот же концепт, то есть основания считать, что мы имеем дело не с тождественным самому себе концептом, а с разными концептуальными вариантами и соответственно с разными семантическими структурами” [4, 71]. Поясним на примерах: *бет асыуын тундан алыу* (букв. наказать шубу из-за вша), *беткә үсегеп*, *тун ягыу* (букв. обидевшись на вша, сжечь шубу), *беткә үсегеу* (букв. обидеться на вша); *һаКаллы быЗау* (букв. теленок с бородой), *һаКаллы сабый* (букв. ребёнок с бородой), *һаКаллы бәрәңге* (букв. картошка с бородой), *һаКаллы мәрийә* (букв. русская женщина с бородой); *төСө китеу* (букв. сбросить краску, свет), *төСө Касыу* (букв.... спрятаться), *төСө уңыу* (букв. ...линять), *төСө Кайтыу* (букв. ...уйти, сойти), *төСө бозолоу* (букв. ...испортиться) и т.д. В данных фразеологизмах речь идет о выражении лица. Соответственно этому, одна и та же эмоция, выраженная в языке разными способами, не тождественна самой себе. Продолжим этот же ряд примерами: *төС кереу* (букв...войти “освежить”, *төҘ алыу* (букв...брать “принять окраску / направление, форму”), *төС ташлау* (внешнее изменение в худшую сторону, “стареть”, “стать некрасивым”; *асыу тотоу* (букв. держать зло), *үс һаКлау* (букв. хранить зло); *үс алыу* (букв. брать зло). Семантика последних фразеологизмов соответствует значениям “иметь зуб”, “свести счеты”. Следовательно, при описании значения фразеологизмов целесообразно наряду с прочими компонентами плана содержания принимать во внимание и образную систему, так как фразеологическим единицам характерно наличие более или менее живой внутренней формы.” Образный потенциал идиомы – это, по-видимому, более комплексный и разносторонний феномен, чем то, что следует понимать под языковым образом или внутренней формой лексической единицы в лингвистических исследованиях. При актуализации идиомы перед мысленным взором говорящих могут возникать квазивизуальные образы, которые в определенных условиях могут ими сознательно описываться и истолковываться и которые, как правило, никак не связаны с актуальным значением соответствующих идиом [4, 73]. Так,

1977, 114]; в коми-пермяцком языке коджором «старлица; островок, образовавшийся между руслом и старицей реки» [КПРС: 1985, 190].

2.3. **кытши**: апеллятивное значение: вв. вым. иж. л. нв. печ. скр. уд. кытш «круг; обод; кольцо, окружение, окружность» [ССКЗД: 1961, 190]; в коми топонимии зафиксировано в виде кытшыль «изгиб», иж. печ. кытшыль, уд. кытшыль «кривизна; изгиб, извив, извилина, поворот; излучина, лука (реки)» [ССКЗД: 1961, 420], сс. кытшыль «кривизна, изгиб, извилина, излучина (реки)» [ССД: 1980, 123], скр. кытшов, вв. вс. печ. сс. кытшол «обход, объезд, окольный путь» [ССКЗД: 1961, 190];

Кытшыль/из (Сев. Урал), гора, букв. «гора у излучины»; *Кытшыль/кось* (Сев. Урал), порог, букв. «порог у излучины» и т.д.

В коми-пермяцкой топонимии кытш «кольцо, окружение, окружность; кривой» [Аксенова: 1996, 7].

3. **адз** «пойма (реки)»: аз' лл. «долина реки», аз'ти л. (Ношуль, Прилузье) «глинистая наносимая земля» (ти «земля»); удм. азь: аздор вс. «безлесная местность, нелесистая». Общеперм. *аз' «безлесная местность», «луг» [КЭСК: 1970, 30]; ср. эст. аs «луг около ручья», венг. asz'o «долина, низменность», «река, ручей» [СНГТ: 1984, 58]; ср. тюрк. ач- «открывать», «фаскрывать», алт. ачык «открытое место», «поляна, луг среди леса» [СНГТ: 1984, 60].

Адз/ва, прав. приток р. Уса, букв. «пойменная река»; *Адз/ва/вом* (Инта), село, букв. «село в устье пойменной реки»; *Кодж/улт/адз* (Гурьевка, Прилузье), луг, букв. «пойма под излучиной»; *Лыа/дор/адз* (Занулье, Прилузье), луг, букв. «пойма около песчаной косы» и т.д.

В коми-пермяцкой топонимии адз «пойма реки»: *Адзиб* (Лызово), поле, букв. «поле в пойме реки».

4. **таиш**, печ. *таиш из* «точильный камень» [ССКЗД: 1961, 366]; ср. тюрк. таш «камень, скала, нередко возвышенность, гора»

Таиш/кыр (Обьячево, Прилузье), ур., кыр «обрыв»-«каменный обрыв» и т.д.

Таким образом, можно предположить, что проанализированные апеллятивы были заимствованы коми языком из тюркских посредством другого языка, возможно, таким связующим языком мог быть марийский.

Сокращения

алт.-алтайские	общеперм.-общепермский
вв.-верхневычегодский (коми-зырянский)	печ.-печорский (коми-зырянский)
вс.-верхнесысольский (коми-зырянский)	рус.-русский
вым.-вымский (коми-зырянский)	с.-сысольский (коми-зырянский)
иж.-ижемский (коми-зырянский)	скр.-присыктывкарский (коми-зырянский)
к.-коми-зырянский	сс.-среднесысольский (коми-зырянский)
кп.-коми-пермяцкий	тунг.-маньч.-тунгусо-маньчжурские
л.-лузский (коми-зырянский)	тюрк.-тюркские
лет.-летский (коми-зырянский)	уд.-удорский (коми-зырянский)
лл.-лузско-летский (коми-зырянский)	удм.-удмуртский
нв.-нижневычегодский (коми-зырянский)	эвенк.-эвенкийский

Литература

- Аксёнова О.П. Коми-пермяцкие географические термины // Грамматика и лексикография коми язык: Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Вып. 58. – Сыктывкар, 1995. – С. 28–35.
- Аксёнова О.П. Коми-пермяцкие географические термины и их функционирование в топонимии Верхнего Прикамья // Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ижевск, 1996. – 19 с.
- Аксёнова О.П. Микротопонимия Нижней Иньвы // Пермистика-3. – Сыктывкар, 1992. – С. 11-15.
- Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. – Сыктывкар, 1996.
- ИД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар, 1976.
- Кириллова Л.Е. Микротопонимия бассейна Кильмези. – Ижевск, 2002. – 572 с.
- КПРС – Баталова Р.М., Кривошекова А.С. Коми-пермяцко – русский словарь. – М., 1985.
- Кривошекова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья. – Пермь, 1983. – 174 с.
- КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – М., 1970.
- Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. – Петрозаводск, 1991. – 162 с.
- НВД – Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. – М., 1977.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986. – 797 с.
- Попов С.А. Матриалы по собиранию диалектологического словаря: 1-2// ГАРК. – Ф. 710, оп. I, д. 36, 37.
- СНГТ – Э.М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984. – 301 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л., 1965-1982. – Вып. 1-8.
- ССД – Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. – М., 1980.
- ССКЗД – Жилина Т. И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961.
- ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1975, 1977. – Т.1–2.
- Шахов – Шахов Н.А. Краткий коми-русский словарь. – Устьсысольск, 1924.

ПИСЬМЕННЫЙ ПАМЯТНИК XIV ВЕКА – «ХУЛАСА»

Одним из ранних памятников старотуркменского языка XIV в. является прозаическое сочинение «Хуласа», принадлежащее неизвестному автору. Рукопись содержит 65 страниц. Орфография этого произведения близка к орфографии «Дивана» Махмуда Кашгари: гласные передаются главным образом при помощи хараката. Книга переписана почерком насх. Автор называет свой язык тюрки. Как в лексике, так и в грамматике преобладают огузские элементы. Поэтому вернее было бы язык рукописи назвать старотуркменским [Наджиб Э.Н.: 2004, 36-37].

Вариант «Хуласа», где встречаются в большом количестве элементы кипчакского языка называется Стамбульским вариантом и хранится в отделе Валеедина эфенди Баязитской государственной библиотеки. А Парижский вариант, где встречаются в большом количестве огузские элементы, хранится в Национальной библиотеке Парижа. О Парижском варианте памятника А.Зайончковский в 1956 году в журнале Польской Академии Наук «Росник Ориенталистични» №20 написал статью под названием «Мамлюкско-турецкий вариант XIV в. арабского трактата о лучниках».

Стамбульский вариант под названием «Мамлюкско-кипчакская рукопись XIV в.: Китаб фи илми нушшаб» была опубликована Куртулушом Озтопчу в 1-ой части №47 журнала «Росник Ориенталистични».

Этот труд повторно был опубликован в сборнике Кебикеш Турции в 2002 году [Ahmet B.: 2004, 400].

Памятник «Хуласа» посвящен одному из кипчакских военачальников мамлюкского Египта Толубеку (Толу-беку), по совету которого написано данное сочинение. Можно предположить, что это тот самый поэт Туглук-бек, современник Сейфа Сарай, газель которого приложена к «Гулистану».

По просьбе этого же бека написана на этом же языке и другая книга военного содержания – «Kitab al-Hajl».

Чтобы иметь представление о языке «Хуласа» приведем отрывок из начала книги, где излагаются мотивы, побудившие автора взяться за написание данной книги. После краткого мадха богу, его пророку и первым его сподвижникам, автор пишет:

معلوم اولسون كيم بو كتاب يز مغا سبب اول الد كم مخذوم طول بك قجان كم بن ضعيف بيجاره بي از ددى اكومده عرب دلنجه اوق اتمق علم اجند ن كتاب لار كتوروب اكمده قودى بكا سولدى كم بوكتاب لردن دخى از كه كتاب لردن بر كتاب يز اوق اتمق علم اجنده تركى دلنجه ديب سيلدى بن دخى انونك بيروغا بيون وردوم دخى انونك استنه اعتماد قلدوم و دخى انونك سزين قبول قلدوم بو قصقا كتابى اوق اتمق اجنده جمع قلدوم اول سز لر كم مفيد در انى الدم و دخى از اق سز لرى بر قدم اقيان كشييه هين السون ديو و دخى انونك بلا عمل قلمغا اسان السون ديو و دخى بو كتابه خلاص ديو اد ويردم.

Транскрипция «Mälüm olsun kim bu kitab jazmanğa säbäb ol oldu kim mäxzüm Tolu bek qacan kim bän zäif becäräji izdädi önumdä äräb dilindä oq atmaq ilm icindän kitab lar götürüp önumdä qodi bänä sölädi kim bu kitab lar dan däxi özgä kitab lardan bir kitab jaz oq atmaq ilm icindä türki dilinde dep sözlädi» [Наджиб Э.Н.: 1975, 36-37] (Да будет известно, причиной написания книги была эта: уважаемый Толу бек искал такого беднягу (как) меня // передо мной на арабском языке // принес книгу об учении стрельбы // положил передо мной // сказал так // кто напишет из этих и других книг другую книгу // на тюркском языке книгу об учении стрельбы – перевод Мустафа А.А.). Как мы видим из этого источника учебное пособие было написано по специальному приказу мамлюкского военачальника Толу бека, также до написания этого труда были просмотрены ряды трудов на арабском языке. Неизвестный автор рукописи продолжает свой труд так: «bän daxi anung bujruğuna bojun vurdum däxi anung üstünä i timad qıldım va däxi anung sözün qabul qıldım bu qısqa kitabı oq atmaq icindä çäm qıldün ol solar kim müfid dur anı aldım vä däxi uzaq sözläri biraqđim oqujan kişija häjn olsun dejü vä däxi bu kitabä Xulasa dejü ad verdüm» [Наджиб Э.Н.: 1975, 36-37]. (Я также повиновался его приказу // также был верен ему // также принял его слова // эта моя маленькая книга свет в учении стрельбы // а которая из них по нраву (любимая) // это взял // и укоротил длинные слова // чтобы было легко тем кто читает // и дал этой книге имя «Хуласа» – перевод Мустафа А.А.).

Встречающие в тексте такие лексические элементы как «bän», «dil», «olsun» относят язык памятника «Хуласа» к огузскому, а именно к старотуркменскому. Приведем транскрипцию памятника «Хуласа»:

Амма ол ирти адлар ким йад кылдук ол дитрәмәкләр барчаси уч хаслат дан болур: бири ики дирсәгина бош дутмакдан болур, аны гидәрмәклак ол дурур ким ики колуң бәрк дутғайсән вә дәхи еки чекниң йағрын сөнүкләрин бәрк дутғайсән вә дәхи бойнұны бош дутғайсән вә дәхи аңдамларибек бош дутғайсән вә ағәр отурмакдан болса тоғру отурғайсән, ағәр йай қатысындан

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИЕЙ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, вопрос соотношения языка и этноса столь же древен, как и само языкознание. Язык является основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса. Следовательно, коррелятивные связи языка и культуры многообразны, устойчивы и крепки. Язык может рассматриваться как орудие культуры, как одна из её ипостасей.

С точки зрения этнолингвокультурологии фразеологизмы занимают особое место в лексикологии любого языка, так как они вместе с тем, что выражают определенные понятия также служат обозначениями явлений действительности. Отсюда ясно, что во фразеологизмах образно – номинативное значение является главным, так как семантика фразеологизма связана с изображаемым данным словосочетанием явлением, действием, предметом и качеством. И именно в силу того, что язык рассматривается как средство осуществления рационального познания, при помощи которого фиксируется наше знание о внешнем и внутреннем мире, и становится достоянием других, то этнолингвокультурологический подход изучения башкирских фразеологизмов с эмоционально – оценочной функцией даёт возможность раскрыть взаимоотношение языка и мышления в процессе познания, а также выявления роли языка в формировании картины мира в сознании людей.

Согласно с этим, мы можем быть уверены в том, что эмоционально – оценочная функция фразеологизмов тесно связана с эмоциями. В свою очередь, «эмоции – это психофизиологический механизм, при помощи которого на «психическом» уровне отражения действительности под влиянием внешних воздействий изменяется внутренняя среда организма» [2, 5]. Отсюда ясно, что в эмоциях как субъективные переживания, так и их объективные проявления, в данном случае эмоциональность и оценочность, вероятно, детерминированы воздействиями внешнего мира и являются их отражением.

При таких условиях, фразеологизмы рассматриваемого вида, в отличие от других, характеризуются высокой степенью образности и оценочности. Отсюда вытекает, что в значении этих соединений слов особенно ярко проявляется оценка субъекта речи свойств обозначаемого. Например, *фекер ебе* «нить размышления», *абейзәр сыуағы* «бабье лето», *ярый ялкыны* «жар соревнования», *гүр газабы* «ад кромешный», *әнә күзе* «ушко иголки», *сыбык осо* «кончик хлыста», *йөрәк майы* (букв. жир сердца), *бәгер ите* (букв. мясо уст. печени), *күз караһы* (букв. зрачок глаза) и т.п. На этом основании, слово в связанном значении отличается эмоционально – оценочным содержанием, ввиду дополнения и обогащения их содержание новыми оттенками, придающими эмоционально – оценочную окрашенность. В данном случае всё фразеологическое сочетание в целом приобретает образно – оценочный характер, согласно с этим, носит и, в определенной мере, оценку.

В современном башкирском языке немалое количество фразеологизмов, определяющих чётко и ёмко социальный статус человека: *ауызын аһа, үткәһе күренә; һыйыр мөгәзәнә элерлек нәмәһе лә юк; бете лә юк; муйындан бурыска батыу* – «нищий, малоимущий, весь в долгах» и т.п.

Особой выразительностью, эмоционально-оценочной функцией отличаются фразеологизмы, в которых даются сжатые характеристики социального и морального облика индивида. Они ярко и красочно раскрывают сущность внутреннего мира человека. В семантике таких фразеологизмов подчеркнута, подчас и резко выражается эмотивное отношение субъекта речи к определяемому лицу: *яу башлығы* (букв. зачинатель скандала), *ир йораты* («дряной», букв. подобие мужчины), *ата ялкау* (букв. лентяйский атаман), *ғәйбәт тоқсайы* (букв. мешок сплетни, клеветы), *кулак Калдығы* (кулацкий прихвостень), *серек сабата* « глаза на мокром месте» (букв. гнилая лапоть), *ахмак баш* «голова садовая», *ебек ауыз* «горе луковое» и т.п.

Рассмотрим также фразеологизмы, раскрывающие сущность внутреннего мира человека: *йән әсеу, йөрәк һызлау* (болеть душой (сердцем), *күңел төшөү, баш эйелеу* (повесить голову, быть без настроения), *танау төшөү* (повесить нос), *акылга килеу* (браться/взяться за ум), *йөрәккә төшөү* (хватать за сердце, за душу), *йөрәк яныу* (сердце/душа пылает, горит) и т.п.

Согласно вышеуказанным фразеологизмам, некоторые именные фразеологические сочетания дают выразительную, эмоционально окрашенную характеристику тех или иных способностей лица,

аланлыгы «Акчишминская поляна» и др. Для субъекта важно указать, где находится этот географический объект, в чем особенность этого объекта. **Ак балчык базы** «букв. погреб белой глины», **Ак чәчкә аланы** «поляна белого цветка», **Ак балчык басуы** «поле белой глины», **Ак балчык тавы** «гора белой глины», **Ак балчык чокыры** «овраг белой глины», **Ак бозау күле** «озеро белого теленка», **Ак каен чиимәсе** «родник белой березы», **Аксакал межасы** «межа аксакала». Цвет **сары** «желтый», также в большинстве случаев, используется в релятивной форме. Он конкретно не указывает цвет географического объекта, а обозначает цвет флоры и фауны, связанный с этим объектом. **Сары айгыр тавы** «гора желтого жеребца», **Сары айгыр түбәсе** «холм желтого жеребца», **Сары айгыр чокыры** «овраг желтого жеребца», **Сары үлән аланы** «поляна желтой травы» и др. Такая характеристика объекта выявляет основные закономерности освоения субъектом объекта номинации [Березович, 1999: 26].

В микропонмах региона реже встречаются цвета **зәңгәр** «голубой, синий», **ала** «пестрый», **яшел** «зеленый» и **көрән** «бурый». **Зәңгәр күл** «голубое озеро», **Зәңгәр тау** «голубая гора», **Зәңгәр чиимә** «голубой ключ», **Ала куак** «пестрый куст», **Ала тау** «пестрая гора», **Алакай елгасы** «пестрая река», **Яшел чиимә** «зеленый ключ», **Көрән бакча** «бурий сад».

Очевидно, что цветообозначение природных объектов неадекватно физическому цвету. Каждый язык привносит в цветообозначение указанных объектов свое неповторимое видение этих объектов и свое мировидение. Как пишет В.Г. Кульпина «цвет природных объектов – не физическая, но ментальнофеноменальная сущность» [2001: 267].

Литература

1. Березович Е.Л. Русская народная топонимия как концептуализованное семантическое пространство // Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни. Материалы международного научного совещания 18-19 ноября 1997 года. / Е.Л. Березович. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1999. – 202 с.
2. Гаджихмедов Н.Э. Национальный менталитет и его отражение в личных именах народов Кавказа // Проблемы региональной ономастики: Материалы V Всероссийской научной конференции / Н.Э. Гаджихмедов. – Майкоп, 2006. – 316 с.
3. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия (Вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии) / Ф.Г. Гарипова. - Казань, 1998. – 572 с.
4. Кононов А.Н. О семантике слов кара и ак в тюркской географической терминологии // Изв. отд. Общественных наук АН Тадж. ССР. – Вып. 5. – Сталинабад, 11954.
5. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 / А.Н. Кононов. – М.: Наука, 1978. – С.159-179.
6. Койчубаев Е. Основные типы топонимов Семиречья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Е. Койчубаев. – Алма-Ата, 1967.
7. Кульпина Г.В. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / Г.В. Кульпина. – М.: Московский Лицей, 2001. – 470 с.
8. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
9. Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике / М.Э. Рут. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 192 с.
10. Саттаров Г.Ф. Татар топонимиясе / Г.Ф. Саттаров. – Казан: КДУ нәшр-ты, 1998. – 438 б.
11. Поспелов Е.М. Топонимический словарь: Ок. 1500 единиц / Е.М. Поспелов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 229 с.
12. Berlin B., Kay P. Basic colour terms. Their universality and evolution. Berkley – Los Angeles: University of California Press, 1969. - 178 s.
13. Waszakowa K. Polskie podstawowe nazwy barw w roli interpretantow swiata (na przykladzie nazwy barwy zielonej) // Prace Filologiczne. 2000. T. XLV. S.627.

болса, йалхуз оқ узунындан болса йумшак йай барлә атғайсан вә дәхи оқы қысқарақ қылғайсан. Вә дәхи бунуң киби не варисә оқчыйа мә'лүмдурур нечүк ким барчасыны йерлу йериндә йад қылдук. Ануң киби қылғайсан бу'айтыблар барчасы андан гедәр вә дәхи оқылар адыны алданур.

Амма оқ ойнамақ дебрәнмәк атғандан соңра ол он бир нәснәдән болур. Бири оқ йыннысындан болур вә дәхи бири кириш инич кәсіндан болур Вә дәхи бири оқ чалыш болмақдан болур вә дәхи бири оқ йаруқ // болмақдан болур вә дәхи бири оқның йеңи қоймақдан болур вә дәхи бири йайың киришиң ики қулағы мәйданың болмақдан болур вә дәхи бири йайың қатысындан болур вә дәхи бири кәз урмақдан олур. Ол аның киби дур ким оқның кәзануң ики қулағы бири бириндән йоқару болур вә дәхи бири шәхадәт бармақның учын қаты басмақдан болур, вә дәхи бири кириш халы кәзик аслындан оқ тез хараб олур, вә дәхи көкрә ойнар .

Амма ол оқ өлкәйә йақын варғанда ойнамақ андан// болур ким оқуң ағачы ичиндә бир иллат вар дурур андан ойнар йа оқ йаруқ болғай ичина йел кирүр дәхи йолда ойнар.

Амма билгил вә ағах олғыл бу заманда йайун узуны он дөрт дутам керәк дурур. Вә дәхи ол бурунғы устадарның йасы он ики дутам еди. Бу заманиң йайына өкүш мухаләфәт қылур. Аның ичүн ким ол заманың йайы ин ики дутам еди.

Амма анларың йасы он ики дутам болса киришиң бүкми қабза арасында бир қарыш дәхи бир боғун қадарынча болғай қачан ким йайы курса вә әгәр анларың йасы узуны бир дутам болса, кириш бүкми ол еди ким кириш бирлә қабза арасы бир қарыш болғай. Вә әгәр анларың он дутам болса, кириш бүкми ол еди//ким, кириш бирлә қабза арасы бир қарышдан бир дырнақ йасылығынча болғай. Вә әгәр анларың доқуз дутам болса, кириш бүкми ол еди ким, кириш бирлә қабза арасы бир қарышдан бир боғун ексүк болғай. Вә әгәр анларың йасы сәкиз дутам болса, кириш бүкми ол еди кириш бирлә қабза арасы бир дутам болғай, анлар бунуң киби йай бирлә атарларды. Бу замануң йасы он дутам дурур. Қачан ким қурыса кириш бирлә қабза арасы бир өкүш болғай//анларың киби йей бирлә атарларды. Бу замануң йасы он дөрт дутам дурур. Қачан ким курса, кириш бирлә қабза арасы бир қарыш болур. Андан артуқ болса йарамаз вә дәхи андан ексүк болса йайы одурур, бунда өкүш фарқ бар дурур.

Амма кириш узун болса оқын судар вә дәхи йити чықар вә дәхи йүрүр. Вә лакин қачан ким киришни инән узатса йай инқалып бурлур, кириш серпилүр. Вә әгәр кириш қысқа болса оқы йүрүдүр йайы салым қылур.

Тәмәт бихәмдаллахи тә'ала [Наджиб Э.Н.: 2004, 259-260].

Встречающие в средневековых письменных памятниках старокыпчакские слова не имеют различий в произношении и в смысле в современном казахском языке, например: «кириш» 'кіріс' (вход), «қысқа» 'қысқа' (короткий), «әгәр» 'егер' (если), «болғай» 'болғай' (быть), «арасы» 'арасы' (между), «заман» 'заман' (время), «оқ» 'оқ' (пуля), «болса» 'болса' (будет), «болғай» 'болғай' (быть), «бүкми» 'бүгімі' (сгиб), «узатса» 'ұзатса, ұзартса' (удлинить), «атар» 'атар, ату' (стрелять), «он ики» 'он екі' (двенадцать), «бармақ» 'бармақ' (палец), «қоймақ» 'қоймақ, қою' (ставить), «көкрә» 'күркіреу' (греметь), «бујруғуна» 'бұйрығына (бұйрұғуна)' (приказ), «özgä» 'өзге' (другой), «йаруқ» 'жарық' (светлый), «üstünä» 'үстіне' (наверх). Эта особенность говорит о том, что памятник относится к группе кыпчакских языков, а именно к западной группе старокыпчакского языка.

Разногласие в мнениях ученых о языке памятника, и то что памятник написан на территории Египта, также, то что памятник имеет значение в истории казахского языка, говорит о том что памятник требует особого исследования.

Когда говорим о старокыпчакских письменных памятниках, на первое место ствится вопрос каким был старокыпчакский разговорный и литературный язык? Были ли своеобразные особенности языка? Если были то какие? До сих пор не были найдены ответы на эти вопросы. Пришло время исследования памятника «Хуласа» и других памятников с синтаксической точки зрения с учетом особенностей старокыпчакского разговорного и литературного языка.

Литература

- Наджиб Э.Н. Культура и тюркоязычная литература мамлюкского Египта XIV века. – Туркестан: «Туран», 2004.
- Ahmet B.Ergilasun. Türk dili tarihi. – Ankara: «Akçağ», 2004.
- Наджиб Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан Сейфа Сарай и его язык». Ч.I. - Алма-Ата: «Наука», 1975.